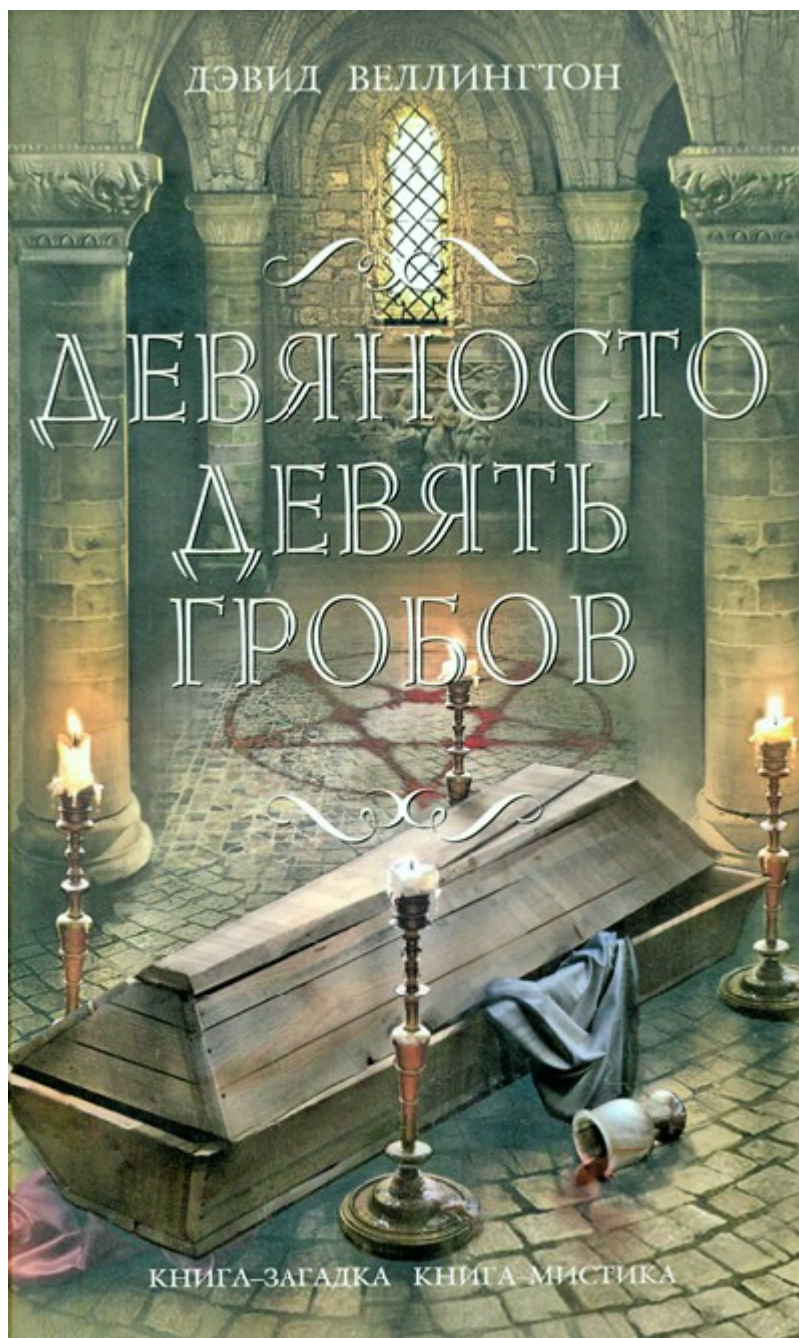

Дэвид Веллингтон
Девяносто девять гробов

Аннотация

Все началось с археологической находки под Геттисбергом, перевернувшей мирную жизнь этого американского городка. В одном из найденных археологами гробов скрывалась сила, только того и жаждущая, чтобы выбраться из тьмы на свободу. Федеральному агенту Джеймсу Аркли и его помощнице Лауре Кэкстон потребуются нечеловеческие усилия, чтобы предотвратить победное шествие вампиров, несущих гибель всему живому.

Дэвид Веллингтон

Девяносто девять гробов

Посвящается Алексу

Она старше камней, меж которых восседает; подобно вампирам, она погибала много раз и познала могильные тайны.

Уолтер Патер. Очерки по истории Ренессанса

Чесс

1

В этой обширной долине было убито или ранено пятьдесят тысяч человек, сказал себе Монтроз. Наверное, картина была адская: раненые лежали, распростершись поверх трупов, с одной вершины холма в вершину другого все еще била пушка. Ржание лошадей, гарь и полная безысходность. Страна должна была расколоться на куски, но битва на этом поле спасла ее от полного краха.

Было это, конечно, полторы сотни лет тому назад. Теперь же Монтроз смотрел на покрытое росой геттисбергское поле сражения и видел только деревья с трепещущими на ветру листьями. Ветер с силой дул между двумя горными кряжами, пригибая к земле высокую зеленую траву. Кровь давно высохла, а тела унесли, чтобы предать земле. На дальнем краю поля юноша едва различал скрупулезно выполненные, исторически правильные копии палаток, разбитых реконструкторами, но, судя по виду, даже там сейчас все спали.

Джефф Монтроз не был жаворонком. Он предпочитал считать себя существом ночным. Он вновь потер лицо, пытаясь прогнать сон, в третий раз за это утро забыв, что вокруг глаз еще оставалась подводка после клубной тусовки прошлой ночью.

Конечно, когда профессор Джон Гейстдорфер звонит вам в шесть утра и просит возглавить до его приезда студенческие раскопки, вы отвечаете как можно бодрее и торопливо одеваетесь. Профессор был самым крупным ученым, занимавшимся исследованием периода Гражданской войны, одним из наиболее влиятельных людей в Геттисбергском колледже. Студенту-выпускнику вроде Монтроза быть у профессора на хорошем счету нужно обязательно, если собираешься когда-нибудь построить свою собственную карьеру.

И если студенческие раскопки оказываются несколько необычными — ну, тогда даже самая закоренелая сова обязана сделать исключение и встать ранним утром. Монтроз выбежал из-под деревьев на дорогу и замахал профессорскому «быюику», который направлялся в его сторону. Машина притормозила на обочине в том месте, куда указал Джефф.

Гейстдорфер был высоким мужчиной с гривой седых волос и аккуратно приглаженными усами. Он вылез из машины и пошел по дороге, не дожидаясь, пока студент начнет разговор.

— Я позвонил вам сразу же, как только мы это нашли, — попытался объяснить юноша, догоняя профессора. — Никто еще туда не спускался — я за этим проследил.

Гейстдорфер кивнул, но ничего не ответил, пока оба они торопливо шли к месту раскопок. Профессор судорожно осматривал главную траншею — неровную яму, выкопанную в земле неопытными руками. На дне, все еще полузарытый, виднелся гнилой деревянный настил. Выпускники, раскопавшие его, отправились сюда только ради дополнительного балла перед экзаменом, и ни один из них не был студентом факультета изучения периода Гражданской войны. Теперь они стояли вокруг карьера, одетые ярко, с видом скучающим или испуганным, держа в руках совки с лопатами. Гейстдорфер был одним из любимых преподавателей, но запросто мог и срезать, поэтому никто не хотел

навлечь на себя его гнев.

Это место было выбрано для студенческих раскопок, ибо считалось, что для истории оно особого интереса уже не представляет. Когда-то здесь был пороховой погреб — узкая яма, вырытая в земле, где конфедераты хранили бочонки с черным порохом. В конце сражения, когда солдаты спешно отступали, они взорвали погреб, чтобы тот не попал в руки победоносно наступавших войск противника. Гейстдорфер при раскопках не ожидал найти ничего, кроме, может, обломков сгоревших бочонков или нескольких побелевших свинцовых пуль от винтовок Минье вроде тех, которые можно купить в любой сувенирной лавке города.

В первые часы раскопок им не повезло даже с этим. Но потом дела приняли более любопытный оборот. Марей Джексон, выпускница курса уголовного судопроизводства, копала на самом дне ямы, когда наткнулась на настил погреба, примерно за час до прибытия Гейстдорфера. Теперь Монтроз жестом пригласил ее выйти вперед. Она стояла, сунув руки в глубокие карманы.

— Марси ударила одну из досок лопатой, и ей показалось, что звук слишком звонкий. Будто внизу под ними пустота, — сказал Монтроз. — Она, гм, пару раз ударила совком по доскам, и те сломались. Под ними оказалось пустое пространство, кажется, довольно большое.

Это означало, что погреб был не только пороховым складом; но зачем еще его могли использовать, можно было только догадываться.

— Я просто хотела поглядеть, что там, — сказала Марей. — Считается, что мы должны быть любопытными. Вы сами говорили это на занятиях.

— Да, говорил. — Гейстдорфер секунду изучал ее. — А еще я говорил, барышня, что, как правило, при раскопках нельзя ничего разрушать, прежде чем появится приписанный к вам старший научный сотрудник, который будет следить за работой.

Монтроз заметил, как у Джексон, изучающей свои ботинки, задрожали плечи.

Взгляд профессора был строгим.

— Впрочем, учитывая результат, думаю, мы можем закрыть на это глаза.

Потом он улыбнулся тепло и дружелюбно.

— Ну, показывайте, что вы там накопили.

Студентка закусил губу и полезла вниз, в канаву, Гейстдорфер последовал за ней. Вместе они принялись изучать дыру. Профессор крикнул Монтрозу, чтобы тот принес несколько фонарей и лестницу, и первым спустился вниз, Монтроз и Джексон отправились вслед за ним. Внизу они посветили фонарями, не понимая, что же обнаружили.

Вскоре студенты решили, что пороховой погреб был выстроен поверх естественной пещеры. В Пенсильвании таких пещер было множество, хотя самые крупные находились к северу от Геттисберга. Похоже, конфедераты знали о ее местонахождении, поскольку потолок в нескольких местах был укреплен деревянными столбами. Зубчатые сталактиты нависали сверху, но пол был выровнен чьими-то усилиями. Фонари едва рассеивали почти крошечный мрак пещеры, но было видно, что она не пуста. Множество длинных, низких предметов теснилось в темноте. Они были похожи на упаковочные ящики.

Джексон осветила один из них, а потом пискнула, словно мыш. Оба мужчины направили фонари ей в лицо, и она раздраженно сощурилась.

— Я в порядке. Просто не ожидала, что тут будет гроб.

Монтроз встал на колени возле ящика, который она осматривала, и увидел, что девушка права.

— О господи, — прошептал он.

Когда они обнаружили пещеру, Джефф предположил, что они найдут там склад старого оружия или, может, давно сгнившие запасы провианта и предметы снаряжения. Мысль о том, что это могло быть захоронение, даже не пришла ему в голову.

Монтроза затрясло от возбуждения. В сердце каждого археолога таится мечта раскопать место древнего погребения. Можно восхищаться кремневыми наконечниками стрел или горами отбросов, оставшихся в наследство от первобытного человека, но причина, по

которой археолог отправляется на раскопки, в первую очередь заключается в том, что он мечтает обнаружить очередного Тутанхамона или новый тайник с терракотовыми воинами. Монтроз посветил фонариком на остальные ящики и увидел, что все они одинаковые. Длинные, восьмиугольной формы. Это были обычные деревянные гробы с простыми крышками, державшимися лишь на проржавевших петлях.

Он тут же прикинул перспективы. Внутри, разумеется, будут кости, что само по себе уже представляет огромный интерес, но, наверное, еще будут остатки одежды, а может, и украшения периода Гражданской войны. Сколько работы предстояло сделать, сколько каталогов и описей составить! Всю пещеру нужно будет занести на схему, вычертить диаграммы...

Поток мыслей был внезапно прерван, когда Джексон потянулась и подняла крышку ближайшего гроба.

— Эй, не... — крикнул он, но Марси уже успела открыть его.

— Барышня... — вздохнул профессор, но потом только покачал головой.

Монтроз пододвинулся, чтобы взглянуть. Как же он мог отказаться?

Внутри гроба лежал практически идеально сохранившийся скелет. Все кости были целы, хотя довольно странно, что они были полностью лишены тканей. Даже спустя сто сорок лет можно ожидать, что увидишь какие-нибудь остатки волос или иссушенной кожи, но эти были чисты, словно музейные экспонаты. И еще удивительнее, что череп был деформирован. Челюсти были крупнее, чем следовало. У них и зубов было больше, чем полагалось. Больше, и ни один из них не был ни моляром, ни премоляром. Это были страшного вида треугольные зубы, немного просвечивающие, как у акулы. Монтроз откуда-то знал эти зубы, но не мог сообразить откуда.

Очевидно, у Гейстдорфера память была лучше. Монтроз почувствовал, как окаменело тело профессора у него за спиной.

— Мисс Джексон, я должен попросить вас немедленно уйти, — произнес он. — Это неподходящее зрелище для студенток-выпускниц. В самом деле, мистер Монтроз, не будете ли вы любезны подняться наверх и отправить всех студентов по домам?

— Конечно, — ответил Монтроз.

Он отвел Джексон обратно к лестнице, как и велел профессор. Некоторые из студентов заворчали, кое-кто стал задавать вопросы, на которые Джефф не стал отвечать. Он пообещал всем, что объяснит все на следующем собрании курса. Когда они ушли, Монтроз поспешил вниз по лестнице, горя желанием приняться за работу.

То, что он увидел внизу, показалось ему совершенно бессмысленным. Профессор стоял возле гроба на коленях и держал что-то в руках: черный предмет размером с его кулак. Он очень аккуратно и осторожно опустил его в грудную клетку скелета, а потом, словно в изумлении, откинулся назад.

Джефф хотел спросить, что ему делать, но профессор вскинул руку, обрывая его.

— Я бы предпочел, чтобы вы тоже отправились домой, Джефф. Я бы хотел какое-то время побыть с этой находкой наедине.

— Разве вам не понадобится кто-нибудь, чтобы начать составлять каталог? — неуверенно спросил Монтроз.

Глаза профессора ярко блеснули в луче фонаря. Джеффу хватило одного взгляда, чтобы понять ответ.

— Да, конечно, — ответил он. — Значит, увидимся позднее?

Ответа не последовало. Гейстдорфер уже снова смотрел внутрь гроба.

2

В последний раз мы встречались с генералом Хэнкоком в 1886 году на Губернаторском острове в Нью-Йоркской гавани. Тогда он был уже в плохом

состоянии и сложил с себя большинство полномочий командующего Атлантическим дивизионом. Я прождал его несколько часов в холодной приемной его канцелярии, у маленького камина, который только и согревал меня. Когда он появился, то шел с большим трудом, преодолевая боль, но поприветствовал меня с дружеской теплотой, которую мы всегда испытывали друг к другу.

Нам нужно было обсудить несколько небольших вопросов. Последний касался тонкой пачки собранных мной документов о моей службе в Геттисберге в июле 1863 года.

— Думаю, их нужно сжечь, — сказал мне генерал, даже не взглянув на них.

Вместо этого он смотрел мне в лицо тем самым острым и ясным взглядом, который запомнился по третьему дню сражения. Тогда боль еще не затронула ни его пламенный ум, ни его дух.

— Эти бумаги не принесут потомкам ничего, кроме нравственных мук, и могут разрушить много славных карьер, будь они опубликованы теперь. Что проку нам от того, чтобы будить эти старые воспоминания?

Никто не посмел бы усомниться в авторитете такого человека, как Уинфрид Скотт Хэнкок. Я склонился над бумагами и убрал их обратно в свой саквояж. Генерал повернулся, чтобы взять стакан чаю, от которого в холодной комнате валил пар.

— А как насчет солдат? — спросил я. — Они все участвовали в войне.

Но его ответ последовал незамедлительно.

— Они мертвы, сэр, — сказал он мне, пристраивая ноги у камина. — И лучше для них оставаться такими.

Тут он прибавил шепотом:

— И для нашей чистой совести тоже.

Неделю спустя его привезли в Пенсильванию и похоронили там, поскольку он скончался от старой раны, которую так и не смогли залечить.

Из записок полковника Уильяма Питтенгера

3

Машина без опознавательных знаков стояла, спрятавшись за рядом деревьев, всего в сотне ярдов от амбара. Того самого амбара, за которым Кэкстон так долго следила. Это была неряшливая груда побитого непогодой дерева с прорезанными то тут, то там окнами. На вид он выглядел заброшенным или же негодным для использования, но она знала, что амбар этот поддерживается в надлежащем состоянии всеми пятнадцатью членами семейства Годвин, каждый из которых обладал криминальным прошлым. Насколько она могла судить, все обитатели спали. Серая белка пробежала возле водостока, и Кэкстон чуть не выпрыгнула из сиденья. Чтобы успокоиться, она нацарапала в блокноте несколько строк.

«29 сент. 2004, продолжаем наблюдение за местом укрытия Годвинов возле Лэрдсвилля, Пенсильвания».

«Вот оно», — подумалось ей.

День облавы наконец настал. Она подняла глаза. Часы на приборной доске щелчком переключились на 5.47 утра, и Кэкстон сделала отметку.

— Я насчитал впереди пять автомобилей, — произнес капрал Пейнтер. — Это их машины — вся семейка в сборе. Мы одним махом можем схватить всех.

В данном расследовании Кэкстон, как младшему офицеру, полагалось прикрывать одного из более опытных полицейских. Пейнтер занимался этим годами. Он отхлебнул кофе с молоком и кинул взгляд через ветровое стекло.

— Первый раз в настоящем полицейском деле, так?

— Да, можно и так сказать, — ответила она.

В прошлом она принимала участие в одном расследовании. Она сражалась не на жизнь,

а на смерть с вампирами, и каждый из них был намного смертоноснее, чем любой злоумышленник, с которым когда-либо в своей работе сталкивался Пейнтер. Случай с вампирами продвинул ее по карьерной лестнице, но в личном деле не был отмечен нигде. Прошел почти год с тех пор, как она была переведена из службы дорожного патрулирования в Бюро криминальных расследований. За это время она провела бесчисленные часы в академии в Херши, сдала письменные и устные тесты, прошла испытание на детекторе лжи и проверку личного дела, тесты на полное соответствие по психологическим, медицинским и физическим показателям, включая анализ мочи на содержание наркотиков, прежде чем действительно была допущена к настоящему расследованию «в боевой обстановке». Тогда-то и началось самое трудное, настоящая работа. Последние два месяца она вела наблюдения из машины, сидя посменно по двенадцать часов, следя за сараем, в котором, как предполагалось, находилась крупнейшая в штате лаборатория по производству метамфетамина. Кэкстон еще никого не арестовывала, не конфисковывала улики, не допрашивала подозреваемых. Эта облава должна была показать, годится она для криминальных расследований или нет, и Лоре хотелось, чтобы все прошло идеально.

— Тогда мой тебе совет. Нечего записывать каждые пять минут, если ничего не происходит.

Он улыбнулся и махнул стаканом в сторону ее блокнота.

Лора ответила на улыбку и сунула блокнот в карман. Она не спускала с амбара глаз. Ей хотелось сказать что-нибудь смешное, чтобы Пейнтер понял, что она свой человек. Впрочем, ничего придумать она не успела, радио в машине включилось и голосом капитана Хораса сказал:

— Всем машинам, всем машинам. Только что получен ордер. Спецы по опасным материалам и пожарные на местах. Всем машинам приказ действовать. А ну-ка, разбудим их!

Адреналин хлынул Кэкстон в кровь. Время пришло.

Пейнтер повернул ключ в замке зажигания, и двигатель взревел. Они выскочили на дорогу, потом, визжа шинами, влетели на широкий неасфальтированный подъезд перед амбаром. Все остальные машины вокруг, прятавшиеся до сих пор, выехали из леса, и вооруженные копы выпрыгнули на усыпанную гравием площадку. Пара патрульных притащили таран — залитый цементом отрезок трубы из ПВХ, который мог пробить даже стальную дверь. Третий патрульный выбежал вперед, постучал в дверь и выкрикнул предусмотренное законом предупреждение, которое он обязан был сделать, прежде чем они вломятся внутрь и предъявят ордер. Все были вооружены, на всех были надеты противогазы. Лора сорвала с пояса свой противогаз и с помощью ремней закрепила на лице. Лаборатории по производству метамфетаминов вырабатывали и ядовитые вещества, включая газ фосфин, которые могли прикончить человека за секунды. Обзор через маску был неважный, но она бросилась вперед, вытащив пистолет и держа его внизу, у самого бедра. Сердце колотилось у нее в груди. Все происходило очень стремительно.

— Первый отряд налево, второй отряд за мной. Пошли, пошли, пошли! — закричал капитан Хорас, появившийся из-за ее спины.

— Третий отряд, — (это был ее отряд), — держаться на расстоянии. Третий отряд, — повторил он, — назад, на... Берегись!

Окно на втором этаже амбара распахнулось. Бритоголовый мужик с поцарапанным лицом высунулся наружу и принялся стрелять в них из охотничьей винтовки.

«Проклятье, — подумала Кэкстон, — предполагалось, что они должны были спать!»

Она бросилась вперед, пытаясь спрятаться на узком крытом крыльце амбара, которое послужит ей прикрытием.

— Ты! Назад! Назад! — завопил Хорас.

Пули затрещали по гравию и ударили по крыше машины, словно молот.

— Кэкстон — назад!

За все двадцать семь лет ее прежней жизни в Кэкстон не стреляли ни разу. Мозг перестал работать, почки заболели от адреналина, который железы выбрасывали ей в кровь.

Она попробовала думать. Приказ нужно было выполнять. Но машина осталась так далеко. Она была на открытом месте, а крыльцо было так близко...

Внезапно бешено крутящаяся пуля ударила Лору, опрокинув ее назад.

В глазах покраснело, потом почернело, но только на миг. Ноги, казалось, не могли найти опоры на рыхлом гравии, а голова резко стукнулась о землю. Кэкстон совершенно ничего не слышала. Все тело словно обратилось в гудящий колокол.

Чьи-то руки в перчатках схватили ее за лодыжки и потащили назад, прочь от сарая, ноги бесконтрольно задергались.левой руки Кэкстон не чувствовала. Сверху на нее смотрели лица в шлемах и противогазах. Она услышала жужжание, постепенно складывавшееся в звуки человеческого голоса, требовательно спрашивающего, жива ли она.

— Бронежилет, — выдавила она, — меня спас бронежилет.

Чьи-то руки вцепились в грудь и потащили ее. Кто-то достал пулю — сверкающий кусочек сплюсненного металла. Кто-то еще стал стаскивать с нее шлем, но она отпихнула его руки, выкрикивая раз за разом:

— Я в порядке!

К этому времени слух к ней вернулся. Она слышала сбивчивый лай охотничьих винтовок и более размеренный ответ автоматического оружия.

— Уберите ее отсюда! — заорал капитан.

— Нет, я в порядке! — закричала она в ответ.

Тело же умоляло передумать.

«Ты не так хрупка, как тебе кажется», — сказала она себе, повторив слова старого коллеги, который однажды сказал ей это.

Встать ей не дали бы — ее все еще тащили, несмотря на сопротивление.

— Что за хрень тут происходит? — воскликнул один из патрульных, прижавшись плечом к борту машины. Он высунулся немного на открытое пространство, но отскочил назад, когда винтовочные пули взметнули гравий впереди него. — Они все должны были спать!

Капитан Хорас сдернул противогаз и бросил на амбар злобный взгляд.

— Думаю, они употребляют то дерьмо, которое сами и производят. Сидящие на метамфетамины придурки встанут раньше, чем все нормальные люди.

Чьи-то руки потянулись вниз и помогли Кэкстон сесть, прислонив к боку машины. Через маску она ничего не видела. Она не могла дышать.

— Дайте встать! — крикнула она. — Я все еще могу стрелять!

— Не высовываться! — рявкнул Хорас, с силой сдавив ей плечо. — У меня нет на это времени. Слушай мой приказ и выполняй. Во второй раз я твое своеволие терпеть не стану. А сейчас оставаться здесь, не высовываться, на рожон не лезть!

Кэкстон хотелось протестовать, но она знала: капитана ее мнение не интересует.

— Да, сэр, — ответила она.

Он кивнул и выпрыгнул, чтобы перебежать к другой машине. Она с трудом сорвала с себя маску, бросила ее на гравий рядом с собой, а потом попыталась устроиться поудобнее.

Прошло несколько часов, прежде чем перестрелка закончилась и они вывели последнего подозреваемого. После этого ей оставалось только смотреть, как другие полицейские победоносно выходят из амбара, вынося завернутые в целлофан части лабораторного оборудования с наклейками «Биологически опасное вещество». «Скорая» увезла раненых, и только потом, практически напоследок, к ней прислали санитаров взглянуть на ушибленную грудь. Он снял с нее куртку, расстегнул рубашку, кинул только один взгляд, прежде чем дать пакет со льдом и сказать, что с ней все нормально. Когда она освободилась, капрал Пейнтер подошел справиться, как у нее дела.

— Все веселье пропустила, — ухмыльнулся он.

Пейнтер нагнулся и протянул ей руку, чтобы помочь встать. Грудная клетка слегка хрустнула, когда Лора поднималась на ноги, но она знала, что с ней все в порядке.

— Не совсем то, ради чего тебя сюда приняли, да? — подколот он ее.

Кэкстон покачала головой.

— Я поехала домой, — ответила она ему.

Порывшись в кармане штанов, она вытащила блокнот и кинула его Пейнтеру.

— Вот, можете добавить в рапорт.

4

Меня попросили поведать мою историю. Я бы ни за что не стал этого делать, если бы только Военный департамент не потребовал от меня этого. Но ни одна душа, ни одна живая душа не смеет назвать меня уклонистом. Посему я опишу на этих страницах все, что произошло со мной и с людьми, служившими под моим началом, все ужасы, которые я видел, и кошмары, которые имели место. А также те преступления, которые мы совершили. Да будет так.

Начну я, пожалуй, с событий после битвы при Ченслорсвилле, ибо то, что происходило во время нее, не имеет никакого отношения к моему нынешнему повествованию. Надо упомянуть, что Третий добровольческий пехотный полк штата Мэн стоял до последнего в этом аду, где лупили пушки и ждала смерть в грязи. Когда наконец пришел приказ отступить, мы рванули оттуда со всей быстротой, на какую были способны. Двадцать первого июня 1863 года, пройдя некоторое расстояние маршем, мы разбили лагерь в месте под названием Гам Спринг. Но как бы то ни было, прежде чем нам позволили отдохнуть, с новыми приказами и свечкой в руке явился, стуча в маленький барабан, сержант и встал перед строем. Нам надлежало выставить караул, и никому не хотелось в него идти. Шестеро из нас, что составляло четверть от одной из уцелевших рот, отошли на милю от границ лагеря, чтобы осуществлять наблюдение за возможным противником, если тот появится. Хираму Морзе, которого я звал симулянтом или еще как похуже, это пришлось не по вкусу.

— Собачья работа, — бормотал он, а еще, чаще: — Послать нас посреди ночи в самую гущу конфедератов! Они что, смерти нашей хотят?

Я должен был бы треснуть его, как требовал того мой чин капрала, чтобы он заткнулся, вот только добряк старина Билл спас его от этого столь неприятного урока.

— А ты поезжай обратно в лагерь да задай нашему полковнику этот вопрос, — прошептал он. — Уверен, ему любопытно будет узнать твое мнение.

Свидетельство Алвы Гриста

5

На другое утро, когда Кэкстон, добравшаяся наконец до кровати, еще спала, солнечный свет залил комнату и принялся греть ей щеку. Она попыталась перекатиться подальше от него, но жара и свет все преследовали ее. Лора крепко зажмурилась и еще сильнее вцепилась в подушку.

Что-то мягкое, нежное, словно перышко, скользнуло по ее губам, и Лора, едва не вскрикнув, села рывком и открыла глаза.

— Пора вставать, красавица, — произнесла Клара. В маленькой руке девушка держала белую розу, мягкими лепестками которой она водила по губам Кэкстон.

Лора глубоко вздохнула и выдавила улыбку. Спустя пару секунд Клара тоже кисло улыбнулась. Она только что вышла из душа, и ее волосы свисали надо лбом мокрыми прядями. На ней была форменная рубашка, и ничего больше.

— Слишком рано, да? — спросила Клара.

Глаза ее блестели. Она протянула розу, и Лора приняла цветок. Потом Клара взяла с прикроватного столика стакан апельсинового сока и протянула ей.

Кэкстон заставила себя успокоиться, отгоняя прочь ночные кошмары. Ей снились плохие сны, впрочем, как всегда. Все это время она пробовала найти способ забыть их сразу, как только проснется. Клара пыталась помочь ей в этом.

— Все прекрасно, — отозвалась Кэкстон.

Она выпила полстакана сока.

— Который час?

— Почти восемь. Мне пора уходить.

Клара была фотографом в полицейском управлении округа Ланкастер. Работа была в часе езды от дома в Харрисбурге, где они вместе жили. Кэкстон месяцами уговаривала Клару перевестись в полицию штата, тогда они смогли бы работать в одном здании, но та до сих пор сопротивлялась.

Кэкстон допила сок, пока Клара заканчивала одеваться.

— Мне тоже пора идти, — сказала ей Лора.

Клара чмокнула ее в щеку.

— Позвони, когда захочешь пообедать, ладно?

И с тем уехала. Кэкстон добрела до кухни, пол под босыми ногами казался холодным как лед. Она посмотрела через окно, наблюдая, как Клара уезжает на своей «краун виктории» без специальных опознавательных знаков. Лора вытянула шею, навалившись на кухонную раковину, чтобы продлить это мгновение. Потом Клара скрылась из виду, и Кэкстон осталась совершенно одна.

Собиралась она быстро. Собственный дом переставал ей нравиться, когда в нем никого не было. Здесь произошло много страшных событий, и Лора удивлялась, как тут еще не завелись привидения.

В этом доме погибла Диана, ее прежняя возлюбленная. Но не сразу. Это было кошмарно, и сама Кэкстон принимала в этом самое непосредственное участие. Она унаследовала от Дианы и дом, и ее машину, но наследство ее погибшей подруги значило для нее намного больше, чем просто имущество. Каждую ночь оно грозило свести ее с ума. Клара, въехав сюда, полностью изменила обстановку дома, но бархатные занавески и гроздья светильников в форме стручков чилийского перца только портили все дело.

Лора долго и с удовольствием мылась в душе. Потом провела расческой по коротким волосам, почистила зубы. Вытерла лицо чуть влажным полотенцем и побрызгалась дезодорантом. Вернувшись в спальню, она натянула черные классические брюки, белую мужскую рубашку и лучший свой галстук-шнурок. Стандартная форма одежды для криминальных расследований, но не слишком по-мужски агрессивно. Судя по всему, на улице было холодно, как и положено в это время года, поэтому она схватила черное, до колен пальто и поспешила в вольер накормить собак.

Борзые, как обычно, встретили ее радостно и принялись скулить, когда она открывала дверь отапливаемого загона. Фифи, самое последнее ее приобретение, долго лизала ей руки, не давая Кэкстон сменить воду в поильнике. Прежние хозяева плохо обращались с собакой, и она все еще не доверяла чужим, даже если ей давали угощение.

Всем борзым хотелось поиграть, выбраться наружу и побегать, но времени у Лоры не было. Еда и вода были распределены, немного любви досталось каждой из трех собак в вольере, и Кэкстон вышла. На подъездной дорожке она распахнула дверь своей «мазды» и забралась внутрь.

Лора достала коммуникатор и залезла в электронную почту. После вчерашней перестрелки она была на больничном, но оставалась еще кое-какая работа, которую нужно было сделать. Она долго ее откладывала — по правде говоря, она избегала ее в надежде, что та рассосется как-нибудь сама собой. Это было не совсем то, чем бы ей хотелось заниматься, но это было важно. Ей нужно было поехать проведать старика-инвалида, которому она была обязана жизнью.

Джеймсон Аркли когда-то был ее наставником, или, по крайней мере, ей хотелось, чтобы он им был. Она была полезна федералу в его отчаянной попытке истребить вампиров

как вид. Кэкстон тесно сотрудничала с ним, и в результате страшные, действительно страшные перемены произошли в ее жизни. Минул год, а она только начинала приходить в себя после них.

Тогда он был сильно ранен, так сильно, что вынужден был оставить Службу судебных исполнителей США.

Он месяцами находился в больнице, где пытались собрать воедино его израненное тело. Кэкстон хотела навестить его, но он заявил, что больше не желает ее видеть. Это было грубо, но неудивительно. Нрав у старого федерала был крутой, и он не тратил много времени на сентиментальности. С тех пор они не виделись, и Кэкстон ничего не слышала о нем. Потом он прислал ей электронное письмо с просьбой приехать и увидеться с ним в отеле в Ганновере. Никакой другой информации в письме не было.

Теперь ей представилась превосходная возможность. Лора вывела машину на шоссе и направилась на юг, к границе штата Мэриленд. Ехать было всего час, но дорога показалась ей длиннее. Раньше, когда Кэкстон работала в дорожном патруле, ей ничего не стоило проводить в машине по восемь часов, бесконечно гоня по шоссе. За один короткий год она потеряла этот навык, и теперь часовая поездка казалась ей вечностью.

В Ганновере она остановилась на стоянке у отеля «Хэмптон» и зашла в вестибюль. Когда она подошла к регистрационной стойке, клерк в голубой куртке, стоявший за ней, расплылся в улыбке.

— Привет, — сказала она. — Я...

— Офицер Кэкстон, вам нет необходимости представляться, — ответил клерк. — Я ваш большой поклонник.

Кэкстон улыбнулась, но не смогла удержаться от легкого вздоха. Еще один из фанатов телефильма. Они все думали, что Кэкстон лично участвовала в его создании. Хотя она ни цента за него не получила, а на телевидении не работала вообще. И смотреть его она была не в состоянии, ибо этот фильм напоминал ей слишком о многом.

— Мистер Аркли вас, разумеется, ждет, — торопливо сообщил клерк. — Великий человек, правда?

— Это вы про Джеймсона Аркли?

Лора не могла представить, чтобы кто-то назвал старого угрюмого охотника за вампирами «великим». Подобное определение ему просто не подходило.

Клерк, однако, кивнул.

— Один в один как его в кино показывали. Помню, когда я смотрел этот фильм, я решил, что сценаристы наверняка приукрасили его, однако... м-да. Думаю, вам-то это рассказывать не нужно. Он в номере сто двенадцать. Не распишетесь ли вот тут?

— Конечно, — ответила Лора и опустила взгляд, ожидая увидеть журнал регистрации. Вместо него клерк протягивал копию DVD-диска «Зубы: пенсильванский вампир-убийца».

Под заголовком была фотография актрисы, которая играла роль Кэкстон. Почти абсолютное сходство, если не принимать во внимание, что у женщины на фотографии были голубые глаза и ярко-красная помада на губах. Это было смешно, ибо на ней была форма полицейского и она стреляла от бедра из огромного пистолета.

Кэкстон слегка покачала головой, но взяла предложенную клерком ручку и нацарапала поверх фотографии свое имя. В самом низу уже стояла одна подпись. Это был автограф Аркли: исключительно злобного вида буква «А» сопровождалась простым росчерком. Лора прикинула, сколько же клерку пришлось уламывать Аркли, прежде чем тот снизошел до этого.

— Вы мне, — сказал клерк, — на весь день настроение подняли. Если вам, ребята, что-нибудь понадобится: бесплатные напитки, еда, беспроводная связь, что хотите, просто позвоните сюда на регистрацию и спросите Фрэнка, идет?

— Хорошо, — сказала она и отдала ему DVD.

Потом повернулась и пошла через короткий вестибюль к номерам. Номер 112 был почти в самом конце, напротив прачечной. Лора тихонько постучалась в дверь и шагнула

назад, спрятав руки в карманы. Она останется тут на часок, сказала себе Кэкстон. Не больше.

Дверь открылась, и из нее выглянул Аркли. Лора чуть не охнула, но моментально подавила в себе потрясение. Он очень изменился с тех пор, как они виделись в последний раз. Тогда ему было слегка за шестьдесят, но выглядел он на все восемьдесят. Истребление вампиров состарило его, и на его лице было столько морщин, что глаза, казалось, терялись в складках.

Теперь он выглядел страшно. Не-мертвые прислужники Кевина Скейпгрэйса, вампира-подростка, оставили на нем свои следы, и даже спустя год почти всю левую половину его лица покрывали серебристые шрамы. Левое веко низко нависло над глазом, а левая половина рта превратилась в кривую неровность шрама. Среди вьющихся на макушке волос была большая проплешина там, где была трещина в черепе.

Лора оторвала взгляд от лица, но дальше было еще хуже. Левая рука превратилась в беспалую культю. Скейпгрэйс откусил ему пальцы, вспомнила она. Просто хватил своими зубами и оторвал их. Ей всегда казалось, что их можно было восстановить. Но видимо, она ошибалась.

Самые страшные перемены в его внешности, впрочем, заключались не в его ранах или шрамах. Когда Лора вспоминала Аркли, она думала о нем как о человеке огромного роста. Он был значительно выше ее и намного шире в плечах. Или, по крайней мере, ей так казалось. Мужчина же, стоявший перед ней, был маленьким старичком, страшно, чудовищно израненным старичком, который бы и с малолетним преступником не справился, не то что с ненасытным вампиром. Казалось, бы это не тот человек, которого она знала когда-то. Но тут он заговорил, и выяснилось, что Кэкстон ошибается.

— Слишком долго, патрульный, — проговорил он. — Вы, черт вас подери, слишком долго добирались сюда. Похоже, уже слишком поздно.

— Я была занята, — ответила она почти автоматически.

Она немного смягчилась и попыталась поздороваться еще раз.

— Рада вас видеть, Джеймсон, — сказала она и вошла за ним в номер отеля.

6

Пройти через эти поля было работой не из легких. Светил молодой месяц, и даже звездного света было недостаточно, чтобы различать окрестности. Нас всех одолевал страх, ибо это были места партизанов и рейнджеров, которые стреляли в спину человеку, шагнул он в сторону от своих товарищей, даже чтобы только справиться нужду. Но по крайней мере, мы хоть что-то могли видеть. Вдали от лагеря нам, избавленным от бесконечной пыли маршевого перехода, воздух казался необычайно чистым. Наверное, потому Эбен Нудд с такой легкостью засек белого дьявола, хотя тот и старался остаться незамеченным.

Нудд без предупреждения вцепился мне в руку, и я едва не подскочил. В темноте любое движение означало врага, а любой звук — стук копыт конного отряда южан. Однако Нудд голоса не подал, не издал ни звука. Он поднял палец и указал на ряд деревьев примерно в двадцати пяти ярдах.

Сам я заметил лишь какое-то бледное пятно среди этих стволов, по крайней мере сначала, словно змея тумана свернулась там кольцами. Я присел на корточки, напряг зрение и решил, что вижу там пару глаз, похожих на тлеющие угли лагерного костра. Какое у них выражение, мне было плевать.

— Он что, следит за нами? — спросил я Эбена Нудда, едва дыша.

— Ага, — подтвердил он.

Словцо это, думал я иногда, составляло половину его словаря. Эбен Нудд был типичным жителем Новой Англии, бывшим красномундирником, с лицом грубоватым, с дубленой кожей, и глазами светлыми и ясными, как утренняя роса. Иногда казалось, он так и родился — совершенно бесстрастным. Во многих битвах его ледяное спокойствие служило нам верой и правдой, и я поверил ему и сейчас,

хоть мне его слова и пришлось не по нутру.
— Дольше, чем мы за ним, сдастся мне.

Свидетельство Алвы Гроста

7

Аркли двигался медленно, подволакивая одну ногу. Кэкстон неторопливо следовала за ним со всей почтительностью, на которую была способна. Один раз он обернулся, посмотрел на нее, но ничего не сказал. Со сдавленным стоном он умудрился присесть на край кровати и провел здоровой рукой по лицу, словно стирая с него несуществующий пот.

— Ну как вы тут? — спросила она. — Как ваша семья? Давно с ними виделись?

У Аркли была жена и двое детей, помнила Лора, но она ни разу не встречалась с ними. Она полагала, что Аркли отстранился от них не из-за какой-нибудь семейной драмы. Просто он был слишком одержим своей работой, и семья осталась в стороне, не имея отношения ко всему тому, что было для него по-настоящему важно.

— С ними все в порядке.

Лоре показалось, будто он хочет сказать что-нибудь еще, но Аркли замолчал.

Кэкстон оглядела комнату. Ее учили, оказываясь в новом месте, обращать внимание на окружающую обстановку, и хотя она не ожидала встретиться здесь с рыскающими по углам преступниками, тем не менее она очень удивилась. Номер был довольно неплохой, небольшая «двушка», обставленная недорого, но со вкусом. У одной стены стоял шкаф с большим встроенным телевизором, гардероб был открыт, в нем на вешалках висела пара костюмов. Дверь в конце номера вела в уборную. Окна были задернуты тонкими муслиновыми занавесками, погружая комнату в полумрак. Чемодан Аркли на соседней кровати был раскрыт и практически полностью упакован. За кроватью, возле окон, возвышались две металлические багажные стойки. И сверху на них был водружен простой деревянный гроб.

При виде его у Кэкстон все сжалось внутри. У нее не было никаких сомнений, что гроб этот не пустой. Он мог принадлежать только одному существу — вампирше, которая разрушила ее, Кэкстон, жизнь и превращала ночь за ночью в череду кошмаров. Жюстина Малверн, трехсотлетнее чудовище, чье прошлое было полно коварства и обмана.

Даже спустя год Кэкстон почувствовала желание подойти к гробу, скинуть с него крышку и вырвать сердце Малверн. Сейчас стоял день, и Лора знала: если открыть гроб, то найти там можно лишь кучку костей и личинок. Но даже в ночное время вампирша оставалась старой развалиной, гнилым одноглазым телом, лишенным всего, кроме дьявольской воли продолжать свое унылое существование. Подобно всем вампирам, она была бессмертной, но, чтобы поддерживать телесное здоровье, ей требовалась кровь. Чтобы только подняться на ноги, самой старшей из вампиров требовалось больше крови, чем вампиры обычно добывали по ночам. Давным-давно минули те времена, когда Малверн могла охотиться сама для себя, а теперь она была приговорена провести в гробу вечность, вообще неспособная двигаться. Если бы она могла добыть достаточно крови — а ей требовались галлоны каждую ночь, — она смогла бы ожить, но Аркли позаботился, чтобы этого никогда не произошло.

Кэкстон подошла и прикоснулась к гробу. Дерево было холодным как лед, и, когда Лора встала совсем близко, по коже у нее пробежали мурашки. Малверн, как и все вампиры, была противной природе тварью, чем-то, что не должно было существовать. Она искажала реальность вокруг себя, и любое живое существо чувствовало неправильность, ее нечистую природу. Личинкам, похоже, было все равно, но собаки и лошади сходили с ума, если она приближалась к ним. Желание Кэкстон уничтожить ее было абсолютно осознанным. И все же, сделай она это, положи она конец всему этому злу прямо здесь и сейчас, ей пришлось бы отправиться в тюрьму. Малверн была тайной предводительницей всех вампиров,

интриганкой и заговорщицей, но доказать, что она хоть раз покушалась на жизнь американского гражданина, было невозможно. После длительного обсуждения суд вынес решение, что она все еще человек и имеет право быть под защитой закона. Большая часть сознательной жизни Аркли была посвящена борьбе с этим решением и попытке получить ордер на казнь Малверн. До сих пор ему ни того ни другого не удалось.

— Господи, — изумилась Кэкстон. — Вы что, повсюду ее с собой возите?

— После фиаско в санатории «Домна «Арабелла» я решил, что больше никому ее не доверю.

Аркли кивнул на гроб, а потом на ноутбук, который стоял на ночном столике возле него.

Кэкстон включила ноутбук и увидела, как экран, мигнув, оживает. Открылся практически чистый документ, выполненный в текстовом редакторе. Малверн слишком сильно разложились, чтобы сохранить способность говорить или жестикулировать, но она могла шарить пальцами по клавиатуре и нажимать клавиши, и порой на то, чтобы набрать несколько символов, уходило несколько часов. Иногда, оставшись ночью одна, она пыталась общаться с миром при помощи компьютера. Редко когда она сообщала что-то стоящее внимания: по большей части она тратила время на пустые угрозы и темные проклятия. Сообщение, которое Кэкстон обнаружила на экране, было загадочнее, чем обычно:

Приидео

— У вас есть версии, что это может означать? — поинтересовалась Кэкстон у Аркли.

Он покачал головой.

— Я такого языка не знаю. Мне кажется, Малверн дошла до того состояния, когда она уже не может даже сформулировать слова и просто стучит по случайным клавишам.

Кэкстон сунула руки в карманы. Она чувствовала дурноту, будто воздух в комнате был испорчен.

Она повернулась к Аркли и печально посмотрела на него. Она ждала, что он станет возражать ей и ругаться, но вместо этого он воспринял ее взгляд как руководство к действию. Аркли выпрямился, а глаза его загорелись решимостью. Он одной рукой застегнул верхнюю пуговицу на рубашке и втиснулся в куртку. Потом поднялся с кровати и взял из чемодана пару черных кожаных перчаток. Здоровой рукой с помощью зубов он натянул и их. Перчатка закрыла культю на конце его левой руки. Пальцы на той перчатке растопырились в разные стороны, но, по крайней мере, вид стал более-менее нормальным.

— Почему вы не поставили протез? — поинтересовалась Лора.

— Слишком много поврежденных нервов. Теперь, если ты перестала изображать сиделку, нам пора бы и начать, — сказал он ей. — Работы много, а мы уже потеряли два решающих дня, поскольку ты, по всей видимости, перестала проверять свою электронную почту. Я хочу, чтобы ты позвонила своему начальнику и сказала, что какое-то время будешь занята новым делом. Уверен, они там, в Харрисбурге, все поймут, а если нет, мне, честно говоря, плевать. У меня все еще достаточно влияния, чтобы перевести тебя на другое место службы, если потребуется.

— Нет, — отрезала она.

Аркли посмотрел на нее холодным немигающим взглядом.

— Нет, — повторила она. — Так не пойдет. Один раз я вам уже помогла. Меня чуть не убили. Люди, которые были мне дороги, погибли.

Лора закрыла глаза и дала волне горя пронестись сквозь нее. Когда та схлынула, Кэкстон снова посмотрела на Аркли.

— На этом все должно было кончиться.

— Этому не будет конца, — ответил он ей.

— Не будет? Разве мы не уничтожили всех вампиров? Кроме нее, конечно же. Теперь я занимаюсь настоящей полицейской работой.

— Ну и как тебе она? — поинтересовался Аркли. — Если помнишь, когда-то я был

настоящим полицейским. Я в курсе, что это такое. Бессмыслица. Бегаешь все за тем же преступником, за которым гонялся в прошлом году. Засадишь их ненадолго, а потом они снова принимаются за свои грязные делишки. Но это совсем другое. Это намного важнее.

Жизнь Аркли была целиком посвящена вампирам. Он думал о них ежедневно и ежеминутно, разрабатывая планы их уничтожения. Лора не могла позволить снова втянуть себя в это.

— Моя работа тоже важна, — ответила она.

Вдаваться в подробности ей не хотелось. Ее первая засада прошла не совсем так, как она надеялась, но она это пережила. Когда ее ранили, люди вокруг нее действовали, чтобы ее спасти. Аркли же никогда не вытащит ее с линии огня, она была в этом уверена. Он еще дальше толкнет ее в опасность. Но неужели, отказывая ему в его просьбе, она основывалась лишь на страхе? Неужели она сопротивлялась ему только потому, что не хотела погибать? И Кэкстон ответила, пытаясь убедить себя:

— Я защищаю людей в этом штате. Сейчас я работаю в подразделении по наркоконтролю, мешая распространению метамфетаминов среди школьников.

Аркли покачал головой.

— Забудь. Когда ты услышишь, что я раскопал...

Она перебила его:

— Я не хочу знать.

Он взглянул так, будто не понял, что она сказала.

Кэкстон тяжело вздохнула. Она понятия не имела, чего он от нее хочет, но знала, что ей этого не хочется совсем.

— Я рада, что вы сейчас в добром здравии, и уверена: чем бы вы ни занимались теперь, это действительно важно, — сказала она, — но сейчас у меня нет времени помогать вам.

— Нет времени? Есть что-то еще, более важное, что поглощает твое внимание? — изумился он. — Может, тебе нужно больше времени проводить со своей подружкой? Или у тебя одна из собак заболела? Ну, это очень плохо. Ибо сейчас ты очень нужна совсем в другом месте. В Геттисберге, если конкретно. Сядешь за руль.

— Нет, — отрезала Кэкстон.

— Нет?

Слово потеряло всякий смысл, когда он произнес его так. Как просто подчиниться и вопреки всему сказать «да» — как она всегда это делала. Но теперь она была нормальным человеком. И если она хотела остаться нормальной, она должна быть сильной.

Аркли скривился и спросил:

— Ну почему, ради всего святого? Ты меня знаешь, патрульный. Ты знаешь, я не трачу время на банальности. Если я говорю, что это важно, значит, это вопрос жизни и смерти.

— Ну да... — ответила она, но не смогла закончить свою мысль. Аркли был прав... она знала, что он прав. Он бы не стал вызывать ее только ради того, чтобы вспомнить старые добрые времена. У него была работа для нее, и дело, вероятно, было опасное.

— Ты нужна мне прямо сейчас. Мне необходимо, чтобы ты сегодня же отвезла меня в Геттисберг.

Она могла бы сказать ему «нет». Лора была уверена, у нее хватило бы на это сил. Теперь он был слабым стариком. И все же она чувствовала, что должна хоть что-то для него сделать.

— Значит, так, — ответила она ему. — Я вас отвезу. Но на этом все.

Аркли нахмурился, но спорить с ней не стал. Она достаточно хорошо его знала, чтобы понять, что это был недобрый знак, но как ей отреагировать на него, оставалось непонятно.

— Прекрасно. Дай возьму пальто.

Он поковылял вокруг кровати по направлению к туалету.

— А как насчет нее? — уточнила Кэкстон, переводя взгляд на гроб.

— Поскольку к ночи я вернусь, с ней ничего не случится, — пояснил Аркли.

В жизни разведчика Военного департамента есть свои прелести. Во-первых, мне полагалась лошадь для поездок, в то время как все прочие люди в этом мире, казалось, были обречены ходить пешком. Весь тот день я провел в седле, в то время как армия Потомака шла мимо меня бесконечной чередой — человеческая цепь, которая тянулась ни юг, сколько хватало глаз, и настолько же уходила на север. Пыль, которую они взметали своими башмаками, завесой поднималась в воздух и висела в нем, словно некое призрачное воинство аравийское, сотворенное из песка. Весь день они шагали мимо с криками и гиканьем, которые издавали погонщики мулов, и песнями — впрочем, они пели их не так уж часто.

Дело было как раз после Ченслорсвилля, когда, казалось, все надежды рухнули. Хотя у нас было численное превосходство, Ли снова накомстил нам, даже не вспотев. Он казался непобедимым; вне всякого сомнения, убеждение это разделяли все. Чернее дня Союз еще не знал. Война повернулась против нас, и даже я поверил, что мечты об объединенном Союзе обречены. Наверное, это поможет объяснить то, что мы совершили и на что осмелились.

Я двигался в глубь Мэриленда, удаляясь от Виргинии, и был этому рад. Из общения со служивым я выяснил многое и теперь должен был немедленно написать рапорт. От нескольких беглых рабов, которые были прикреплены к обозу с провиантом Джеба Стюарта,¹ я узнал, что Ли² направляется на север.

Очаровательная красавица южанка, которая втайне ненавидела рабство, рассказала мне еще больше. Ли направлялся в Пенсильванию. Впервые он был намерен перенести войну к нам, на Север. Что ж, похоже, они этого добьются, но только на условиях Джеффа Дэвиса.³

Из записок Уильяма Питтенгера

Лора вышла вслед за Аркли на парковку. Клерк за регистрационной стойкой бодро помахал им, но Аркли его полностью проигнорировал. Старик федерал втиснулся в ее маленькую «мазду», и минуту спустя они отъехали. До Геттисберга было недалеко, это был соседний от Ганновера город. И хотя они не разговаривали по дороге, атмосфера в машине была вполне терпимой. Она просто делает одолжение старому другу, сказала себе Кэкстон. Впрочем, слово «друг» было в корне неправильным.

Он подал голос только при подъезде к Геттисбергу, но только ради того, чтобы сделать ей указания.

— Нам нужно на другой конец города, — сказал он.

Лора проехала через центр Геттисберга, городка, буквально пронизанного историей. О Гражданской войне Лора знала крайне мало, но, как большинство ребят, выросших в Центральной Пенсильвании, в детстве она частенько бродила по Геттисбергу во время школьных экскурсий, поэтому знала, что он был местом исключительно важного сражения, поворотной точки всей войны. Теперь же это был центр туризма.

Ему не требовалось быть приманкой для туристов, каких Лора видела множество: маленькие бездушные городки, в которых не было ничего, кроме магазинов с футболками и безвкусных кафешек. Геттисберг, напротив, был хорошо сохранившимся образцом викторианского стиля, его кирпичные здания с черепичными крышами почти не изменились

¹ Джеб (Джеймс Юэлл Браун) Стюарт (1833–1864) — кавалерист, генерал-майор армии Конфедеративных Штатов Америки.

² Роберт Эдвард Ли (1807–1870) — генерал армии Конфедеративных Штатов Америки, командующий армией Северной Виргинии и главнокомандующий армией конфедератов.

³ Джефферсон Дэвис (1808–1889) — политический деятель, первый и единственный президент Конфедеративных Штатов Америки.

за последние сто сорок лет. Его можно было назвать образцом вкуса, по крайней мере его центр. Кэкстон ехала по дорожному кольцу, названному площадью Линкольна, мимо маленьких музейчиков и антикварных лавок, банков и отелей. Город был полон туристов, родителей со своими выводами, таскавших с пластиковыми копиями винтовок эпохи Гражданской войны и в фетровых фуражках с полями. Впрочем, живые экспонаты тоже были представлены в изобилии: казалось, на каждом углу стояло как минимум по одному человеку, одетому в колючие на вид синие или серые мундиры. У большинства солдат были бороды и длинные бакенбарды.

Лора со вздохом остановилась на перекрестке, пропуская толпу школьников, переходящих дорогу.

— Ну ладно, — сказала она. — Я возьмусь.

— Хмм? — вопросительно промычал Аркли.

— Ну что тут? — спросила Кэкстон. — Что за кошмар мог произойти в подобном месте?

Аркли мучительно заерзал в кресле.

— Древний кошмар. Пару дней назад мне позвонил студент местного колледжа. Какой-то археолог делал раскопки среди руин, оставшихся с Гражданской войны, и обнаружил следы деятельности вампиров.

— Нет! — воскликнула Кэкстон. — Мы же всех прикончили!

Аркли нетерпеливо махнул рукой.

— Следы старой деятельности, — уточнил он. — Более ста лет тому назад. Они обнаружили кости множества вампиров, все еще лежащие в своих гробах. Почти наверняка ничего страшного там нет.

— И вам на месте не сидится, пока сами не проверите это, — понимающе заметила Лора.

— Я никогда не сижу на месте, — отрезал он.

Это было не то, что ей хотелось услышать. Лора не желала иметь с ним ничего общего, не в этот раз.

Кэкстон устала прямо перед собой на перекресток, приготовившись снова тронуться. В конце концов несколько взрослых согнали ребятню в кучу и перевели их через дорогу. Дальше ехали молча, пока не добрались до другого конца города. Аркли велел Лоре свернуть в военный парк, на вершину Семинарийской гряды — скопления холмов, усыпанных бесчисленными памятниками: обелисками, арками, высокими мраморными статуями. В этом месте туристов было меньше, зато намного больше реконструкторов, некоторые из них разбивали точные копии палаточного лагеря времен Гражданской войны. Они были заняты или муштрой в боевом построении, или стояли и начищали пушки с мортирами, которые выглядели так, словно и в самом деле могут стрелять. Аркли велел ей свернуть на едва приметную дорожку, посыпанную гравием, и машина прошуршала по ней около мили, подъезжая к густым зарослям деревьев. Три машины, недорогие японские седаны последней модели, стояли на повороте дороги, и тропа, протоптанная десятками ног, вела дальше, в глубь леса. Кэкстон остановилась возле красного «ниссана» и выключила зажигание. Она понятия не имела, где находится или чего хотел от нее Аркли, и сказала себе, что ей на это плевать.

Аркли снова подал голос:

— Ты что, не собираешься снимать ремень безопасности?

— Нет, — заявила она, — я тут останусь.

— Ну хорошо, — ответил он. — Если ты решила быть бесполезной, ладно. Но может, ты все-таки сделаешь для меня последнее одолжение?

Он залез во внутренний карман своей куртки и вытащил длинный и мятый кусок тряпки. Оказалось, это галстук, вероятно, двадцатипятилетней давности.

— Существует способ завязывания его одной рукой, вот только я им еще не овладел.

Лора посмотрела на него, прищурившись. Он действительно хотел, чтобы она повязала

ему галстук? Он хотел, чтобы она до него дотронулась? Это было в первый раз.

— Ни разу в жизни ни на один официальный визит я не являлся, не будучи подобающим образом одетым, — объяснил он. — Мне больше нельзя носить мой значок, но, по крайней мере, я еще могу выглядеть как полицейский.

Лора посмотрела на него долгим взглядом. Джеймсон Аркли, охотник на вампиров в отставке, не мог без посторонней помощи завязать галстук. Она противилась нахлынувшей на нее волне горькой печали, но просто проглотить свою жалость не смогла.

— Ладно, — ответила она.

Она отстегнула ремень безопасности. Завязать ему галстук было нетрудно. Она множество раз завязывала галстук Кларе. Когда узел оказался тугим настолько, как ему хотелось, Аркли удовлетворенно буркнул:

— Хорош. Итак. Пожалуйста, помоги мне выбраться из машины.

Лора не могла отказать ему в этом. Она вышла из автомобиля и подала Аркли руку. И внезапно оказалось, что они стоят рядом, точно так же, как это было раньше. Словно они были напарниками.

— Скажи честно, неужели тебе даже не интересно? — спросил он, глядя на тропу.

Именно это она и собиралась сказать. Вот только слова отчего-то не шли с языка.

— Неужели даже не хочешь взглянуть? Неужто теперь твои дела намного важнее этого? — спросил он.

Она должна возразить просто из принципа. Она обязана отказаться. Но Аркли прав: ей любопытно, даже несмотря на то, что теперь ее жизнь не связана с вампирами и с их заплесневелыми костями. И насчет другого он тоже прав. Никаких дел у нее нет.

Пусть телом Аркли и был слаб, но манипулировать ею он еще не разучился. И сейчас она уже знала, что ей придется, по крайней мере, на это взглянуть.

Лора закрыла машину, и они вместе пошли по тропинке. Стежка бежала через поле, заросшее дикой травой, и привела к простенькой лагерной стоянке, на которой было установлено несколько синтетических палаток и подготовлено большое кострище. Реконструкторов поблизости не было, только какой-то человек, одетый в толстовку с капюшоном и джинсы, ждал их. Он весьма энергично потряс руку Аркли, а потом повернулся и улыбнулся Кэкстон, словно ожидая, что его представят.

— Знакомьтесь, патрульный, это Джефф Монтроз. Студент археологического факультета Геттисбургского колледжа.

Кэкстон удивленно подняла бровь, но протянула Монтрозу руку для пожатия. Он был среднего роста, коренастый. Каштановые волосы на макушке редели, и еще у него была длинная аккуратная эспаньолка, которую он осветлил практически до белого цвета. С глазами у него было что-то странное, но потом Лора поняла: они у него просто подведены.

— Сейчас мы изучаем период Гражданской войны, но если выпадает шанс испачкать руки, мы не упускаем такой возможности.

— Привет, — поздоровалась Лора.

Его внешний вид Кэкстон не волновал, но археологов она представляла иначе. Он ее не узнал, автографа не попросил, и это очко в его пользу.

— Вы профессор? — поинтересовалась она.

Она так и не закончила колледжа, но не могла припомнить, чтобы ее профессора подводили глаза.

— Выпускник. Вообще-то тут распоряжается Серый Волк, но у него весь день занятия, поэтому он попросил меня помочь вам разобраться тут.

— Серый Волк — это кто? — спросила она, сбита с толку.

Монтроз рассмеялся.

— Простите, это мы так профессора Гейстдорфера называем. Он получил это прозвище потому, что каждый день бежит трусцой по кампусу. Он у нас местная знаменитость. Я как-то забываю, что в реальном мире люди могут его не знать. Его весь колледж знает.

Своего мальчишеского энтузиазма Монтроз скрыть не мог, хотя каждый раз, глядя на

Арки, он прятал улыбку, словно это покрытое шрамами лицо напоминало ему, что идет полицейское расследование.

— Я отправил всех на обед, место сейчас в нашем распоряжении.

Он повернулся, направился к самой большой палатке и откинул ее борт.

— Это так захватывающе. Мы, честно сказать, хотели бы поскорее вернуться к работе, поэтому, если вы не возражаете, я просто покажу вам, что мы раздобыли.

Они втроем вошли в палатку — замкнутое пространство футов десять на двадцать. Внутри были расставлены длинные столы, застеленные белой бумагой. Грязные на вид обломки металла и сплюснутые белые пули были выложены для осмотра, пометки вокруг них были написаны от руки карандашом. Но не столько они заинтересовали Лору, сколько дыра в земле посреди палатки. Там была вырыта яма, куда спускалась ярко-желтая лесенка. Стенки ямы были укреплены досками. В некоторых местах яма доходила до уровня деревянного настила. Это что, подвал давно снесенного дома?

Монтроз без всяких церемоний полез первым. За ним последовала Кэкстон, а потом и Аркли. На лестнице у него возникли трудности, но он не жаловался, и каждый раз, когда Кэкстон пыталась ему помочь, он отпихивал ее руки.

Монтроз обвел жестом яму вокруг них. Она была футов шесть глубиной, и всю ее разглядеть у Кэкстон не получилось. От запаха земли слезились глаза.

— Мы обнаружили этот погреб много лет назад, но только сейчас получили разрешение раскопать его. Руководство парка не слишком-то жалуется поиск реликвий, даже если он проводится по всем правилам. Слишком многие приходят сюда год за годом с металлодетекторами, раскапывая священную землю. — Он пожал плечами. — А я считаю, что лучший способ почтить историю — это изучать ее, хотя, полагаю, со мной не все согласятся. Первоначально тут был пороховой склад конфедератов, место, где они держали бочонки с черным порохом для пушек. Они хранили его под землей, ибо тут было прохладно и если бы произошел случайный взрыв, никто бы не пострадал. Погреба вроде этого разбросаны по всему Геттисбергу, большинство из них строилось очень быстро, а потом, когда они становились не нужны, их засыпали землей. Иногда находишь обломки бочонков или какие-нибудь железки от лебедок или шкивов, да и то редко. Никто не думал, что эта окажется слишком интересной, но, если есть возможность, мы всегда смотрим, просто на всякий случай.

Монтроз двинулся на другой конец ямы, и Кэкстон увидела там другую лестницу, ведущую еще глубже в землю. Из отверстия, вырезанного в досках пола, струился электрический свет.

— После битвы при Геттисберге погреб был намеренно взорван. Ничего удивительного: конфедераты рванули отсюда в дикой спешке, когда поняли, что сражение проиграно, они не хотели, чтобы Союз заполучил порох, который они оставили у себя в тылу. Кроме того, сейчас мы думаем, у них была и другая причина.

Он подошел ко второй лестнице и присел на корточки, чтобы заглянуть внутрь.

— Мы тут почти уже закончили. Нашли несколько старинных предметов и, наверное, могли бы уже опубликовать доклад об этом месте в одном из второстепенных научных журналов. Мне кажется, все были рады закончить работу, чтобы перейти к более интересным вещам. И тогда одна из моих приятельниц-сокурсниц, ее зовут Марси Джексон... — он подождал, пока Кэкстон это запишет, — сказала профессору Гейстдорферу, что ей кажется, судя по звуку, будто под полом есть пустота. Нарушать целостность археологического памятника просто потому, что кому-то что-то почудилось, нельзя, но, как я уже сказал, это место раскопок было не очень важным. Поэтому Марси рискнула.

Монтроз полез вниз по лестнице. Кэкстон начала спускаться за ним, но потом увидела, что Аркли со скучающим видом прислонился к опорному столбу.

— Вы не будете спускаться? — спросила она.

— В этом состоянии мне ни за что туда не слезть, — ответил он, с гримасой кинув взгляд на свои негнувшиеся ноги.

Лора кивнула и повернулась, чтобы спуститься вниз. Вот, значит, на самом деле зачем он уговаривал ее поехать с ним. Чего только ему стоило признаться, что он не сможет справиться с этим в одиночку!

Лестница шла вниз на пятнадцать футов. Кэкстон оказалась в большой естественной пещере, наверное, около сотни футов от одного края до другого и около двадцати пяти в ширину. Пещеры вроде этой были по всему штату, но эта была не похожа на те туристические пещеры, в которых бывала Кэкстон. С потолка на толстых кабелях свисали электрические лампы, впрочем, они, очевидно, были установлены тут недавно самими археологами. Стены были грубыми, а потолок густо покрывали сталактиты. Пола же практически не было видно. Почти каждый квадратный сантиметр пространства занимали гробы.

10

Я нарушаю течение моего повествования весьма внезапно, но это не может сравниться со стремительностью, с которой тогда начали развиваться события. Перестрелка началась сразу же, как шею Джона Тайлера разорвали невидимые когти. Эбен Нудд упал ниц, уткнувшись в свой ранец, в то время как Хирам Морзе пронесся мимо меня к холмам, словно трусливый пес, каким мы его всегда и считали.

Джон Тайлер был бестолковым солдатом, но вряд ли он заслуживал такой смерти. Бледный призрак, которого я заметил в лесу, стоял у его горла, и рот его — не человека, а скорее зверя — был окрашен кровью и погружен в рану. Я вскинул свою винтовку и, понимая, что мне ни за что не успеть перезарядить ее, возложил свои надежды на штык и беспощадно ударял им демона снова и снова, но все было напрасно. Эбен Нудд появился у меня за спиной, держа в руке распятие вроде тех, которые носят римские католики. Он выставил священный знак вперед, словно это была головня, все время читал нараспев молитву, и его глаза блестели так, будто он готов был обратить в бегство все Воинство Адово.

Чудовище бросило Тайлера наземь, шагнуло вперед и выхватило крест из руки Эбена Нуда. Вид у уроженца штата Мэн был удивленный, и одно это поразило меня. Одной рукой демон раздавил резного Христа и перебросил обломки через плечо. Я снова поднял свое оружие, но не успел я ударить, как демон исчез, растворившись в темноте.

Свидетельство Алвы Гриста

11

Кэкстон попыталась выровнять дыхание. Электрические лампочки едва освещали пещеру, но сейчас был день, и можно было не опасаться, что гробы начнут внезапно распаиваться, крышка за крышкой, и смерть полезет из них.

— Замечательная жуть, правда? — спросил ее Монтроз.

Лора непонимающе покачала головой.

— Люблю эту тему, — пояснил он. — Призраков, вампиров и всякие там ночные кошмары. Вот почему я в первую очередь хотел изучать этот период — девятнадцатый век. Я на них повернут. Я оплачиваю обучение, проводя по городу экскурсии с привидениями. У меня есть такая бархатная пелерина с капюшоном, знаете? И за денежку рассказываю народу страшные истории. Никогда бы не подумал, что увижу что-нибудь по-настоящему.

— Экскурсии с привидениями, — растерянно повторила Кэкстон.

Она не была большой поклонницей привидений, но, по крайней мере, они не могли причинить физический ущерб. Вампиры же — совсем другая история.

— О господи.

Она двинулась мимо рядов гробов, потом опустилась на колени и повела рукой над одним из них. Оплывший сталагмит вырос на крышке там, где капавшая сверху вода оставила за многие годы минеральные отложения. Рука, проходя над состарившимся деревом, ощутила холод и влажность, а желудок сжался, когда Лора шагнула ближе. Но впрочем, чувство было не таким, как возле гроба Малверн в номере отеля. Не таким сильным. Оно скорее было похоже на отголосок давно минувшего зла.

— Наверное, вы неплохо знаете историю этого города, — произнесла Кэкстон. — Вы когда-нибудь слышали какие-либо истории о вампирах, связанные с битвой при Геттисберге?

Монтроз покачал головой.

— Нет, ничего похожего.

— Значит, насколько я понимаю, захоронение вампиров обнаружено здесь впервые.

Монтроз рассмеялся.

— Да, и мы этого не ожидали. Большая часть поля битвы полностью выпотрошена за десятки лет. Уже не ждешь, что отыщется что-нибудь существеннее случайной пули или оловянного значка со шляпы какого-нибудь покойничка. Не так много тайн осталось тут, и поэтому-то наша находка кажется такой невероятной.

Лоре нужно было открыть гроб. Ей надо было увидеть, что там внутри. Не хотелось, но нужно было. Их так много. Если во всех гробах лежат вампиры, что, интересно, они могут натворить? Способны ли они напасть? Кэкстон быстро прикинула. Гробы лежали длинными ровными рядами, по пять в ширину и десять... пятнадцать... двадцать в длину. Это составляло ровно сотню. Сотня вампиров — это не просто проблема. Это армия. Армия питающихся кровью убийственных автоматов.

Годом раньше Кэкстон помогла Аркли уничтожить четырех вампиров, и это дорого обошлось им обоим. Его тело было изувечено, а она чуть не тронулась умом. Лора тогда совершила ту... ту чудовищную вещь, о которой постаралась забыть, но она потом являлась бесконечно в ее снах. Она была заражена проклятием вампиров. Она едва не стала одной из них. Всего за несколько дней четверо вампиров натворили множество зла, пока Аркли играл с ними в смертельные догонялки, преследуя их от одной кровавой бойни до другой, попадая именно в те дьявольские ловушки, которые они готовили ему. И все это время Кэкстон играла для них роль наживки.

Четверо... всего четверо... разрушили их жизни. Ну а сотня вампиров разорвет их в клочья в мгновение ока.

Ощущение нереальности, абсолютной невозможности происходящего охватило ее. Этого не может быть. Наверное, это сон или какая-то галлюцинация. Лора снова пересчитала гробы и получила то же самое число.

— Ну разве не шикарно? Профессор Гейстдорфер первым спустился сюда, — сказал Монтроз, робко глядя на нее. — Он хотел поставить свое имя под документами, когда будет составлено описание этого места. А я рад, что оказался к этому причастен... люблю я эти добрые смачные тайны.

Лора уставилась на него. Что за чушь он порет? Он вообще представляет себе, на что способен оживший вампир? Большинство людей не представляют. Большинство людей считали их чем-то вроде бледных подобию поэтов эпохи романтизма, одевающих в кружевные рубашки и смакующих вино и время от времени снисходящих до того, чтобы уколоть чью-нибудь шею аккуратными маленькими зубками.

Лора схватилась за край крышки ближайшего гроба. Она показалась ей ледяной. Кэкстон подняла ее и толкнула, и истлевшее от времени старое дерево начало сдвигаться.

— Эй! Вам нельзя этого делать! Все должно быть сначала каталогизировано, прежде чем мы откроем их!

Кэкстон зарычала и откинула крышку, державшуюся на ржавых петлях. Крышка скрипнула, и металлические петли не выдержали. С грохотом, прокатившимся по всей пещере, крышка грохнулась о пол. Кэкстон наклонилась над открытым гробом и всмотрелась в его содержимое.

На нее смотрел череп с оскаленной в жуткой ухмылке челюстью. Глазницы и скулы выглядели почти человеческими, но рот был полон острых треугольных зубов, выстроившихся длинными рядами. Очень похоже на акулю пасть. Кэкстон и раньше видела эти зубы и знала, на что они способны.

Вампир одним укусом мог вырвать из сустава руку взрослого мужчины. Вторым укусом он мог отхватить ему голову. Вампиры, настоящие вампиры, не впивались изысканно в шейки девственных юных красоток. Они разрывали людей на куски и высасывали из обрубков кровь.

Нижняя челюсть отвалилась от целого черепа и съехала набок. Кэкстон посмотрела ниже и увидела остальные кости, лежавшие на дне гроба, приблизительно в том порядке, в котором они были когда-то. Она схватила неповрежденную грудную клетку и подняла ее как раз в тот момент, когда Монтроз схватил ее за плечи и попытался оттащить от гроба.

— Какого черта вы тут хозяйничаете? Это собственность колледжа!

Она посмотрела на него. Кэкстон была обучена рукопашному бою и легко могла сломать ему оба запястья, чтобы освободиться от хватки, но делать этого ей не пришлось. Когда Монтроз увидел ее глаза, он непроизвольно отступил назад. Ей не надо было стараться, чтобы изобразить настоящую, клокающую ярость. Ей достаточно было подумать о Малверн и ее выводке.

Монтроз попытался ответить на ее испепеляющий яростный взгляд, но в нем ничего похожего на ярость не было. В конце концов он отвел глаза, и Кэкстон поняла, что он больше не станет вмешиваться. Она потянулась обратно к гробу и снова подняла грудную клетку.

Сунув руку между холодными ребрами, она провела пальцами по груди и по мечевидному отростку, нащупала колючий позвоночник. Того, чего она искала, не было.

«Слава тебе господи!» — подумала она, издавая долгий вздох облегчения. Сердце отсутствовало.

Вампиры обладали многими способностями, которые были недоступны простым смертным. Они были сильнее, намного быстрее и почти неуязвимы физически. Если отрезать вампиру руку, он мог у вас на глазах отрастить себе новую. Если выпустить ему в лицо целую обойму, он только рассмеется, схватит тебя и будет держать, пока его глаза и зубы будут отрастать заново. Сердце было единственным уязвимым местом вампиров. Оно требовало крови, крови, украденной у людей, чтобы восстанавливать поврежденные ткани и исцелять страшные ранения. Без сердца вампиры не могли регенерироваться. Когда сердце разрушалось, вампир погибал.

Кто бы ни захоронил эту тьму вампиров под Геттисбергом, ему хватило ума позаботиться о том, чтобы они оставались мертвыми.

В холоде пещеры то облегчение, которое почувствовала Лоре, показалось ей настоящим теплом, растекшимся по онемевшим пальцам рук и ног. Словно оно было возвращением к жизни, к реальности, пробуждением от ночного кошмара. Разумеется, ей потребуется проверить каждый гроб, открыв каждый предмет из новоприобретенной собственности колледжа, ибо ей нужно было убедиться. Но похоже, мир снова был в безопасности.

«Слава богу».

Она потеряла лицо руками. Все тело звенело от адреналина. Лора медленно поднялась и снова посмотрела на Монтроза.

— Послушайте, — сказал он. — Я постарался помочь вам. Но мне пора вернуть сюда своих людей, чтобы все каталогизировать на месте этих раскопок и...

Кэкстон выставила руку.

— Мы больше вас не задерживаем. Я просто должна убедиться, что тела действительно мертвы. Это подразумевает осмотр их всех.

Она прошла вдоль одного из рядов, выставляя руку над каждым, мимо которого она проходила. И от каждого исходило то же самое ощущение, которое она испытала у первого. Казалось, даже в смерти кости вампиров были противны природе. Она гадала, чувствует ли Монтроз то же самое или же только она могла это ощущать.

— С остальными я постараюсь быть поделикатнее.

Но тут что-то внезапно привлекло ее внимание. Она оглянулась и пересчитала гробы, потом посмотрела в другую сторону. В четырех рядах было по двадцать гробов. Но в ряду, возле которого она шла, не хватало одного гроба. В нем было только девятнадцать.

— Здесь только девяносто девять гробов, — проронила она.

Это раздражало ее, но лишь совсем немного. Почему не ровная сотня? Конечно, прежде всего, она совершенно не понимала, зачем здесь были все эти гробы или сколько вампиров тут было раньше. Просто это казалось немного странным.

— Я насчитала девяносто девять.

— Неповрежденных — девяносто девять, так и есть, — подтвердил Монтроз.

Он помахал ей через всю пещеру. Она отошла от гроба, чтобы подойти к студенту, хоть и не могла отделаться от легкого страха, что гроб откроется и стоит ей только пройти вперед, как скелет внутри взрвет и вцепится в нее. Лора подошла к Монтрозу и глянула на край дальнего ряда. Когда-то там был еще один гроб для ровной сотни. Теперь же здесь была только кучка деревянных обломков. Крышка была разбита практически в щепки, в то время как боковины гроба выглядели так, словно их разнесли кувалдой. Костей внутри не было, ни малейшего признака содержимого. Когда Лора провела над ним рукой, она не почувствовала холода.

— Таким вы его и нашли? — спросила она.

Монтроз кивнул.

— Мы были удивлены, что не обнаружили других в таком же состоянии. Если это место и в самом деле стосорокалетней давности, можно было ожидать больших повреждений. Обычно в подобном захоронении обнаруживаются следы животных, пробравшихся сюда, чтобы грызть кости, или, по крайней мере, считается, что грунтовые воды пробиваются в определенной точке и заполняют полость. Мы решили, что тут, вероятно, произошло что-то подобное.

— Если бы сюда приходили животные, чтобы поживиться костями, разве не нашлись бы обглоданные фрагменты или еще что-нибудь? — усомнилась Кэкстон.

Монтроз снова пожал плечами.

— Ну, в большинстве случаев это наука неточна. Если у вас объяснение получше, я был бы рад его услышать.

Кэкстон подумала, что могла бы дать другое объяснение. И наверняка не лучшее. Но нет, это было невозможно. Если бы тут был похоронен один из вампиров с нетронутым сердцем, то спустя столько лет у него не осталось бы сил, чтоб выбраться из гроба. У него бы не хватило сил, даже чтобы сесть.

Была и другая возможность, но ее и обсуждать не стоило. Возможно, кто-то другой мог спуститься вниз в пещеру и достать один из скелетов. С чего бы, черт возьми, кому бы то ни было делать это?

Обдумывание этих вариантов Лоре не нравилось. Ей не нравилось отсутствие скелета. И тем не менее у нее было дело: нужно было проверить нетронутые гробы, а тревоги подождут, пока она не закончит.

Хирам Морзе сбежал в суматохе, а Джон Тайлер был мертв. Хуже всего, что пропал мой Билл. Я искал его повсюду, но безуспешно. Я едва мог осознать это. Мы были так близки всю нашу жизнь, и редко проходил день, чтобы я не поговорил с ним. Намного чаще такие дни случались с тех пор, как началась война и нас вместе призвали на нее. Отец запретил мне служить, но Билл выбрал мужской путь, и мне не оставалось ничего другого, как только последовать за ним. В бою, под обстрелом, в дыму, на войне — мы всегда были рядом. Но белый демон в один миг изменил все.

— Капрал Грист! — позвали меня, и я повернулся взглянуть, кто бы это мог быть. Будь это даже наш возвратившийся враг, я бы так не вздрогнул. Но это оказался Немец Пит, который тянул меня за штанину. Его руки были покрыты кровью, а лицо окаменело.

— Джон Тайлер мертв, капрал, — сказал он мне. — Похоронить его сейчас? Я трясся всем телом, словно какой-то дух вселился в меня.

— Думаю, нужно вернуться к войскам, — заметил Эбен Нудд, напомнив мне о моих обязанностях, и он был прав. Мы стояли в карауле, горстка моих людей и я. Нашей задачей было не привлекать врага, не подвергать себя еще большей опасности, а вернуться и доложить.

И все же мой Билл пропал! Два года мы с ним спали в одной палатке, делили на привале одно и то же кишевшее личинками мясо. С самого детства он был единственным моим другом в целом мире.

— Кто-нибудь видел, что произошло с Биллом? — спросил я.

— Его здесь нет, — ответил Эбен Нудд в своей привычной манере. — Надо думать, он тоже мертв.

— Однако никто не видел, чтобы он был ранен. — Я посмотрел на Немца Пита, который отрицательно покачал головой. — Значит, он все еще жив. Мы его здесь не оставим, не теперь, когда этот демон убежал.

— Это был не демон, — ответил Эбен Нудд.

Я прищурился, глядя на него, но он показал мне сломанные куски своего креста.

— Ни один демон не вынес бы вида Господа нашего.

— Эта тварь — вампир, — утвердительно сказал Немец Пит. — И вы все это знаете.

Он плюнул на землю, слишком близко, как мне подумалось, от того места, где лежал Джон Тайлер.

— Билл тоже стал пищей для него. Вампир! Вампир-мятежник, вот как.

— Нам следует доложить, — сказал мне Эбен Нудд без выражения.

Свидетельство Алвы Гриста

13

Проверка неповрежденных гробов заняла у Кэкстон несколько часов. Ноги сводило судорогой от постоянного сидения на корточках, а руки болели от перебирания костей, но ей не хотелось возвращаться и видеть лицо Аркли до тех пор, пока проверка не будет завершена. Пока она работала, страх постепенно сменяла скука. Чтобы убить время, Лора расспрашивала Монтроза.

— Сколько лет этому месту? — спросила она.

Монтроз пожал плечами.

— Сказать наверняка без долгих лабораторных исследований нельзя, но, согласно химическому анализу, пороховой склад относится к тысяча восемьсот шестьдесят третьему году. Гробы не могут быть сделаны позднее. Это место определенно не открывалось с тех пор.

Кэкстон кивнула. Даже если бы у вампиров все еще оставались нетронутые сердца, им все равно было бы никак не выбраться из своих гробов. Теоретически вампиры жили вечно, но, подобно Жюстине Малверн, чем старше они становились, тем больше крови им требовалось, просто чтобы стоять прямо, не говоря уже о том, чтобы совершать набеги и зверствовать. Любой вампир, достаточно древний, чтобы быть погребенным в пещере, был слишком стар, чтобы представлять опасность в двадцать первом веке.

— У вас есть предположения о том, кто мог захоронить их здесь?

— Ни малейшего. Здесь внизу нет ни единого доказательства, которое бы говорило нам об этом, и в архивах я не могу найти никаких объяснений. Мы открыли пещеру три дня назад, и с тех пор я довольно прочно засел в Интернете, разыскивая базы данных о событиях

Гражданской войны. Это еще та работенка! Но когда обнаруживаешь находку вроде этой, хочется разузнать все возможное, прежде чем приступать к вскрытию. Он пожал плечами. — Записей об этом месте нет, впрочем, неудивительно.

— Почему?

Монтроз пожал плечами.

— Мы же говорим о девятнадцатом веке. Люди не хранили каждое письмо и каждый кусочек информации подобно тому, как мы делаем это сегодня. Большое количество записей о войне было уничтожено: то архивы и библиотеки горели, то кто-нибудь просто делал уборку в доме и выкидывал тонны бумаг.

Вскоре после этого Лора закончила свой поиск. Ни у одного из девяноста девяти скелетов в могиле не было сердца. Это было уже кое-что.

— Хорошо, — сказала она. — Больше не вижу никакого смысла откладывать вашу работу. Дайте мне свой номер телефона на случай, если у нас возникнут новые вопросы.

Он дал ей свои координаты и полез по лестнице впереди нее. Прежде чем последовать за ним, Лора бросила на пещеру последний взгляд. Тишины и длинных теней в этом месте хватало, чтобы нагнать необъяснимый страх. От абсолютной неподвижности воздуха и звука периодически капающей с потолка воды легче не становилось. Впрочем, причина была в самих скелетах, которые делали место таким жутким. Их совокупного холода хватало, чтобы волосы у Кэкстон встали дыбом.

Место было загадочным. Как эти скелеты попали сюда? Почему их похоронили на открытом пространстве, каждого в отдельном гробу? Кто-то оказался очень осторожным, чтобы правильно убить вампиров. Кто-то был напуган настолько, чтобы скрыть пещеру, взорвав над ней пороховой склад. Впрочем, почему они не пошли дальше? Почему не стерли кости в порошок и не сбросили прах в море?

Наверное, какой-нибудь давно почивший в бозе предшественник Аркли, какой-нибудь охотник за вампирами из девятнадцатого века заполнил эту пещеру. Наверное, он решил, что мертвые заслуживали подобающего захоронения. Наверное, сотый гроб был оставлен здесь таким, как она нашла его здесь, пустым и сломанным. Наверное, никогда и не было сотого вампира.

Кэкстон знала: задача окажется непростой.

Когда она поднималась по лестнице, Монтроз отключил свет внизу. Кэкстон застыла на ступеньках и ощутила, как тьма позади нее набухла, словно пещера затаила дыхание, ожидая, когда ее оставят в покое.

Лора, не теряя времени, полезла наверх.

Аркли ждал ее там.

— Теперь в тебе проснулся интерес? — спросил он.

— Думаю, вы можете сказать, что мое любопытство возбуждено, — признала она. — Но не думаю, что нам есть о чем беспокоиться. Эта могила стояла нетронутой больше ста лет. Как вы вообще узнали о ней? — полюбопытствовала она. — Древние захоронения — это не совсем ваш профиль.

— Кое-кто из студентов Гейстдорфера хочет служить в полиции, — сказал он ей.

Лора оглянулась на археолога, который только плечами пожал.

— По крайней мере, она будет этому учиться.

Кэкстон сверилась с записной книжкой.

— Ее не Марси Джексон зовут, случайно?

Аркли кивнул.

— Когда открыли первый гроб и обнаружили внутри вампира, она позвонила в службу судебных исполнителей и попросила, чтобы соединили со мной. Я официально нахожусь в отставке, но у них все еще есть мой номер. Я оставил исчерпывающие инструкции о том, что, когда бы ни произошел подобный случай, меня следует ставить в известность.

Аркли поинтересовался, что она думает о пещере. И одобрительно хмыкнул, когда Кэкстон сказала, что проверила все скелеты и что сердце там нет.

— А что насчет другого? — спросил он.

— Пустого гроба?

Лора повернулась и спросила у Монтроза.

— Был здесь кто-нибудь не из вашего отряда?

— Конечно же нет, — отозвался он. — И нам всем даны строгие инструкции о неразглашении. Профессор очень рассердился на Марси, когда та позвонила вам в... Хотя, конечно же, мы счастливы помочь вам в этом расследовании всем, чем сможем.

Кэкстон кивнула.

— И гроб был пуст, когда вы открыли его?

Выпускник подтвердил.

— Но это не означает, что он всегда пустовал, раз по каким-то причинам в нем не оказалось вампира, — упорствовал Аркли.

— Ну хорошо, а что там могло быть? Вы не хуже моего знаете, что вампир, похороненный под землей столько лет, наверняка не смог бы действовать без крови.

Аркли снова хмыкнул, менее согласно.

— Я лучше поменяю свое мнение потом, нежели недооценю их сейчас.

Лора вздохнула, но ей следовало бы догадаться, что к этому все и идет. Двадцать лет своей жизни Аркли провел, гоняясь за любыми легендами и слухами о вампирах, которые он только мог найти. И дважды за это время он сталкивался с реальными вампирами — и только потому, что никогда не уставал искать. Он полагал, что его увлечение жизненно важно для безопасности общества, и потратил всю свою жизнь на бесконечные расследования. Несомненно, все они действительно были чрезвычайно важными, и все они были полны опасностей, по крайней мере до тех пор, пока он еще мог обнаружить остывший след или давно умершего монстра, который со временем вырастал в местную легенду.

Аркли стал одержим вампирами много лет назад, а теперь ему нечем было заняться. Лора же не позволит, чтобы это произошло и с ней. Она не допустит, чтобы вампиры определяли ее жизнь.

— Это тупик, — сказала она. — Тут было что-то плохое, но это было очень давно. Вы должны отправляться домой. Вам нужно позвонить своей жене.

— Значит, ты не хочешь начать расследование?

Она повернулась, глядя прямо на него. Шрамы на его лице не беспокоили ее так, как прежде.

— Я не уполномочена это делать. Это не моя работа. Это даже не моя юрисдикция. Я сделаю несколько звонков. Я дам знать соответствующим органам, сделаю официальное сообщение, чтобы люди были начеку. Просто на всякий случай. После этого я умываю руки. А теперь пойдемте. Я отвезу вас в Ганновер.

— Не беспокойся, — ответил Аркли. — Монтроз подбросит меня до города, а там я сяду на автобус.

— Это смешно, Джеймсон. Моя машина — вот, рукой подать, и...

Но он уже отвернулся и вышел из палатки.

— Ты выразилась ясно. Я на тебя рассчитывать не могу. Так тому и быть.

В груди все горело от его отказа, но Лора дала Аркли уйти. Монтроз послал ей сочувственный взгляд и затем вышел вслед за стариком федералом, оставив ее одну. Минуту она простояла в тишине, пока не услышала, как они отъезжают, потом вернулась к своей «мазде» и направилась обратно в город. На полдороге желудок начал урчать, и она вспомнила, что не ела весь день. Была половина шестого, Клара примерно в это время возвращалась домой, но Кэкстон нужно было поесть, прежде чем возвращаться в Харрисбург. Она припарковалась на общественной стоянке в Геттисберге и зашла в небольшое кафе, которое не было переполнено туристами.

Она заказала круассан с ветчиной и диетическую колу, села поесть, но еда казалась безвкусной. Она откусила пару раз от своего бутерброда и остальное отодвинула в сторону.

— Если он ранен, я смогу выследить его, ja,¹ — заметил Немец Пит и потянулся за своим рюкзаком.

Из этого смердящего мешка он вытащил пригоршню черного пороха, несколько небольших жирных кусочков поллой кости, которая могла принадлежать какой-нибудь несчастной птице, и пару листьев боярышника.

— Это безумие, — сказал он мне, — шляться в темноте, когда поблизости бродят вампиры, но я сделаю, как вы приказываете, капрал.

Крошечным пестиком он смешал свои ингредиенты вместе с небольшим количеством слюны, потом втер получившуюся пасту в кровь, которая покрывала его ладони. Попросил спичку, и Эбен Нудд достал один из своих коробков и зажег ее. Немец Пит принял огонек в сложенные ковшом ладони и крепко выругался, когда вспыхнул порох. Но как бы то ни было, ондохнул на огонь, и желтое пламя стало красным и тусклым.

Вокруг его ног все тот же адский огонь лизал траву и палую листву. Повсюду, где Джон Тайлер пролил свою кровь, мерцал этот свет, большая часть была на трупе, и на рубашке тоже, впрочем, ее было не так много, как я ожидал. Я видел столько людей, погибших на этой войне, и всегда кровь хлестала на землю, словно вода из кувшина. А тут остались лишь несколько капель и пятен.

Немец Пит клялся, что наш демон был вампиром, а я знал, что вампиры пьют кровь не ради забавы, они питаются ею. Наверное, раньше я не желал этому верить. Теперь же выбора не оставалось.

— Вон, гляньте туда, — произнес Немец Пит и указал своими светящимися ладонями. Прямо от того места, где мы стояли, тянулась еле заметная огненная дорожка. Маленькие капли, из которых она состояла, уходили направо от нас. Это было то направление, откуда впервые пришел вампир.

— Это кровь Билла? — воскликнул я.

Я был в ужасе, что Военный департамент узнает о произошедшем.

— Вам надо попытать судьбу. Я применил заклинание для ловли раненого оленя, так меня учили, и я никогда не видел, чтобы его использовали иначе. Может, это кровь Хирама Морзе, — пояснил Немец Пит, — а может, и вампира. И все же это след, как вы и просили.

Свидетельство Алвы Гриста

Ночь только-только опустилась, небо все еще желтело сквозь черные силуэты деревьев. Уличные фонари были включены, но лишь некоторые из них неуверенно светились оранжевым, время от времени вспыхивая и оживая, только чтобы погаснуть вновь. Воздух на улице становился холоднее, намного холоднее, чем ожидала Кэкстон. Она оставила свою куртку в «мазде» и, направляясь к машине, обхватила себя руками, чтобы сохранить тепло.

Последнее, чего ей хотелось, так это провести в Геттисберге лишнюю минуту. Пора было возвращаться домой. Она подумала о Кларе, которая, наверное, уже ждала ее дома. Она могла вернуться домой, покормить собак, а потом провести вечер, свернувшись калачиком на диване с Кларой, пока телевизор не усыпит их обеих. Это казалось практически идеальным.

Наверное, Клара позволит ей заснуть со включенным светом. После холода, который она ощутила возле могильника вампиров, она не желала снова долго жить в страхе.

Между кафе и тем местом, где она припарковалась, было всего несколько кварталов. Лора шла быстро, пригнув голову. Она не смотрела на окна домов, превращенных в сувенирные лавки, мимо которых проходила. Впрочем, когда она дошла до «мазды», какой-то

¹ Да (нем.).

звук заставил ее посмотреть вверх.

Где-то поблизости звенела сигнализация. Резкий панический звук раздавался, должно быть, в нескольких кварталах отсюда, но это был один из тех звуков, которые она была научена замечать и распознавать. Это была сигнализация от взлома. Не мое поле деятельности, сказала она себе.

Но как бы то ни было, она была тем, кем была. Она была полицейским. Лора шагнула от «мазды» и вернулась на отделенный рядом деревьев тротуар. Сигнализация звенела за углом, решила Кэкстон, вдали от основных туристических маршрутов, ближе к подлинной части города. Чтобы проверить, потребуется лишь секунда. Она не собиралась этого делать, конечно. Полиция штата не вмешивается в городские криминальные расследования. В соответствии с обычной процедурой Кэкстон должна была сделать звонок и оставить все на совести местной полиции.

Впрочем, она была практически на месте. Пешком тут всего минута ходьбы. Она просто глянет, выяснит адрес места, где сработала сигнализация. Она трусцей забежала за угол и двинулась дальше по кварталу. Сигнал раздавался из малопримечательного здания, стоявшего напротив кампуса Геттисбергского колледжа. Истерический звук отражался от больших кирпичных зданий колледжа и разносился по пустынной улице, которая всего несколько часов назад была полным-полна туристов. Поблизости не было ни души. Если бы местная полиция была уже в пути, Лора услышала бы их сирену.

Кэкстон подошла ближе, прячась в тени на тротуаре. Она не слышала ничего, кроме сигнализации, которая была такой громкой, что начала болеть голова. Лора была уже достаточно близко, чтобы увидеть два широких окна витрины, скрытых тяжелыми жалюзи. На черном тенте над входом было написано: «Похоронное бюро Монтегю». Объявление над круглой дверной ручкой гласило: «Закрыто».

Дверь была слегка отворена. Ручка вывернута набок из своего отверстия, и, судя по виду, замок был взломан.

Ну ладно. Это было все, что ей требовалось знать. Лора бросилась через улицу под прикрытие нескольких деревьев и вытащила сотовый телефон. Она набрала номер харрисбургского отделения пенсильванской полиции и попросила, чтобы дежурный оператор связи соединил ее с отделением полиции Геттисберга.

Женский голос ответил.

— Диспетчер департамента полиции. Куда переадресовать ваш звонок?

Кэкстон взглянула на здание через дорогу.

Ни малейшего признака движения в нем не было.

— Это Лора Кэкстон из полиции штата, отряд «Н». Я на Карлайл-стрит, сто пятьдесят пять, здесь сработала сигнализация от взлома.

— Я уже зарегистрировала этот сигнал и сообщила патрульному отряду, — сказала ей диспетчер. — Но спасибо. Вы сможете оказать помощь, если потребует начальство?

Кэкстон нахмурилась.

— Я не при исполнении, впрочем, ладно. Если вам потребуется помощь, я здесь. Ожидаемое время прибытия вашего отряда?

— Ближайшие пять минут. Вы заметили подозреваемых?

— Нет, хотя есть следы взлома. Это бюро ритуальных услуг. Снаружи никого, подозрительных транспортных средств нет, поэтому...

Сигнализация дико взывала и смолкла. Кэкстон взглядела в подсвеченный фонарями полумрак, но никаких перемен у здания не заметила.

— Внутри кто-то определенно есть. Они только что отключили сигнализацию и...

Одна из стеклянных витрин взорвалась, зазубренные осколки стекла разлетелись по улице, и тут из разбитого окна высунулся прямоугольный деревянный предмет. Он выскользнул и грохнулся с тяжелым стуком на тротуар.

«Нет, нет, нет», — пронеслось в голове у Кэкстон.

Это был гроб, большой гроб красного дерева. Намного более парадный, чем те, которые

она видела днем. Кэкстон прекрасно понимала, что это не какие-нибудь наркоманы забрались в бюро ритуальных услуг, чтобы спереть оттуда что-нибудь этакое, что потом будет так круто продать на улице. У нее была значительно лучшая версия того, кто был там, за проломом. Тот, кому понадобился гроб взамен разбитого старого.

— Патрульный? — зачирикал телефон. — Патрульный, вы там?

Лора прикусила губу и постаралась собраться с мыслями, но времени не было.

— Диспетчер, отзовите патрульную машину. Или нет, не отзывайте. Пришлите сюда столько людей, сколько сможете, велите им очистить окрестности. Уберите гражданских с улицы!

— Патрульный? Вас не понял... что происходит?

— Срочная эвакуация! — завопила Кэкстон.

Вампир вскочил на нижний край разбитой витрины, а потом выпрыгнул на улицу. Его кожа была цвета остывшего молока, глаза красные и тускло мерцающие. На всем теле нет ни единого волоска, а уши заострены кверху. Рот полон острых зубов.

Он выглядел так, словно не ел лет сто. Его тело было истощенным, похудевшим от голода настолько, что он был тщедушнее любого человека, которого она когда-либо видела. Кожа туго натянулась поверх выступающих ребер, а мышцы на ногах и руках превратились в тонкие шнуры. Ребра выпирали, а щеки впали от истощения. Кожа была в темных гнилостных пятнах, а в некоторых местах растрескалась мокрыми ранками. На нем не было ничего, кроме пары рваных серых штанов, расползавшихся по швам.

Он окинул взглядом улицу, потом глянул себе под ноги, словно ожидал увидеть там кого-то. Затем посмотрел прямо на Кэкстон, и она знала, что он мог видеть ее кровь, ее вены и артерии, светящиеся в темноте, сердце, пульсирующее в груди.

Свободной рукой Кэкстон потянулась к бедру, вытаскивая пистолет. Судя по виду, вампир еще не ел этой ночью. Если она будет достаточно проворной, может, она и не даст ему разорвать себя на куски. Ее рука коснулась пояса, но ничего не нашла, и Лора потратила жизненно важную секунду, переводя взгляд вниз, только чтобы понять, что «беретты» там нет. Она лежала в ее машине.

— Диспетчер! Обнаружен вампир — понятно теперь? Обнаружен вампир! — закричала она в телефон. — Немедленно запросите подкрепление!

16

После долгих поисков я нашел того, кого искал, и почти в тот же миг пожалел об этом. Билл лежал, свернувшись на кочке травы и грязи, его тело было вывернуто и изломано. Ранец и мушкет пропали, и их нигде не было, синяя куртка разорвана спереди, а пуговицы разбросаны вокруг него, словно он в безумии отрывал их. Шея и руки были бледными, как рыбье брюхо, но это было еще не самое худшее. Его лицо висело рваными лохмотьями, словно его подрал медведь. Куски кожи свободно свисали со щек, а носовые хрящи высовывались наружу, будто его препарировали в анатомическом театре.

Возле руки Билла я нашел его фуражку. Я поднял ее и все вертел и вертел в руках, оплакивая моего Билла, потому что он был мертв.

Эбен Нудд положил одну руку мне на плечо, и я был крайне благодарен ему за это. Немец Пит присел на рюкзак и сделал большой глоток из своей фляги.

Я опустился на колени, чтобы в последний раз поцеловать в лоб моего друга, и тогда я испытал самый страшный удар в моей жизни. Ибо несмотря на то, что я не чувствовал тепла от него, а он не дышал и не подавал никаких иных признаков жизни, все-таки Билл пошевелился. Он дернулся от моего прикосновения.

— Алва! — сказал он.

Он слабо пошевелился, похоже желая сесть и отчаянно пытаясь убраться подальше.

— Он зовет меня.

— Кто, Билл? Кто тебя зовет? Вставай, давай мы поднимем тебя и вернемся в лагерь. Хирурги помогут тебе.

Вряд ли они смогут восстановить его разорванное лицо, думал я, но множество людей было искалечено в этой войне, и все же они жили, чтобы снова сражаться.

— Вставай!

— Нет! — закричал он, и его голос был высок и тонок, словно свист.

Он ударил меня в плечо и сбил с ног с такой силой, что я упал на задницу.

— Нет! Пусть никто из вас не приближается ко мне! Прочь! Он зовет меня!

О, как же вы не слышите его? Он зовет меня даже сейчас!

И с этими словами он вскочил и бросился бежать, крича через плечо, чтоб я не смел идти за ним, что он теперь для меня умер.

Свидетельство Алвы Гроста

17

Вампир заметил ее. Красные глаза буравили Кэкстон насквозь. Она попыталась отвести взгляд, но не смогла.

И она уже точно знала, что происходит. Вампир гипнотизировал ее. Это случилось и раньше. Если б она могла, она бы закричала, убежала или как минимум попробовала отвести глаза. Но она не могла. У вампира была сила, чтобы подчинить ее. Амулет у нее на шее нагрелся, когда она стала сопротивляться его воле, но сам по себе он не имел большой силы. Его назначением было концентрировать ее собственную ментальную энергию, даруя ей ясность ума, чтобы сопротивляться психической атаке вампиров. Но до тех пор, пока она не могла дотянуться и схватиться за него, обратиться к нему мысленно, он был бесполезен. Но пока вампир не отвел от нее глаз, она не могла ничего делать, только глядеть на него, и ее здравый рассудок был отделен от тела.

Сотовый телефон в ее руке громко зазвонил и завибрировал. Скорее всего, это диспетчер на другом конце линии бился в истерику, желая задать ей дюжину вопросов. Лора разжала пальцы, и телефон выскользнул на землю. Он отскочил от тротуара, но она не могла опустить глаза и посмотреть, куда он делся. Она могла глядеть только в глаза вампиру.

А эти глаза... они были холодны, даже несмотря на то, что горели как угли. В них не было никаких эмоций. Они были прикованы к ее глазам с неопишуемой силой. Если б он захотел, он мог держать ее так целую вечность. Он мог подойти и разорвать ее горло голыми руками, а она бы не смогла ни убежать, ни сдвинуться хоть на дюйм.

Кэкстон услышала звук приближающихся полицейских сирен, но ей не хватало присутствия духа, чтобы даже понадеяться на спасение.

Вампир неслышными шагами легко пересек улицу, приближаясь. У него было много времени, и он это знал. Не в силах оторвать от него глаз, Лора не видела приближающихся полицейских автомобилей. Пристально глядя на нее, не видя, наверное, ничего, кроме крови в ее теле, вампир тоже не заметил машин.

Заметил ли его водитель автомобиля, Лора не знала. Машина выскочила из-за угла на большой скорости, шины взвизгнули по асфальту — она издали слышала их жалобный скрип, — и понеслась по улице прямо по той стороне, где был вампир, сбила его и протащила полквартала под визг дымящихся тормозов.

В тот же миг чары спали. Давно сдерживаемый вздох вырвался у Кэкстон — все это время она не дышала, — и она согнулась пополам, страх и тошнота выворачивали ее тело наизнанку. Она потянулась к воротнику, схватилась за амулет, едва не обжигаясь о нагретый металл. Силы снова полились в нее, разгоняя кровь.

— Он мертв? — закричал кто-то. — Прошу, скажи, он мертв?

— Кто? — спросила она, не сразу сообразив, что вопрос адресовался не ей.

Она подняла глаза и увидела двух местных полицейских, обходящих неподвижное тело

вампира. Они были с оружием, но держали его в безопасном положении, стволами вверх.

— Он не двигается, — сказал один из них.

Оба офицера были мужчинами, одетыми в одинаковую форму. Тот, который заговорил последним, был широк в плечах, но ростом не выше Кэкстон. Он пнул ботинком руку вампира. Другой офицер, настоящий шкаф, стоял позади, прикрывая своего напарника.

Лора знала, что еще секунда — и полицейские будут мертвы, если она не вмешается.

— Полиция штата! — выкрикнула она и бросилась к ним так быстро, как только могла.

Она ощутила полную опустошенность и неуверенность в себе.

— Назад!

Высокий полицейский посмотрел на нее, желая что-то сказать. Другой наклонился, чтобы взглянуть поближе на вампира. Все дальнейшее произошло в один миг. Вампир поднялся на локтях и повернул голову в сторону. Его рот раскрылся, открывая острые полупрозрачные зубы. Они вонзились в ногу нагнувшегося полицейского и вгрызлись в нее изо всех сил.

Кровь плеснула на капот машины, на ноги стоявшего полицейского, на темную проезжую часть. Похоже, вампир прокусил крупную артерию. Нагнувшийся полицейский закричал и попытался достать пистолет, чтобы выстрелить в вампира, но не успел он вытащить оружие наполовину, как был уже мертв. Он упал, а голова стукнулась об асфальт с таким звуком, что Кэкстон передернуло.

Уцелевший полицейский отскочил назад, размахивая пистолетом. Кэкстон появилась возле машины и схватила его за руку, оттаскивая еще дальше.

Вампир стал выбираться из-под автомобиля. Его рот и половина груди были покрыты спекшейся кровью. Кожа выглядела не столь ослепительно белой и, по правде говоря, имела уже легкий розоватый оттенок. Выглядел он таким же изможденным и тощим, но Лора знала, что теперь, напившись крови офицера, он стал намного сильнее.

Оставшийся полицейский согнул ноги в коленях, схватил свой пистолет обеими руками, направил ствол вниз и пустил пулю прямо в лысый затылок вампира. Кэкстон увидела, как кожа лопнула и разорвалась, как череп под ней треснул от удара пули. Рана закрылась так быстро, словно пулю опустили в бидон с молоком. Если вампир и почувствовал выстрел, то он не подал виду.

— Сердце, — успела сказать Кэкстон. — Вы должны уничтожить сердце.

Впрочем, пока она говорила это, вампир медленно обернулся и уставился на полицейского. Лицо мужчины исказилось от ужаса и отвращения, но внезапно потеряло всякое выражение. Он трясся всем телом, безвольно уронив руки, забыв про пистолет в ладони.

Вампиру было нетрудно прикончить сразу и полицейского, и Кэкстон. Он мог сделать это хотя бы ради того, чтобы они не преследовали его, — она видела, что вампиры поступали так раньше. Вместо этого он бросился туда, где под окном похоронного бюро лежал гроб. Он схватил его, отвернулся от них и помчался по улице прямо к кампусу колледжа.

Где-то вдалеке коротко и переливчато завывала сирена.

— Что это? — спросила Кэкстон.

Полицейский огляделся, словно не мог вспомнить, где он находится.

— Сигнал о приближении торнадо, — пояснил он. — Хотели по-быстрому убрать людей с улиц. Сирена отпугнет туристов, а местные будут знать, что нужно оставаться в убежищах.

Кэкстон облегченно вздохнула. Диспетчер отнеслась к ней серьезно. Опасности реального торнадо не было — небо было чистым и полным звезд, но сирена свое дело делает.

— Это хорошо. Дальше нужно будет...

— О боже! — воскликнул полицейский. — Боже милостивый, Гэррити!

Он бросился к лежавшему напарнику и схватил его за запястье, проверяя пульс.

— Он мертв!

— Да, — подтвердила Кэкстон, как можно мягче. — Мы должны поймать ту тварь, которая его убила.

— Нет, — возразил полицейский.

Он вытащил рацию и вызвал «скорую». Потом переключил частоты и прокричал:

— Убит офицер, Карлайл, сто пятьдесят пять.

— Хорошо, хорошо, — согласилась Кэкстон.

Он следовал согласно существующим инструкциям, Лора это понимала. Нельзя просто бросить убитого полицейского на улице. Но если они не поторопятся, они упустят вампира.

— А теперь пошли.

Он уставился на нее.

— Гэррити был моим напарником восемь лет, — сказал он, очевидно полагая, что дискуссия на этом закончена.

При других обстоятельствах, наверное, так оно и было бы. Но Кэкстон понимала, что времени ждать «скорую» у нее нет.

— Тогда дайте мне ключи от машины и оставайтесь тут, — упорствовала она. — Я служу в криминальной полиции штата. Давайте! Он уходит!

Полицейский долго смотрел на нее удивленным взглядом. Она чувствовала облако горя, страха и злости, клубящееся в его голове. Наконец он залез в карман испачканных кровью штанов Гэррити, вытащил оттуда связку автомобильных ключей и вложил их в ее ладонь, не произнеся ни слова.

Кэкстон развернулась и вскочила в открытую дверцу патрульной машины. Отъехала подальше от жуткой картины — еще одно леденящее кровь видение, которое годами будет приходить к ней в ночных кошмарах, подумалось ей, — и повернула машину по направлению к кампусу. Узкая дорога шла через скопление длинных, низких зданий. Проезжая, она всматривалась в расщелины между ними, но не находила ни единого следа вампира. Несколько испуганных студентов сбились в кучки на дорожках, но на нее они обращали мало внимания. Они прислушивались к сигналу торнадо, который был все громче и громче.

Впереди дорога расширялась. Дорожные знаки гласили: «Авеню Конституции». Это ничего не говорило Кэкстон. Она до предела вжала педаль газа в пол машины, и полицейский автомобиль рванул вперед, отбросив ее назад на сиденье. Вампир мог свернуть на любую из улочек, мимо которых она ехала, но все, что ей оставалось, это довериться своей удаче и понадеяться, что он попадется ей на глаза. И только она начала впадать в отчаяние, как уловила тень, «скакавшую» в темноте перед нею. Да, вот оно...

Вампир все еще тащил свой гроб, он бежал прямо посреди дороги впереди нее, ноги его так и мелькали, позволяя ему бежать намного быстрее, чем любому простому смертному. Кэкстон выжала всю скорость, какую только могла, и начала медленно сокращать расстояние между ними. Он так быстр — как вообще такое было возможно? Ему как минимум должно было быть лет сто пятьдесят. Вампиры такого возраста должны были валяться в своих гробах, не в состоянии подняться, прямо как Жюстина Малверн. Это было невероятно. Невероятно, но все же это произошло.

18

Билл велел мне не преследовать его. Но что еще я мог сделать, ведь я был его другом! В темноте, все еще идя по его следу, мы пустились в погоню вдоль узкой тропы. Через какое-то время она вышла на лужайку, посреди которой стоял дом с пристройками. О доме вкратце не сказать, поэтому я ненадолго оставлю его и опишу пристройки. Это были полуразвалившиеся хибары и несколько сараюх, которые обступали дом так плотно, что казалось, они опирались на него. Построены они были хуже некуда и казались такими захудалыми, что оскорбляли дом своим соседством.

Ах да! Дом. Когда-то он был выкрашен белой краской и, наверное, выглядел

великолепно. Шесть толстых колонн высились по фасаду, а венчал его роскошный купол. Широкие окна были из чистейшего прозрачного стекла, и я мог разглядеть остатки белых занавесей за ними. Только остатки, ибо дом был заброшен и уже начал разрушаться.

Но правильно ли назвать дом МЕРТВЫМ? Таково было мое первое впечатление. Краска на фасаде отслаивалась длинными бледными языками, под которыми виднелась изъеденная червями древесина. Половина окон была разбита, включая те, на верхнем этаже, которые были поспешно заколочены. Купол свода обвалился наполовину, а одна часть дома была заметно ниже другой, словно съехала с фундамента и скоро обрушится.

Парадная дверь то ли была открыта, то ли отсутствовала. И вход был просто черным прямоугольником, ведущим в тайну; отверстия от пуль, рассеянные возле косяка, мало что объясняли. Я был уверен, что через этот вход Билл вбежал в дом, и мне оставалось лишь последовать за ним; мой мушкет и ранец били меня по спине и плечам, а дыхание с хрипом вырывалось из горла.

Свидетельство Алены Греста

19

Белая спина вампира светилась в лучах фар. Время от времени он оглядывался, но ни разу не замедлил бега. Но как только по обе стороны от Лоры начали проноситься парковки и засаженные деревьями скверы, он почти перешел на шаг. Кэкстон не отнимала ногу от педали газа.

Лучший выход для нее, решила Лора, продолжать преследование на автомобиле. Если она сможет наехать на него, придавив машиной, ей, возможно, удастся задержать его достаточно долго, чтобы вызвать подкрепление. Мысль о том, чтобы захватить его в одиночку, казалась самоубийственной, особенно потому, что она оставила пистолет в своей машине. Лора кинула взгляд вниз и увидела дробовик, прикрепленный к приборной доске. Это уже что-то, хотя дробовики были почти бесполезны против вампиров, которые только что покормились. Он мог немного замедлить его бег, но это все, на что она могла надеяться.

Лора неслась за вампиром так быстро, как могла. Авеню Конституции шло на юг, огибая дальний край кампуса, и Кэкстон немного отвлеклась, когда ей пришлось свернуть, чтобы вписаться в поворот. Вампир впереди нее поднял ворованный гроб обеими руками, а потом развернулся и швырнул его прямо в нее. Она попыталась свернуть с дороги, когда массивный деревянный снаряд полетел в лобовое стекло. Вскрикнув, Кэкстон ударила по тормозам, а стекло перед ней треснуло и раскололось от удара. Машина дернулась и юзом съехала с дороги, едва не перевернувшись набок.

Сначала одна из покрышек, потом другая лопнули так, словно раздались выстрелы, а затем машина осела назад на ободья колес, сильно накренившись. Подушка безопасности вырвалась с хриплым шипением и практически моментально сдулась, несмотря на то что машина еще двигалась. Кэкстон мотало из стороны в сторону, больно ударяя о дверь. Ремень безопасности дернул ее назад в кресло, когда машина закачалась, неуверенно остановившись.

Через похожую на звезду дыру в лобовом стекле она могла видеть перед собой большой футбольный стадион. Она скатилась на его парковку — довольно удобно, если учесть, что машине больше не придется ездить этой ночью.

Лора попыталась взять себя в руки. Посмотреть, получила ли она травмы и ранения, времени не было: нужно было двигаться. Вампир был поблизости, а у нее все еще оставался крошечный шанс поймать его. Она выхватила дробовик из стойки, убедилась, что тот заряжен, и потом распахнула дверцу, выбираясь на бетонное покрытие. Она поднялась на ноги и огляделась, но вампира не увидела.

Поведение этого чудовища немного сбивало ее с толку. Она никогда еще не видела, чтобы вампир убегал от схватки, особенно после того, как насытился. Обычный вампир был более чем достойным противником для слабого полицейского. И тем не менее она никогда

раньше не видела столь изможденного вампира, который при этом был в состоянии встать.

С дробовиком в трясущихся руках Кэкстон бросилась назад к дороге, потом развернулась, уловив движение сбоку от себя. Да, там она увидела бледную тень, мелькавшую среди деревьев на дальней стороне стадиона. Пешком Лоре было ни за что не догнать его, если он смог бежать так быстро, когда она преследовала его на машине. Но просто сдаться она не хотела. Ноги начали гореть, когда она кинулась к краю стадиона. Кэкстон потянулась за своим сотовым, но не нашла его и только теперь вспомнила, что выронила его, когда вампир гипнотизировал ее. Подобрать телефон ей в голову не пришло. Теперь же она была предоставлена самой себе.

За стадионом лежала тренировочная площадка. Кэкстон увидела вампира, несущегося по коротко стриженной траве. За площадкой высились деревья и зеленые холмы, освещенные только светом звезд. Это была часть Национального военного парка, вспомнила она, часть поля битвы, на которой не было ничего, кроме мраморных обелисков и тяжелых памятников павшим героям. Там, под деревьями, вскоре станет очень темно, а фонарика у нее не было.

Кэкстон продолжала бежать.

Она остановилась на вершине холма и попыталась перевести дыхание. Она знала, что ей нужно возвращаться. Это было бесспорно. Упустить вампира, позволить ему сбежать — это бы рассердило Аркли. Когда-то это имело для нее значение, но теперь у нее была своя жизнь. Ей нужно было думать о Кларе, о собаках. Если ее убьют здесь...

Закончить мысль ей не удалось. Как только Кэкстон повернулась, чтобы направиться к кампусу, вампир был тут как тут. Он стоял за ней абсолютно неподвижно, словно все это время смотрел ей в затылок. Его глаза горели в глазницах, будто пылающие огоньки двух сигарет.

Кэкстон оторвала взгляд от этих глаз и схватилась за амулет на шее. Она попыталась вскинуть дробовик, думая только о том, как бы вышибить эти проклятые глаза из его головы. Легким атакующим движением он сократил расстояние между ними и выбил оружие из ее руки, и оно закувыркалось, падая вниз с холма, скользя по мокрой траве.

Вампир обеими руками схватил ее за голову и придвинулся, оставив лишь несколько дюймов между их лицами. Она чувствовала, что его дыхание пахнет кровью полицейского. Глаза вампира расширились, и взгляд вонзился прямо в нее, но амулет в руке Кэкстон мешал ему установить полный контакт. С преисполненным отвращения рыком он выпустил ее.

— Я джентльмен, мисс, и меня учили никогда не поднимать руку на леди.

В мягком рокоте, который искажал голос любого вампира, послышалась сталь. Сталь и раздражение. Он оскалил свои острые зубы.

— Не знаю, что говорится в книгах по этикету о леди, одетых в мужское платье.

Похоже, он не собирался ее убивать, по крайней мере не сейчас. Кэкстон была слишком ошеломлена, чтобы понять, что он имел в виду. Она опустила глаза и увидела свою белую рубашку и галстук.

— Это моя форма, — сказала она. — Я из полиции штата.

— Одного такого я уже убил сегодня, а больше мне не нужно, я так думаю, — ответил он. — Но предупреждаю: оставьте меня в покое. Если наши дороги пересекутся, я вас не пощажу.

И тут он швырнул ее в воздух, в темноту. Кэкстон почувствовала, как мокрая трава хлещет ее по щеке с такой силой, будто сделана из металла, а потом перестала чувствовать что-либо вообще.

Тьма накрыла ее, словно она оказалась внутри огромного стиснутого кулака. Потом свет снова вернулся в ее мир, и она судорожно забилась.

— Нет! — закричала она, распахивая глаза.

Мир изменился. Воздух стал теплее. Где она? Кто был перед ней? Это вампир? Руки рванулись вперед, чтобы схватить существо за горло, не тревожась о том, что оно будет твердым как камень, и она схватила, сдавила руками трахею, и это было твердое, твердое тело, твердое теплое тело...

— О боже, нет, — закричала Лора, немедленно выпуская его.

У женщины перед ней были темные волосы, падавшие на брови симпатичными прядями. Во влажных темно-карих глазах Кэкстон отражалась ее собственная физиономия.

Она напала на Клару. Клару, заходившуюся кашлем при попытке вздохнуть.

20

Прежде чем я успел войти в упомянутый дом, раздался выстрел, пуля пронеслась между моими ногами. Я встал как вкопанный, словно меня парализовало, и подумал: тут уж моя песенка спета. Стрелявший, который замахал мне от ближайшего дерева, оказался вовсе не мятежником. Напротив, он был одет в темно-зеленую форму с черными каучуковыми пуговицами. Его ружье свисало с толстого сука дерева и казалось мне каким-то механическим питоном. Это была кустарная стрелковая винтовка, оружие, которое я видел лишь однажды, на стрелковом состязании до начала военных действий. На вид это был приличный отрезок восьмиугольной трубы с ружейным ложем в форме крыльев летучей мыши и подозрительной трубой, пристроенной сверху для точного прицеливания. Я знал, что эта винтовка может проделать во мне дыру, особенно на таком расстоянии, а еще я знал, что ее владелец стремился предупредить меня, а не ранить. Его странная форма помогала ему скрываться среди листвы, и я узнал в ней обмундирование стрелков Соединенных Штатов. Значит, он был из Союза, и это было хорошо, иначе я давно уже был бы мертв. Волосы бахромой обрамляли его темное, как скорлупа грецкого ореха, лицо. Что он делал там, на дереве, я даже не рискнул предположить.

— Мой друг там! — крикнул я, но он оборвал меня, шикнув.

Свободной рукой он поманил меня к себе, а потом велел лечь среди высокой травы.

— Мятежники идут, — прошипел он.

Несмотря на все мое негодование, я еще был солдатом и понимал, что это означало. Я постарался спрятаться, стать как можно незаметнее.

Свидетельство Алвы Гроста

21

Кэкстон лежала на больничной койке, уставившись в потолок, и была не в состоянии успокоиться. Ее нашли на рассвете, ползающей по газону в Национальном военном парке. Парковые рейнджеры сначала подумали, что она под кайфом, и срочно доставили ее в суперсовременную геттисбергскую больницу. Доктора протестировали ее и не обнаружили в крови наркотиков, тем не менее они хотели, чтобы она отдохнула. Как бы не так, размышлялись.

— Я думала, это вампир. О боже... Я чуть не убила Клару, я подумала, что это вампир!

— Да.

Веста Полдер положила руки на щеки Лоры. Старушка носила на пальцах множество одинаковых золотых колец без камней, и металл был прохладен и приятен горячим щекам Кэкстон. Она не отнимала своих рук, пока изучала глаза Лоры.

— Это правда. Но не стоит так драматизировать.

Лора облизнула пересохшие губы. Она чувствовала лихорадку и сухость, будто выходила из тяжелой простуды.

— Я могла убить ее!

Веста Полдер пожала плечами и убрала руки.

— И все же ты этого не сделала, а жизнь наша слишком коротка, чтобы беспокоиться о зле, которое мы могли бы совершить.

У старушки были вьющиеся седые волосы, которые топорщились в разные стороны. Она носила черное платье, застегнутое наглухо у горла. Она была приятельницей Аркли — хотя ее правильнее было бы назвать союзницей, — и она считалась то ли ведьмой, то ли медиумом, то ли кем-то еще в этом духе. Кэкстон так и не смогла понять, откуда берется сила Весты, но сила у нее была немалая. Это была идея Аркли — привезти Весту в больницу. Странно заботливый жест с его стороны. Лора решила не смотреть в зубы дареному коню, раздумывая о его истинных мотивах.

— Тебе нужно успокоительное или сама справишься?

Кэкстон сглотнула. Горло распухло и саднило, словно она прокричала несколько часов.

— Попытаюсь, — пообещала она.

Она чувствовала себя так, будто ей выговаривает учительница начальных классов.

— Так с ней все в порядке?

— С ней все будет нормально. Я дала ей немного болеутоляющего чая.

Веста Полдер перехватила встревоженный взгляд Кэкстон и покачала головой.

— Всего лишь простой травяной чай. Он намного полезнее, чем все то, что ей предписано принимать. Конечно, она напугана, но я только что объяснила ей, в чем дело, и она не сердится на тебя. Эта девушка, — сказала она, глядя на свой острый нос, — заслуживает, чтобы ее беречь. Она довольно умна и обеими ногами стоит на земле.

Кэкстон кивнула. Множество людей описали бы Клару именно так, но Веста видела людей такими, какими они были на самом деле, а не такими, какими себя изображали.

— А я в порядке? — спросила она.

Веста Полдер выпрямилась, возвышаясь над больничной койкой.

— Воспользуйся долгим отдыхом. Тебе нужно убраться из этого города, чем дальше, тем лучше. Не могу сказать, что мне это место нравится. Слишком много вибраций, и хороших, и плохих. Эфир здесь невыносимо замутнен. А теперь я отправляюсь домой, где смогу обдумать все как следует. Тебе следует сделать то же самое.

Она полезла в карман платья и что-то вытащила оттуда. С раскрытой ладони свесился спиральный медальон, болтаясь на порванной ленточке.

— Полиция нашла это недалеко от того места, где они обнаружили тебя. Постарайся с этого момента покрепче держаться за него, ладно?

Кэкстон дала слово. Она с радостью приняла амулет и плотно зажала в руке. Он казался холодным, как и кольца Весты Полдер, и еще более придавал уверенности. Пожилая женщина погладила ее по руке и ушла. Но едва дверь в палату Кэкстон закрылась, как вошла новая посетительница. Клара плюхнулась в кресло возле койки и широко улыбнулась Кэкстон, не произнеся ни слова. На горле у нее было несколько красных кровоподтеков, на которые Лора не могла смотреть.

— Ох, ну ты меня и напугала! — воскликнула Клара. — Чтоб больше такого не было! Когда мне передали о звонке, который от тебя приняли, я была уверена, что вампир тебя сцапал. Мне сказали, он достал другого парня, местного полицейского.

На Кларе была черная футболка и джинсы — видимо, она взяла отгул.

— Его семья, наверное, сейчас в трауре, но зато у меня отлегло от сердца. Я, должно быть, ужасный человек. Не отвечай. Я просто рада, что ты жива.

Кэкстон открыла рот, чтобы что-то сказать, но издала только хриплый скрипучий звук.

Глаза Клары расширились. Она покачала головой.

— Слушай, с собаками все нормально. Я их напоила, накормила, именно так, как ты мне показывала. Фифи я, кажется, не нравлюсь, но это, наверное, потому, что она ко мне еще не привыкла, правда? Я всем нравлюсь, стоит только поближе познакомиться.

Лора закрыла рот и кивнула, не отрывая головы от подушки.

— Доктора говорят, ты можешь поехать домой, как только будешь готова. Я постелила новый плед на нашу кровать — прошлой ночью была холодрыга, особенно когда я осталась одна, — а по дороге сюда я увидела место, где продают макауновские¹ яблоки. Мои

¹ Макауновские яблоки — сорт яблок, названный в 1932 году по имени канадского ученого У. Т. Макауна,

любимые! Я решила, что испеку тебе пирог. Тебе нравится? Я никогда не пекла его раньше, но... но...

Клара уставилась на ее лицо. Щека Кэкстон была совсем мокрая. Клара дотронулась до нее и обнаружила, что она ревет в три ручья. Лора попыталась извиниться, но вместо этого раздался бессловесный всхлип.

— О Лора! — тихо сказала Клара.

Она перебралась из кресла, на кровать, подвинув Кэкстон.

— Все в порядке. Я здесь.

Своим маленьким телом она прижалась к боку и груди Кэкстон. Идеальный мягкий рот коснулся холодного лба Лоры.

Она медленно покачивалась туда-сюда, обхватив руками вялое тело Кэкстон, когда дверь снова открылась.

— Кхе-кхе, — кашлянул Аркли.

Кэкстон не шевельнулась. Клара села вертикально лишь для того, чтобы сказать ему, чтобы он убрался.

Старый больной федерал ее не послушался. Вместо этого он прошел в комнату и встал в изножье кровати.

— Пошел вон! — сказала Клара на этот раз громче.

Они с Аркли давно испытывали друг к другу неприязнь — она даже пригрозила однажды ударить его, впрочем, пошла на попятный, когда поняла, что ударить судебного исполнителя США будет стоить ей работы.

Кэкстон закрыла глаза. Она не знала, что и сказать. Аркли ей видеть не хотелось. Но по крайней мере, она должна была перед ним извиниться. Лора с трудом сглотнула и приподнялась в кровати.

— Мы с моей подружкой, — заявила Клара, — в некотором роде заняты.

Лицо Аркли жутко скривилось, шрамы стянулись и побелели. Глаза сияли. И чего это он улыбается? Судя по виду, улыбаться ему было больно.

— Офицер Су, почему бы вам не подождать в коридоре? — спросил он.

— Почему бы вам не сесть и не покрутиться? — процедила Клара, выбрасывая средний палец.

Улыбка не исчезла.

Кэкстон шумно прокашлялась.

Они оба посмотрели на нее, будто ждали, что она уладит спор между ними.

Лора не думала, что ей это удастся, но она могла попробовать взять ситуацию в свои руки.

— Вы были правы, а я ошибалась, — сказала она наконец, глядя Аркли в глаза.

Их выражение не изменилось; он пришел не злорадствовать.

— В том последнем гробу и правда был вампир. Живой.

— Да, я уже читал рапорт полицейского, уцелевшего в схватке прошлой ночью.

Он оглядел ее с головы до ног, словно выискивая ее раны.

— Другого уцелевшего. Стиль его повествования был несколько эмоционален для надлежащей полицейской работы, но суть я уловил.

— Как вы собираетесь действовать? — спросила она.

— Кто? Я?

Лицо Аркли удивленно растянулось. От этого шрамы снова побелели.

— Я не могу сражаться с этим вампиром.

— Почему вдруг?

Старик сморщился и отвел глаза.

— Ты что, в самом деле хочешь, чтобы я произнес это? Я инвалид.

Его плечи напряглись. Какой боли стоило ему признание в своей слабости, размышляла Кэкстон. Какое унижение он испытывал, когда попросил ее завязать ему галстук!

— Теперь мое тело недостаточно хорошо работает. Я могу только давать тебе советы. И все. Это твоё расследование.

Кэкстон открыла рот, словно собираясь рассмеяться. Но она понимала, что все абсолютно серьезно.

— Я не могу, — попыталась возразить она.

— Если ты не сможешь, — сказал он медленно, с неохотой, — кто-то другой захочет занять твоё место. Скорее всего, местный полицейский, который никогда и дела-то не имел ни с кем страшнее пьяного водителя. И ты наверняка знаешь, что случится с вышеназванным копом. Он погибнет. Он не будет знать, что ему противостоит, он недооценит вампира, и стоит ему только приблизиться к чудовищу, как тот искромсает его на куски.

У Кэкстон имелась сотня аргументов против того, что сейчас сказал Аркли. Одна незадача — он был прав. И прошлой ночью она получила чудовищное, неоспоримое доказательство этого. Аркли прав — это её расследование.

22

Предсказателем он был таким же хорошим, как и стрелком. Через несколько секунд после того, как я спрятался, я услышал стук копыт приближающихся лошадей. И в течение последующей минуты целая орда кавалеристов-южан остановилась перед домом. Их командир, судя по его орденам доблестный офицер, был одет в кожаные перчатки, краги, пыльную широкополую шляпу и серый хлопковый мундир хорошего качества, ладно пригнанный по фигуре. Впрочем, многие из его людей были одеты в мундиры серого цвета, а это означало, что сшиты они из домотканой неокрашенной ткани. Мы видели множество таких у Ченслорсвилля. Некоторые солдаты сражались без башмаков на ногах, некоторые даже без собственных винтовок.

Под Ченслорсвиллем мы потерпели поражение, как и всегда, когда сражались против Робби Ли. Меня этот факт задевал чрезвычайно, поэтому я постарался дышать не очень шумно.

— Марс Обидая! — воскликнул командир кавалеристов, словно приветствуя старого друга. — Ты слышишь меня? Я проехал от Ричмонда тридцать миль! Ты меня слышишь? Правое дело снова нуждается в твоих услугах! Янки заполонили эту часть земли, и мы должны вышвырнуть их обратно. Генерал Ли отдал этот приказ!

Офицер кружил на коне, словно ожидая нападения с любой стороны.

Наконец раздался ответ, но от этого голоса кровь застыла у меня в жилах. В нём было очень мало человеческого, хотя слова были сказаны на хорошем английском. Они звучали скорее как скрипка, по струнам которой водили горлышком разбитой бутылки, непонятно как складывая звуки в слова.

— Ты был услышан, — ответил голос.

Свидетельство Алвы Гриста

23

Кэкстон выбралась из постели с таким чувством, будто её прошлой ночью избили. Руки и ноги болели, а во рту стоял противный привкус. Сделать с этим ничего было нельзя. Клара принесла ей сменную одежду, в которую она влезла с трудом. Впрочем, почувствовать на спине хрустящую свежесть рубашки было приятно. Лора напялила пальто и убрала коммуникатор и мобильник в карманы. Местные полицейские оказались настолько любезными, что вернули последний, после того как она выронила его возле похоронного бюро.

— Ты приступаешь к расследованию, — сказал Аркли.

Это был не вопрос.

Днем раньше он спрашивал об этом, и ее ответ был «нет». Но теперь все изменилось. Она видела, как коллега-полицейский погиб из-за секундного колебания. Она преследовала вампира, убить которого у нее не было ни малейшего шанса. Это было совершенно ясно. И все обретало смысл — в отличие от всего того, что казалось бессмысленным в последнее время. С тех пор, как она убила последнего вампира.

— Да, — сказала она.

Клара повернулась, глядя на нее, но Кэкстон даже не стала ловить взгляд своей любовницы. Разве у нее был выбор? Аркли больше не мог бороться против действующих вампиров. Не теперь, когда он и галстука себе завязать не мог. В мире было множество других полицейских, но ни у кого не было такого опыта по части вампиров. Если она оставит эту работу другим, они почти наверняка погибнут.

Конечно, никто не гарантировал, что Кэкстон выживет. Но дело отчасти заключалось в том, кто она такая. Ее отец был единственным полицейским на территории угольной разработки на севере. Дед был частным детективом. Что бы сейчас сказал отец, подумалось Кэкстон, будь он жив? Она точно знала, что бы он сказал. Он бы сказал: «Давно пора, черт подери».

— Я уже сделала кучу ошибок, — сказала Лора, и Аркли только кивнул.

Он никогда не был силен по части одобрения. И все же то, что он пришел к ней на помощь, что думал о ней как об одной из лучших кандидатур, кто может уничтожить вампиров, кое-что значило. Лора только надеялась, что ей удастся убедить свое начальство в Харрисбурге.

— Значит, нам пора действовать правильно. Начинать надо прямо сейчас.

Он снова кивнул.

— Начнем с того, что поймем, с чем мы сейчас боремся. Вампиры плохо переносят время — до сих пор это было аксиомой. Чем старше они становятся, тем больше крови им нужно просто для того, чтобы поддерживать себя, и после пятидесяти-шестидесяти лет они даже из гробов своих выбраться не могут. Этот парень другой. Жаль, мы не знаем, как это оказалось возможным. Я видела его прошлой ночью. Он выглядел так, будто долгое время голодал, не видя крови. Он выглядел ужасно. И все же он перегнал машину.

— Мы о нем многого не знаем, — согласился Аркли. — Я, наверное, смогу кое-чем помочь.

Кэкстон одобрительно хмыкнула.

— А может, и нет. Но у меня есть зацепка, так сказать. У меня есть связи в Колледже физических наук в Филадельфии...

Клара расхохоталась.

— Вы хотите сказать, в музее Мюттера? Почему меня не удивляет, что такой старый хрыч, как вы, вхож в такого рода место?

Кэкстон нахмурилась. Музей Мюттера она знала, конечно. В подростковом возрасте она посещала его вместе с классом. Это была самая большая в мире коллекция медицинских аномалий. Двухголовые младенцы в банках, скелет самого высокого человека в мире. По сути, огромное множество скелетов. Она подумала о костях в пещере. О вампирах, которые не дожили до двадцать первого века.

— погоди, Клара. Аркли, то, что есть у них, может нас заинтересовать?

Он пожал плечами, немного обиженный на то, что его перебили.

— Как я уже сказал, мой информатор недавно вышел на меня. Он отыскал кое-что любопытное в хранилище и знал, что мне будет интересно взглянуть. У них в коллекции есть кости вампира. Кости, которые датируются тысяча восемьсот шестьдесят третьим годом.

Глаза Кэкстон расширились.

— Вы думаете, тут есть связь?

— А ты думаешь, нет? — съехидничал он. — Во всяком случае, я должен съездить и посмотреть. Это может пролить свет на то, с чем мы боремся сейчас.

Кэкстон живо кивнула. Впрочем, ее беспокоило не столько то, кем мог быть этот вампир, сколько то, что он мог предпринять дальше.

— Ладно. Выясните, что сможете. Для меня самое главное сейчас — поймать того самого, действующего. Я отправлюсь в штаб-квартиру, погляжу, можно ли вызвать сюда кое-кого из наших, чтобы мы начали искать логово этого вампира.

Аркли ушел, не сказав ни слова. Кэкстон пошарила в кармане и обнаружила ключи. Повернувшись к Кларе, сказала:

— Ты сюда на машине приехала, так? Сможешь подвезти меня туда, где я оставила свою «мазду», а потом...

— Ага, — ответила Клара, поднимаясь.

Она раскинула руки, заключая Кэкстон в объятия, и уткнулась лицом в изгиб ее шеи.

— Все, что угодно, чтобы помочь тебе. Только обещай, что тебя не убьют.

Кэкстон с силой сжала ее и дала обещание. Впрочем, когда она выпустила Клару, то увидела огромные синяки на ее шее и дала обещание и себе.

Последний раз, когда она сражалась против вампиров, погибли люди — люди, которые были ей небезразличны. Этого больше не повторится.

Они вышли на парковку возле больницы, где сильный ветер кружил опавшую рыжую листву. Клара довезла ее до «мазды» и оставила там, напоследок многозначительно поцеловав.

— Домой меня сегодня не жди.

Кэкстон не собиралась возвращаться до тех пор, пока вампир не будет уничтожен.

— Держи меня в курсе, — настоятельно попросила Клара.

Потом она уехала.

Кэкстон посмотрела на удаляющуюся патрульную машину, на листья, которые взлетали из-под ее колес. Потом она открыла «мазду», отыскала внутри «беретту» и обойму, проверила механизм и сунула оружие в карман пальто. Имея под рукой хорошо знакомый ей пистолет, она почувствовала себя лучше.

Ей хотелось приняться за дело прямо сейчас, связаться с местными полицейскими и начать расследование. Впрочем, это было не так-то просто. Сначала ей нужно было съездить в Харрисбург и уговорить свое начальство из Бюро криминальных расследований передать ей это дело и наделить какими-нибудь полномочиями в Геттисберге.

Когда она двинулась на север, широкий слой облаков навис над трассой № 15. Она слушала радио и старалась не думать до тех пор, пока не увидела мосты-акведуки столицы штата, появившиеся перед ней между двумя гребнями гор. Сверху, под затянутым тучами небом город казался зеленоватым, но Лора рада была видеть его. Через несколько миль она въехала на стоянку возле штаб-квартиры полиции штата, кирпичного здания с большим флагом на фасаде. Она припарковала «мазду» и направилась в вестибюль.

Она планировала переговорить с капитаном, но ей велели отправляться прямо в офис комиссара. Возле кабинета она представилась его помощнику. Лора думала, что ей придется ждать, пока начальник закончит то, чем занимался в данный момент, но вместо этого ей махнули, чтобы она проходила.

— Патрульный Кэкстон, — приветствовал комиссар, вставая из-за стола.

Стены его офиса были увешаны могучими оленьими рогами, а за столом были выставлены старинные винтовки, словно он хотел пристрелить каждого, кто войдет в эту дверь с плохими новостями.

— Сэр, — кивнула в ответ Кэкстон.

— Вы знаете, зачем я пригласил вас сюда? — поинтересовался он.

Она облизнула губы и сказала:

— В Геттисберге обнаружены следы деятельности вампира. Там есть вампир. Я его видела.

Она обругала себя за то, что не продумала речь раньше. У нее была куча времени в машине.

— Я бы хотела получить это дело. Если это возможно.

— Да, — ответил комиссар.

Лора не сразу поняла, что это означает.

— Сэр, я...

— Вы хотите особых полномочий для проведения этого расследования. Чтобы с вас сняли ваши текущие обязанности. Я даю вам свое согласие. Это именно то, что нужно сделать сейчас. Я в этом мнении не одинок. «Пожиратели пончиков»¹ высказались. Этим утром звонил шеф полиции Геттисберга и имел со мной личный разговор. Я выслушал, что он планирует сделать, и пообещал Геттисбергу любое содействие. Вы знаете, о чем он попросил меня?

— Нет, сэр.

— Он попросил Лору Кэкстон, известную охотницу на вампиров. Звезду «Зубов». Они просили вас лично заняться этим делом.

Руки у Кэкстон затряслись. Так просто? Неужели все так просто?

Комиссар вышел из-за стола и сжал ей локоть, а потом направился к двери кабинета. Лора стояла не шевелясь, пока не поняла, что остается одна, и бросилась его догонять.

— Сэр, — сказала она, — я хочу поблагодарить...

— Меня? Не трудитесь, — сказал комиссар, широко улыбаясь. — Я уже читал доклад о вашем участии в расследовании дела Годвинов. Вы заработали пулю, а двое патрульных рисковали жизнью, вытаскивая вас из-под огня.

Он улыбнулся ей, не поднимая глаз от стола.

— Я бы хотел как можно скорее направить вас на специальное расследование, подальше от всех моих людей.

И Кэкстон сделала то, чему она научилась задолго до этого и что было единственно возможным ответом на такой двусмысленный комплимент. Она щелкнула каблуками, отсалютовала, потом развернулась и вышла вон из кабинета.

24

Мы втиснулись в крытый фургон, пристроив колени с локтями возле циферблатного индикатора. Все освещение состояло из одной свечки, но он уверил меня, что и ее будет достаточно. Было несколько минут после полуночи, и я торопился снять с себя груз тяжелых известий.

Телеграфист занялся включением аппарата, но, даже запустив машину, сильно медлил. Сыпя проклятиями и шипя, он крутил на аппарате индикатор — диск, на котором были выбиты по кругу два ряда букв и цифр и еще несколько команд вроде «ПАУЗА» и «СТОП». Казалось, он не может добиться хорошего сигнала, хотя сообщения все продолжали поступать. Он уверил меня, что это обычное дело, и вернулся к работе, но опять без особого успеха. Я вытащил из-под полы небольшую бутылку и предложил ему, что весьма благоприятно отразилось на его расположении духа, но вот только его машине это не помогло.

— Ох уж эти новые электромагнитные аппараты! Считается, они должны быть лучше, чем старый добрый телеграфный ключ, вот только я этого не замечаю. Ни растворов, ни кислот, чтоб можно было обжечься, ни солей, чтобы закреплять, это хорошо, замечательно! Но эта машина ловит слишком много призраков.

Должно быть, вид у меня был удивленный.

— Да, именно! — воскликнул он. — После каждого сражения мы их получаем. Они переполняют провода, понимаете ли. Мертвецы, делающие последний вздох.

Я в изумлении смотрел, как диск самостоятельно повернулся на корпусе аппарата. Сообщения складывались буква за буквой, так что даже я смог прочитать

¹ «Пожиратели пончиков» (doughnut manchers) (ирон.) — крупные, зачастую страдающие одышкой и ожирением полицейские.

их. Ни одно из посланий не было длинным или чересчур сложным.

«М_А_М_А» встречалось чаще всего, потом «Г_О_С_П_О_Д_И_И_С_У_С_Е», и «С_П_А_С_И_Д_У_Ш_У_М_О_Ю», и «В_О_Д_Ы». Крики с полей сражений, написанные невидимой рукой.

Наконец нам удалось передать мое срочное сообщение, хоть прошло часа два. Я выбрался из повозки, обрадовавшись, что можно сбежать от этих судорожных жутких посланий, когда телеграфист позвал меня обратно.

— Новое сообщение, сэр.

— Что еще, опять новости с той стороны?

— Нет, сэр, в этом есть ваше имя. «Передано целиком», в нем говорится еще: «Новый приказ. В Гам Спринг немедленно». И где это?

— Скажу откровенно, мне это неизвестно, — ответил я.

Именно тогда я услышал об этом месте впервые.

Из записок Уильяма Питтенгера

25

К тому времени, когда Кэкстон вернулась в Геттисберг, заморосил дождь, слабенький и мелкий. День клонился к вечеру, а скоро, не успеет она и глазом моргнуть, совсем стемнеет. Она въехала на стоянку единственного в городке отделения полиции на Хай-стрит, к югу от площади Линкольна. Доела взятую навынос еду, которая загромождала пассажирское сиденье «мазды»: ей было необходимо набраться сил, в особенности потому, что она чувствовала себя очень паршиво после событий прошлой ночи. Потом вышла из машины и шагнула в стеклянные двери полицейского участка. Сержант за стойкой встал, увидев ее, и указал ей на открывающиеся в обе стороны двери. За ними обнаружился общий зал — слабо освещенное пространство, полное перегородок, за каждой из которых был компьютер и пара офисных стульев. Полицейские в серой и черной форме по всему залу поднялись, когда она вошла. Лора тут же остановилась, когда все до единого повернулись к ней.

Это были патрульные, не детективы. Это были полицейские, которые весь день проводили на улице, следя за порядком. Мужчины в основном были высокими, а большинство — чересчур упитанными. У них были щетинистые усы и короткие аккуратные стрижки. Другими словами, они были очень похожи на ее отца в его лучшие годы. Их глаза ничего не выражали, так они смотрели во время допроса на подозреваемых, не желая выдавать никаких чувств.

Одного из них Лора узнала. Высокого широкоплечего парня, наклонившего голову, будто он боялся удариться о потолок. Он был одним из тех двоих, откликнувшихся на сигнал об ограблении похоронного бюро, тот самый, выживший. Тот, который остался возле своего погибшего напарника, когда она уехала на позаимствованном у них автомобиле. На его бейджике значилось «Глауэр». Он шагнул вперед, встал перед ней, его огромная фигура загородила ей путь. Лора не была уверена, чего он хочет, но приготовилась защищаться в случае, если он начнет задираť ее.

— Патрульный, — произнесла она, как бы приветствуя его.

— Офицер, — произнес он в ответ.

Губы его почти не шевелились, когда он заговорил.

— Здесь все были друзьями Брэда Гэррити. Он был тем самым парнем, который...

— Который погиб вчера при исполнении. Я помню, — опередила его Кэкстон.

Она пыталась сохранить взгляд такой же, как у него. Что он собирался сделать дальше? Взорваться, сказать, как ему противно видеть, что она расхаживает по его офису с таким видом, словно она запросто может здесь командовать? Может, он обвинит ее в смерти Гэррити? Винить надо было вампира, это всем известно, но Лора была намного более удобной мишенью для его ярости и гнева. Если ему захочется выпустить пар, решила Кэкстон, она это перенесет.

— Вы не знали его, — продолжал Глауэр. — Мы — знали. У него была жена и двое ребятишек, маленьких ребятишек. Он не был умником, но людям он нравился. Он был честным трудягой и любил свою работу. Любил этот город. Он вырос здесь.

— Мне жаль. — Она позволила себе изобразить на лице сострадание.

Но Глауэр покачал головой. Ему не нужны были ее извинения.

— Когда он погиб, я стал действовать по уставу. Я остался с ним до приезда «скорой», хотя и знал, что его больше нет. Я вызвал их. Потом вернулся сюда и закончил бумажную работу. Вы же, напротив, рванули за тем негодяем, который убил его.

Лора кивнула. У этой игры были свои правила, и Кэкстон следовала им.

— Мы слышали, что с вами произошло. Я видел, что случилось с моей машиной, когда ее вытаскивали буксиром со стоянки стадиона «Массельман». Мы все, — сказал он, оглядываясь на тех, кто стоял за ним, — просто хотим сказать кое-что.

Вот оно, подумала Кэкстон. Она примет это, что бы там ни было.

— Мы хотим сказать спасибо. Вы не знали Брэда, но вы рисковали своей жизнью, чтобы поймать его убийцу. Такую отвагу мы уважаем.

Один из тех, кто стоял у стены зала, начал хлопать. Остальные тут же присоединились. Аплодисменты нельзя было назвать оглушительными, но они были настоящими.

— Что бы вам ни потребовалось, чтобы поймать ту тварь, чего бы это ни стоило, мы с вами, — сказал Глауэр, перекрикивая аплодисменты. Он потянулся и схватил Кэкстон за руку, вновь и вновь пожимая ее. — Просто в следующий раз постарайтесь угробить машину Финстера. Та еще консервная банка.

Другой полицейский — должно быть, Финстер — воскликнул: «Попрошу!» — и все, включая Кэкстон, рассмеялись. Она вытащила свою руку из пальцев Глауэра, но позволила ему показать, как пройти в застекленный офис на другой стороне зала.

Там ее ждал шеф местной полиции; дюжины папок из оберточной бумаги были аккуратно разложены у него на столе. Он быстро встал, как только она вошла, пожал ей руку и сел на место.

— Офицер Кэкстон. Не могу передать, как я рад видеть вас здесь. Весь город Геттисберг рад, что вы можете помочь нам.

Именная табличка без следа пыли гласила: «Начальник полиции Висенте». На задней стене висели рамки с фотографиями полицейских прошлых лет, некоторые из снимков, судя по всему, шестидесяти- или восьмидесятилетней давности. Полицейские на них выглядели практически так же, как мужчины в общем зале, просто форма была другая.

Висенте выгодно отличался от них. Он был молод, может, лет на десять старше Кэкстон, и хотя у него были усы, они были тонкими и аккуратно подстриженными. Он был относительно невысок, с глазами яркими, ясными и полными оптимизма. Говорил он с еле уловимым пуэрториканским акцентом. На полицейских в зале он был совершенно не похож. Скорее он был похож на политика.

Лора окинула его профессионально оценивающим взглядом. Видимо, он пахал как проклятый, чтобы оказаться на этом месте, стать начальником тех людей за стенами его офиса. Должно быть, он столкнулся с огромным количеством дерьма, пробивая себе дорогу.

Кэкстон была знакома эта история, ибо она очень походила на ее собственную. Вот человек, с которым я могу сработаться, подумала она. Тот, кого она могла понять.

— Хочу поблагодарить вас, что вы пригласили меня сюда, — сказала она, чтобы начать разговор.

— Шутите? Думаю, это настоящее счастье, что вы оказались в Геттисберге прошлой ночью.

Он открыл одну из папок и вытащил карту города. Участки карты были выделены желтыми чернилами, а на полях теснилось множество рукописных пометок.

— Население здесь семь с половиной тысяч, а чаще всего в это время года у нас в городе проживает туристов в два раза больше этого числа. У меня двадцать приведенных к присяге патрульных, которые оберегают этих людей, и пара дюжин офицеров запаса, которых

я могу использовать во время встреч выпускников или проведения крупных мероприятий. Обычно этого хватает. Как правило, самая большая наша забота — буйства на студенческих вечеринках в колледже или туристы, которые не умеют водить и превращают ситуацию на дорогах в сущий бардак.

Он перевел взгляд с карты и улыбнулся Кэкстон.

— В прошлом году мы отчитались по сорока пяти насильственным преступлениям. И среди них ни одного убийства.

— Ни одного? — переспросила Кэкстон, слегка ошалев. — У вас ни одного убийства за прошлый год?

Даже в самом сонном медвежьем углу обычно находилась пара забитых женщин, прикончивших своих мужей, или детишек, игравших с оружием и застреливших друг друга. Потом, если вдуматься, были и летальные исходы в дорожных происшествиях. В эру дорожного безумия все больше и больше людей понимают, что трехтонный внедорожник превращается в мощнейшее орудие убийства.

Но Висенте покачал головой.

— Это один из самых спокойных городов Пенсильвании. Мы этим гордимся и хотим, чтобы он оставался таким же. Мои люди не подготовлены, чтобы отвечать на то, что произошло прошлой ночью. Нам пришлось скачивать из компьютера соответствующие формуляры, чтобы отчитаться о гибели при исполнении, ибо ни одного не оказалось под рукой. Офицер Кэкстон, вы скажете нам, что делать, договорились? Вы скажете нам, как сохранить наших людей в безопасности.

Кэкстон откинулась в кресле и глубоко вздохнула.

— У меня не было времени подготовить официальный план действий, — ответила она.

Висенте приподнял руки на дюйм-другой от стола и снова опустил их.

— Я приму и ваши лучшие наработки.

Лора кивнула и стала думать. Ее ведь этому учили. Она год изучала криминалистику.

— Ладно. Ну, начнем с поисков места, где он спит. Вампиры не просто не любят солнечный свет. Он в буквальном смысле не могут выбраться из своих гробов, пока солнце не сядет. А у этого даже гроба нет — он пытался украсть один прошлой ночью, но я разрушила, к чертям, его план. Он может спать в бочке и даже в мусорном баке, если придется, но ему нужно какое-нибудь темное и замкнутое пространство. Если мы сможем обнаружить, где он сейчас, мы сможем вытащить его сердце, и все будет кончено без дальнейшего насилия.

— Вы полагаете, это и есть вероятный сценарий? — спросил Висенте, светлея взглядом.

— К сожалению, нет. Слишком много мест, где он мог бы спрятаться, а у нас недостаточно человеческих ресурсов, чтобы обыскать сегодня весь город. Через пару часов уже стемнеет. Вампиру сегодня ночью потребуется кровь — он выглядел изможденным, а они ведь хуже, чем наркоманы, им кровь нужна так же, как нам кислород. Если... когда... он атакует кого-нибудь, мы должны знать об этом, чтобы немедленно среагировать. Поэтому нам надо разослать ориентировку. Я могу составить фоторобот, чтобы ваши ребята знали, на что он похож, но он настолько бросается в глаза, что люди его наверняка и так узнают. И когда это произойдет, мне немедленно должны позвонить.

— Я не хочу просто сидеть и ждать, пока кто-нибудь погибнет, — ответил Висенте. — И людям вокруг это не понравится.

— Нет, конечно же нет, — ответила Кэкстон, облизнув губы.

Во рту пересохло. Она никогда раньше не боролась с вампирами, но она была единственной, кто знал, как это делать. И ей приходилось постоянно напоминать себе об этом.

— Во всех машинах, которые мы сможем вывести на улицы, должно быть по двое полицейских и достаточно огнестрельного оружия, чтобы сдержать вампира. В нескольких милях отсюда расположены казармы полиции штата, еще один в Арендтсвилле. Вы можете запросить, чтобы сюда прислали всех свободных людей. Мы обыщем каждую тень, каждый

закоулок. Может быть, нам повезет. Еще я бы хотела открыть официальное расследование, посмотрим, что мы сможем узнать об этом парне.

С этого и надо было начинать, поняла она. Это и должно было быть ее первым предложением. Висенте уловил ее сомнение; она могла увидеть это в его глазах. Она уже успела сделать ошибку.

Что бы сделал Аркли? Насколько легче было тогда, когда он нес всю ответственность, а она просто выполняла его приказы. Ей пришлось напомнить себе, что ее и этому учили.

— Есть кое-кто, с кем мне нужно переговорить, — профессор этого колледжа.

Лора вытащила блокнот и открыла первую страницу.

— Профессор Гейстдорфер с... э-э-э... факультета исследования эпохи Гражданской войны.

— Серый Волк? — воскликнул Висенте.

— Вы знаете его?

Шеф полиции рассмеялся, но потом прикрыл рот.

— Я выпускник колледжа. Выпуск девяносто первого. Здесь все его знают. Но как он может быть связан со всем этим?

— Он был первым, кто вошел в могильник, — ответила Кэкстон.

Когда Висенте недоуменно нахмурился, она почувствовала, словно ее сердце на миг остановилось. Шеф даже не знал, с чего все это началось. Вкратце она поведала ему о находке Аркли и исследовании, которое она сделала в пещере, и о сотне гробов.

— Но... но мы же не увидим больше этих тварей, правда? — проблеял он, когда Кэкстон закончила.

Глаза его были распахнуты очень широко, а челюсть отвисла. Он был страшно напуган.

Ну, похоже, ему бы это и не помешало, подумала она. Может, это заставило бы его быть начеку. Но если Висенте будет так бояться, он не сможет действовать. А он был ей нужен.

— Все сердца отсутствуют. Это означает, что вампиры мертвы. Так что будем надеяться, что больше одного мы не увидим. Но и его более чем достаточно. У вас есть кто-нибудь, кто может устроить мне встречу с профессором?

— Да, — ответил он, — конечно.

Он достал из стола упаковку жевательной резинки и вытащил одну пластинку. Еще одну он предложил ей, и она с радостью ее взяла.

— Я позабочусь, чтобы он увиделся с вами сразу после пресс-конференции.

Рука Кэкстон замерла на полпути ко рту.

— Какой еще пресс-конференции?

26

Наконец бунтовщики уехали, и я вздохнул свободнее.

Нога, другая, рука, другая, и вот стрелок отцепился от своего насеста. Он спрыгнул на землю как можно тише и присел на корточки рядом с моим убежищем. Это был худой и долговязый человек вроде нашего главнокомандующего, даже повыше. Он показался мне семи футов ростом и тощим, как хворостина. Он протянул морщинистую руку, и я с благодарностью пожал ее.

— Алва Грист, — прошептал я.

— Рудольф Сторроу из Индианы.

Он перекинул винтовку через плечо, словно лодочник, махнувший веслом. Я разглядел, что в кобуре на поясе он носил обрез, там же, где офицеры носят пистолет. На другой стороне, где принято носить саблю, у него был индейский топорик на длинной рукояти, который иногда называют томагавком. Я был ужасно рад, что стрелок на моей стороне.

— Слушай, Грист, тут два человека идут в нашу сторону пешком, бегут по тем же следам, что и ты. Они стараются не шуметь, только не больно-то у них это выходит. Твои?

Я кивнул. Он говорил об Эбене Нудде и Немце Пите.

— Они добрые люди, — поклялся я.

— Если они носят синюю форму, других рекомендаций мне не нужно.

Просто приведи их сюда потише, идет? А не так, чтобы тут оказалась добрая половина армии Северной Виргинии.

Я вспыхнул от макушки до пяток, но не стал терять время на пустые разговоры. Я нашел своих людей в зарослях на соседнем поле, привел их как полагалось и представил нашему новому союзнику.

Свидетельство Алвы Гриста

27

Глауэр отвез Кэкстон в больницу — ей нужно было закончить одно важное дело, прежде чем приступить к организации ночного патрулирования, кроме того, ей хотелось, чтобы Глауэр действовал вместе с ней как связующее звено в общении с местными властями. Они взяли патрульную машину — одну из пяти, оставшихся в участке, с тех пор как Кэкстон отправила одну из них в ремонтную мастерскую. Было очень странно забираться на пассажирское сиденье, в данном случае на место стрелка, с зажатым между колен «Моссбергом-500». Ноутбук возвышался между сиденьями, постоянно врезаясь ей в бедро на резких поворотах.

Было время, когда она возила Аркли, выслушивая все его мудреные сентенции, какие только он удосуживался высказывать. Она старалась научиться от него всему, чему только возможно, думая, что он решил сделать из нее свою преемницу. Он же вместо этого просто хотел, чтобы она стала приманкой для вампиров. Теперь, казалось, роли поменялись, и Лора гадала, так же ли неудобно было Аркли на пассажирском сиденье. Не столько оттого, что многочисленные детали оборудования тыкались в нее, сколько оттого, что впервые в жизни Кэкстон руководила расследованием. Висенте и Глауэр ждали, что принимать все решения станет она. Прошлой ночью Кэкстон чувствовала себя намного более комфортно, когда, рискуя жизнью, преследовала вампира, чем когда она управляла полицейскими вокруг себя. Что, если она провалится? Это уже случалось много раз. И это наверняка случится снова — и в конечном счете она ошибется так, что погибнут люди. Если только она не сумеет уничтожить вампира раньше.

— Время, — сказала она, пока они стояли на светофоре, — работает против нас.

Дороги в Геттисберге были проложены в девятнадцатом веке для гужевого транспорта, когда здесь был ярмарочный центр, еще до Геттисбергского сражения. С тех пор они не стали шире — и не смогли бы, поскольку это означало бы передвижку или снос исторических зданий. Вследствие узких дорог, а также двух миллионов туристов, прибывающих ежегодно, маленький, приятный своей стариной городок с населением в семь с половиной тысяч сталкивался с проблемой довольно крупных пробок. Кэкстон вздохнула и подумала, не будет ли быстрее выйти и добраться пешком. Чтоб убить время, она посмотрела на Глауэра и спросила:

— Что ты видел самое страшное?

Это был один из тех вопросов, которые патрульные штата задают друг другу при знакомстве.

Глауэр посмотрел на нее так, словно она спросила, как, когда, где и с кем он потерял свою девственность. Кэкстон поехала в кресле, жалея, что нельзя взять слова обратно. Впрочем, через секунду Глауэр пожал плечами и посмотрел через ветровое стекло.

— Лет десять назад одна студентка, девчушка из колледжа, кинулась с крыши Пенсильвания-холла.¹ Говорят, в нем обитают привидения, — наверное, она от призрака и убегала. А может, просто перебрала кислоты. — Он опять пожал плечами. — Меня вызвали обнести лентой место трагедии, отогнать остальных ребят. Мне пришлось провести с ней

¹ Пенсильвания-холл — главное административное здание Геттисбергского колледжа.

целый день, пока туда не приехала «скорая» и не забрала ее.

— Небось, всмятку была? — спросила Кэкстон.

Глауэра передернуло, он покачал головой.

— Не так уж сильно. Крови было немного, но она лежала на боку, словно прилегла вздремнуть. Лицо было повернуто от меня. Вот почему я сначала не заметил птиц. Они слетелись к ней — голуби, вороны, скворцы. В конце концов я решил отпугнуть их, хоть и чувствовал себя идиотом. Я бы и раньше это сделал, если бы сообразил, что они слетелись на ее глаза.

«Ай, молодец», — подумала Кэкстон.

В казармах отряда дорожного патруля его бы наградили парой дружеских «дай пять» и, может, еще халявным пивом. Она заулыбалась и открыла рот, чтобы поздравить его, но, когда вновь взглянула на него, Глауэра трясло. Она разбудила в полицейском те воспоминания, о которых он предпочел бы забыть.

«Черт», — мысленно выругалась Кэкстон.

Почти ежедневно в ее отряде сталкивались и с худшим. Автомобильные аварии могли быть страшными, действительно страшными, особенно в дождь. Патрульные научились быть толстокожими, смеясь до упаду, чтобы не показывать, как сильно это задевало их. Но похоже, если ты полицейский в городке с нулевым показателем убийств, растить мозоли на сердце нет нужды.

Несколькими минутами позже они прибыли в больницу. Глауэр отвел ее вниз по лестнице, в морг, где жена Гэррити уже ждала их. Она сидела в оранжевом пластиковом кресле в зале ожидания, на дальнем краю отделения аутопсии. Голова у нее была повязана платком, и еще на ней были надеты темные солнцезащитные очки, вероятно для того, чтобы скрыть опухшие от слез глаза. Забытая пластиковая чашка с кофе стояла на соседнем кресле.

Кэкстон задержала дыхание, прежде чем шагнуть в зал ожидания, и пообещала себе, что на этот раз сделает все правильно. Ей следовало быть отзывчивой и понимающей, но это не должно было помешать ей добиться того, что нужно.

В академии такого курса не было. Наверное, его следовало бы ввести. Лора вошла, присела на корточки рядом с женщиной и протянула ей руки.

— Привет, — сказала она, изучая незнакомое лицо.

Женщине с рыжеватыми волосами и тонкими губами было около тридцати или сорока лет, Кэкстон не смогла определить. У нее был тот самый болезненный цвет лица, которым нас награждает горе, — бледность, происходящая от тоски.

— Я — Лора Кэкстон. Из полиции штата. Мы работали с вашим мужем прошлой ночью, — сказала она. — Я хочу, чтоб вы знали, как сильно я сожалею о том, что произошло.

— Спасибо, — ответила женщина.

Она пожала Кэкстон руки и выпустила их.

— Доктор сказал, что вы звонили ему и что мне нельзя забрать тело Брэда, пока не поговорю с вами. Нужно заполнить какие-то документы?

Кэкстон быстро глянула на Глауэра. Местный коп стоял возле двери, как будто сторожил ее. Лоре не удалось поймать его взгляд. Вероятно, он уже рассказал вдове Гэррити, зачем они пришли. Ясно, что в детали он не вдавался.

— Вашего супруга убил вампир, — сказала Кэкстон. — И есть вероятность... я даже не знаю, как это объяснить...

Женщина сняла очки. Глаза ее были красны, но в них было намного больше хладнокровия, чем ожидала Кэкстон.

— Почему бы вам просто не сказать это, а о моих чувствах позаботимся потом?

Кэкстон кивнула и опустила взгляд на свои ботинки. Чтобы посмотреть женщине в глаза, ей пришлось пересилить себя.

— Вампиры обладают определенной властью над своими жертвами. Они могут вызвать их из смерти. И это... не совсем то, чего бы вы пожелали. Они возвращаются извращенными, с искалеченными душами. Они становятся рабами вампира. Я уверена, ваш муж был

сильным человеком, хорошим человеком...

— Ох, ради всего святого... — воскликнула наконец женщина.

Ее руки тряслись, глаза блестели.

— Чего вы хотите? Вы скажете мне наконец?

Кэкстон прикусила губу.

— До тех пор, пока мы не кремируем тело, он может быть призван силой, чтобы служить вампиру. Мы должны сжечь его, сжечь целиком. Это единственный выход.

Вдова побелела как смерть. Она посмотрела на Глауэра, и Кэкстон ждала, что миссис Гэррити скажет что-нибудь. Но та молчала.

— Это единственный выход, — повторила Кэкстон. — Я понимаю, что могут быть религиозные мотивы, которые мешают вам сделать это, но...

— Чушь собачья! — воскликнула вдова.

— Хелена, не она это придумала, — сказал Глауэр.

Женщину звали Хелена. Почему Кэкстон не поинтересовалась этим сразу? Ее щеки запылали, но Лора знала, что, прежде чем двигаться дальше, ей нужно добиться разрешения.

— Одно ваше слово, а о деталях мы позаботимся.

— Майк, эта женщина говорит об... об...

Хелена Гэррити вскочила внезапно, так внезапно, что покачнулась из стороны в сторону. Она кинулась к Глауэру, который заключил ее в медвежьи объятия. Она почти исчезла на фоне его огромной куртки.

— Шшш... — успокаивал ее Глауэр, глядя по голове.

Женщина прижалась к его груди.

— Просто скажи «да».

Хелена Гэррити покачала головой, но потом вдруг согласилась. Кэкстон подсунула необходимую бумажку, и женщина расписалась в нужном месте. Вошел доктор и принялся тихо разговаривать с вдовой. Он забрал бумагу и сунул ее в карман.

Глауэр проводил Кэкстон по лестнице наверх. До самой парковки он молчал. Надел солнцезащитные очки и перевел взгляд на дорогу.

— Вы не вполне человек, — сказал он.

— Я — полицейский, — отрезала она.

Он выглядел почти удивленным.

— Вы полагаете, это две разные вещи?

Весь оставшийся путь до следующей остановки — зала собраний, находившегося в дальней части церкви, Кэкстон сидела молча. Начальник полиции Висенте ждал их там, стоя на сцене, окруженный с двух сторон своими патрульными. Им следовало бы находиться на улице, искать тело вампира, подумала Кэкстон, но, по всей видимости, у Висенте были свои причины поступить так, а не иначе.

Висенте хотел устроить пресс-конференцию. Полдюжины репортеров из «Геттисберг-таймс» и других изданий со всего графства Адамс сидели в неудобных креслах, одинокая команда телевизионщиков расположилась в углу, их кабели и аккумуляторы валялись кучей на полу. У них была пара софитов, направленных на сцену, и там, похоже, было довольно-таки жарко. Кэкстон медлила, оставаясь в дальней части зала. Репортеры оглядывались на нее, не обращая внимания на начальника полиции, читавшего подготовленное заранее заявление.

— В полиции штата в Харрисбурге были любезны настолько, чтобы предоставить нам эксперта по части подобных преступлений, — произнес Висенте и поднял руку, указывая на Кэкстон.

Он хотел, чтобы она поднялась и сказала что-нибудь, поняла Лора.

— Разрешите представить вам Лору Кэкстон. Благодарю вас.

Он помахал ей снова. Лора не была уверена, ждать ей аплодисментов или нет. Но когда аплодисментов не услышала, взбежала на сцену и прокашлялась.

Софиты были яркими настолько, что слепили ее. Она подняла руку, прикрывая глаза, и

оглядела репортеров.

— У меня нет готового заявления, — призналась она. — Есть какие-нибудь вопросы?

Один из журналистов встал. Одет он был в темно-синюю спортивную куртку, но лица его Кэкстон не разглядела.

— У вас есть какие-нибудь предположения относительно личности вампира? — спросил он.

Она покачала головой. Но этого, по всей видимости, было недостаточно, поэтому она наклонилась ближе к микрофону и сказала:

— Нет, еще нет. Мы работаем над этим.

Другой репортер задал вопрос, не поднимаясь:

— Вы можете рассказать нам о полицейском, который погиб прошлой ночью? Он сильно страдал или умер спокойно?

Кэкстон почувствовала себя так, будто она снова вернулась в школу. Словно она была на устном экзамене. Этот вопрос был с подвохом.

— Без комментариев, — ответила она.

Третий репортер, по другую сторону от телевизионной камеры, поинтересовался:

— Офицер Кэкстон, можете вы дать хоть какое-нибудь представление о том, чего нам ожидать? Вы можете изложить ваш план поимки этой твари и того, как вы собираетесь защищать Геттисберг?

— Я только что прибыла сюда, и у меня не было времени разработать план действий. Мы все еще работаем над этим..

Репортер раздраженно вскинул руки.

— Вы что, совсем не можете передать никаких деталей вашего расследования? Ваш самый лучший прогноз развития ситуации? Что делать людям?

Лора взглянула на Висенте. Его лицо было совершенно спокойным, он превосходно контролировал свои эмоции. Однако плечи его вздернулись к самым ушам. Ее выступление ему не нравилось.

Ну, будь что будет, решила она. У нее наверняка есть дела и поважнее. Может, ничего страшного и не произойдет, если кинуть им кость.

— Что ж, могу сказать вам, что сегодня ночью все должны оставаться дома. Не выходить ни при каких условиях, если только не возникнет крайняя необходимость. Если у кого-то есть возможность покинуть город, ему следует сделать это немедленно, до заката. Еще я бы посоветовала всем туристам прервать их туры и отправляться домой.

Висенте широко улыбнулся и пошел назад к сцене, сжав ладони, как будто собирался заплодировать. Впрочем, журналист еще не закончил.

— Вы серьезно предлагаете Геттисбергу положить конец туристической индустрии?

— Однозначно, — ответила она. — Мы имеем дело с вампиром. Они пьют кровь. Они убивают всех, кто встречается у них на пути. Если бы я могла, я бы эвакуировала весь город.

Даже сквозь пелену света она увидела, как все в зале вытаращили глаза, когда она произнесла это.

Я весь горел от нетерпения. Билл был ранен, ранен сильно, когда я виделся с ним, может, он был при смерти. Каждая минута, на которую я откладывал его спасение, уменьшала его шансы выжить.

— Попридержи лошадей, Грист. Вот одна добродетель, которая служит мне верой и правдой. Я давно гоняюсь за этим мятежником, с тех пор как он выскочил на нашу команду еще на перешейке. Он перерезал добрую половину моих людей, пока они спали. Я был в карауле той ночью, иначе стал бы одним из них. Когда ты прибежал, я ждал его появления, чтобы в качестве благодарности вышибить ему мозги на его же возлюбленную землю. И вышиб бы, если б не потратил пороха,

привлекая твоё внимание.

— Кто он, этот убийца? — спросил я.

— Рейнджер Симонон, самый ядовитый конфедератский гад, который когда-либо вылезал из норы. Тайный убийца и конокрад, из тех, которые развелись после Канзасской резни.¹ Отец Абрахам хотел видеть его мертвым не меньше, чем я, и, Богом клянусь, я бы прикончил его. И я это сделаю. Если я смогу помочь твоему приятелю, я помогу, но только если это не означает пропустить ещё один выстрел.

— Я собираюсь пойти внутрь, — сказал я опять.

Сторроу положил руку мне на плечо и сжал его.

— Там опасно, знаешь. Смертельно опасно.

— Раньше ты так труса не праздновал, — ответил я.

Этот парень был вправе ударить меня тогда. Но вместо этого он только сплюнул на землю и сказал:

— Я видел тварь, выходящую оттуда прошлой ночью, и не хотелось бы мне встретиться с ней снова. Ты понял, о чём я толкую?

— О вампире, — рявкнул Немец Пит.

Сторроу поглядел на Пита долгим тяжёлым взглядом и затем кивнул.

— Думаю, это один из них.

— Значит, ты что-то знаешь про вампиров? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Слишком мало. Да и кто знает их? Они такая же редкость, как честные политики, и благодарение Иисусу, что это так. Я видел одного, которого поймали в городке Ангола в пятьдесят третьем, когда я ещё был мальчишкой. Они выставили его на складе для публичного обозрения. Папаша всех нас возил посмотреть на него и выложил за развлечение серебряный пятицентовик. Отвратительнее твари я не видывал и испугался до смерти, аж в столбняк впал.

Свидетельство Алены Гривы

29

— Не мог он меня со сцены побыстрее выдернуть, что ли? — сказала Кэкстон.

Она откинулась на водительском сиденье «мазды» и потерла глаза. Оказалось, до чего же хорошо говорить с Аркли. Никогда прежде она бы не подумала, что сможет сказать это.

Чтобы позвонить ему, нужно было набраться смелости. После того как она ушла с пресс-конференции и Глауэр подбросил её до полицейского участка, она осталась на стоянке одна, среди кружащихся листьев, не имея ни малейшего понятия, что делать дальше. Или, скорее, она точно знала, что нужно делать, но времени на это у неё не было. Ей бы следовало быть на улицах, с другими полицейскими, разыскивать вампира. Впрочем, у неё оставалось всего десять минут, прежде чем отправиться на встречу с профессором Гейстдорфером. Она решила взять чего-нибудь перекусить — ночь предстояла длинная, — но и на это времени не хватало. Вместо этого она достала сотовый и позвонила Кларе, но услышала автоответчик.

Кэкстон опозорилась, притом ужасно. Она это знала. Она причинила боль несчастной вдове Гэррити и вывела из себя местные СМИ. Висенте наорал на неё после пресс-конференции, и, сама не зная почему, она была уверена, что проблемы ещё впереди. Организовать охоту на вампира будет труднее, чем когда-либо.

Она вспомнила, что в телефоне, который она держала в руке, был номер Аркли. Если и был кто-нибудь в целом мире, кто мог дать ей приличный совет, так это старый федерал. Он и раньше так делал, находясь на её нынешнем месте, принимая решения, которые она вынуждена была выполнять. Аркли был великим источником советов, но сочувствия — никогда. Она могла ожидать лишь насмешек над тем, как она могла довести до этого

¹ Канзасская резня — события 1854 года, непосредственно предшествовавшие американской Гражданской войне, вооруженный конфликт между аболиционистски настроенным Канзасом и Миссури, отстаивавшим позиции рабовладельцев.

ситуацию.

Лора залезла в список абонентов и нашла его там, первым номером. Единственный знакомый, чье имя начиналось на А. Она нажала клавишу посылки вызова прежде, чем успела себя остановить. Он оказался в грузовике, перевозящем Малверн в Филадельфию, связь была паршивая, но, как только он ответил, Кэкстон принялась говорить, будто просто докладывая ему обо всем, что произошло. Когда она закончила, на линии воцарилась тишина.

— Алло, Аркли? Вы здесь? — спросила она. — Что вы думаете?

— Я думаю, если б ты сознательно намеревалась напортчить, то и в этом случае не наворотила бы такого.

Кэкстон покачала головой. Примерно этого она и ожидала.

— А чего они хотели? Я просто сказала им, что думала.

— Этого они хотели в последнюю очередь. Пресс-конференции — весьма специфическая разновидность собачьей чуши. Они служат для того, чтобы сообщить людям, мол, независимо от того, как страшно выглядит дело, это не их вина и в этот раз им не нужно ничегошеньки предпринимать.

— Да у нас тут вампир! — крикнула она так, что у самой в ушах зазвенело.

— Да. И добрые жители Геттисберга об этом знают. Они хотели, чтобы ты поднялась и сказала им, будто они в безопасности, а ты будешь выгребать дерьмо за них.

Его голос изменился, зазвучав более устало.

— Они просто хотели немного поддержки. Им нужен символический папаша, который скажет им: дескать, все будет хорошо. Вот почему тебя сначала так тепло приняли. Да и начальник тамошней полиции не знал, что ему делать, вот он и попросил тебя приехать, чтобы свалить все с больной головы на здоровую.

— А я-то думала, дело в моем опыте и навыках.

Аркли хрюкнул. Это звучало почти как смех.

— Ну, теперь-то ты точно продемонстрировала им все свои полезные навыки.

Лора скорчила рожу. Он этого не увидит, но в любом случае его бы это не задело.

— Не припомню, чтобы вы давали в последнее время пресс-конференции.

— Это потому, что я держусь от них подальше. Послушай, патрульный, мне уже пора. Мы рядом с музеем. Может, у меня будет кое-что для тебя попозже — если кости действительно датируются тысяча восемьсот шестьдесят третьим годом, они могут каким-нибудь образом быть связаны с нашим подозреваемым. Телефон у меня с собой, держи меня в курсе, пожалуйста.

И без дальнейших разговоров он отключился. Кэкстон захлопнула телефон и сунула его в карман. Аркли по-прежнему вел себя как сволочь, но разговор с ним странным образом помог ей. Он не отстранил ее от работы, не велел передать дело местным полицейским. До определенной степени он все еще верил, что она была на своем месте в этом деле.

Дело... Она глянула на часы и поняла, что как раз пришло время нанести визит Гейстдорферу. Кэкстон сверилась со снабженной аэрофотоснимками картой города и завела мотор «мазды». От кампуса колледжа было недалеко — в Геттисберге все было поблизости, — но дорога была забита машинами. Был поздний час, почти закат, и она проклинала туристов, стоящих на светофоре и ползущих на перекрестках.

Она ехала по Карлайл-стрит, когда вдруг поняла, что туристы на своих машинах двигались прочь от центра города. Они покидали Геттисберг, держась большими группами. Неужели пресс-конференция прошла в прямом эфире? Или, может, людям хватило ума, чтобы вывезти детей из города, в котором охотится вампир. Ей оставалось только надеяться.

Она въехала на стоянку возле учебного корпуса и вышла из машины. Факультет исследования эпохи Гражданской войны занимал аудитории на третьем этаже, с окнами, выходившими на студенческую площадку с фонтаном. Из окон ей был виден освещенный кампус, золотившийся в сумерках. Он напомнил ей о ее собственных полутора годах, проведенных в колледже, о времени, которое она потратила, изучая, кто она на самом деле, раз уж не удалось изучить что-либо еще. Лора нашла нужную дверь и вежливо постучалась,

потом шагнула внутрь. Аудитория была практически пустой, ряды черных металлических стульев тянулись перед лекционной доской и длинным столом, загроможденным книгами и сумками. Три студентки — они показались Кэкстон очень молоденькими, хотя самой ей было лишь немного за двадцать пять, — столпились вокруг очень высокого, весьма примечательного человека, который был не кем иным, как профессором Гейстдорфером.

Серый Волк, так они называли его, и она наконец поняла почему. Он был среднего телосложения, но его рост делал его худым. У него был острый нос и еще более острый взгляд, а голову венчала копна густых седых волос, темневших на затылке. У него были густые щетинистые усы, но он не был похож ни на одного из пенсильванских полицейских, которых она видела в полицейском отделении. Он выглядел намного более изысканно, словно какой-нибудь аристократ из Европы, но с явной дикарской жилкой. Когда он говорил с девушками, он слегка откидывал голову назад и оглядывал их из-за своего длинного носа. Впрочем, жест этот не выглядел высокомерным, скорее почти заговорщицким. Казалось, он делится какими-то темными тайнами, хотя на самом деле он всего лишь обсуждал темы курсовых работ.

— Профессор, — сказала Кэкстон, — мне неловко перебивать вас...

— Офицер»... э-э-э... Кэкстон, — непринужденно приветствовал он. — О да, мне звонили из полиции и сказали, что вы приедете. Вам, юные леди, лучше покинуть нас.

Он послал своим студенткам улыбку, и одна из них хихикнула.

— И поберегитесь нынче ночью, договорились? Заприте двери, чтобы злые буки до вас не добрались, — добавил он, перестав улыбаться.

Студентки пообещали вести себя хорошо и ушли, забросив рюкзаки за плечи и окинув Кэкстон оценивающими взглядами, когда проходили мимо нее. Только когда они ушли, Лора заметила, что рука у Гейстдорфера висит на перевязи.

— Пойдемте в мой кабинет, где мы сможем присесть.

— Конечно, — согласилась Кэкстон.

Здоровой рукой он принялся складывать книги и бумаги в сумку. Кэкстон помогла ему, и как-то так получилось, что ей в конечном счете пришлось ее нести. Профессор провел ее по длинному коридору, который стал темнеть с заходом солнца. Его кабинет располагался в конце коридора — уютная комната, уставленная полками с книгами. Гейстдорфер уселся за большой стол, заваленный студенческими работами, в то время как Кэкстон заняла мягкий стул у дальней стены. Она огляделась, ориентируясь в обстановке, так, как это полагалось любому полицейскому, и с первого же взгляда кабинет загадал ей несколько загадок. На одной стене висела кавалерийская сабля, ее ножны размещались рядом с ней. Клинок был отполирован до блеска, но все же был покрыт ржавыми пятнами.

— Один кавалерист, состоявший в знакомстве с Джебом Стюартом, обронил ее где-то в полумиле от того места, где мы с вами находимся, — объяснил профессор, — сто сорок лет тому назад. Ему просто оторвало голову пушечным ядром, поэтому сабля ему больше не потребовалась. Он был настолько добр, что уронил ее в грязь, где она вскоре и была похоронена, ведь в середине июля грязь превращается в некоторое подобие цемента. Клинок довольно долго пролежал там практически в идеальном состоянии, до тех пор пока я не получил удовольствие откопать его, еще будучи ребенком. Я был туристом, знаете ли, родители притащили меня сюда из Небраски, где мы жили. Я думал, это скучное место, пока не нашел эту саблю. Теперь же я не могу и представить себе никакого иного более увлекательного места, чем то, где я живу сейчас. Забавно, не правда ли, какие тропы идут через историю? Как прошлое пересекается с нашей современной жизнью и меняет ее?

О том, как прошлое умеет подлавливать тебя, Кэкстон кое-что знала. Впрочем, времени на пустую болтовню у нее не было. Солнце уже село, и вампир должен был проснуться — голодным. Лучше покончить с этим вопросом, и побыстрее.

— Я прошу прощения, что отнимаю у вас время, — извинилась она. — Я уже разговаривала с Джеффом Монтрозом...

Глаза Гейстдорфера на мгновение расширились.

— Многообещающий студент, хотя и немного странный на вид.

— Да уж, — согласилась Кэкстон. — Он показал мне пещеру и кости внутри. Я более чем уверена, что вампир, которого я преследую, вылез из открытого гроба там, внизу. Монтроз сказал, вы были первым, кто вошел в пещеру, и я решила, может, вы видели что-то, что все другие пропустили. Может, есть у вас какая-нибудь версия, как вампир мог выбраться оттуда.

— Вы решили, будто я действительно мог видеть, как оттуда выбирается вампир?

Кэкстон поежилась в кресле.

— Я и близко бы такое не предположила, нет, но мне нужно проверить все зацепки. Уверена, вы меня понимаете как археолог.

— Да, абсолютно!

Он попытался махнуть больной рукой, но перевязь не давала простора для движения. Он застонал и на мгновение прикрыл глаза, словно его пронзила боль от раны.

Он выдвинул здоровой рукой ящик стола и вытащил из него коробочку с таблетками. Повозившись с крышкой, он закинул две таблетки в рот и проглотил их, не запивая. С трудом сглотнув, он сел, надолго уставившись в стол, пока Кэкстон ждала, когда он придет в себя настолько, чтобы продолжать разговор.

Гейстдорфер откинулся во вращающемся кресле во весь свой немалый рост и посмотрел в потолок.

— Ну, — сказал он наконец, — полагаю, дальше лгать бессмысленно.

— Простите? — не поверила своим ушам Кэкстон.

— Я мог бы скормить вам фальшивую наживку, и поверьте, я достаточно хороший оратор, чтобы вы ее проглотили. Я мог бы сказать вам, что упомянутый вами гроб был уже разрушен, когда я нашел его. Пустой и... все такое. Но вряд ли в этом есть смысл. Вы поймали меня, полицейский. На горячем.

Он посмотрел на свою руку. Лора впервые внимательно присмотрелась к перевязи и заметила красную каплю, просачивающуюся из-под повязки на запястье.

— О, как это забавно, не правда ли?

И тут он начал смеяться.

30

Когда-то это был прекрасный дом, с росписями на стенах и множеством ламп, создававших освещение. Теперь только солнечные лучи, падавшие вниз из проломленного купола, украшали пространство желтоватым свечением, скрывая больше, чем освещая. Я смог разглядеть отклеившиеся от стен обои и половицы, усыпанные трупиками мертвых ос, сухими и ломкими, так что они хрустели, когда я ступал по ним.

Прихожая расширялась перед винтовой лестницей искусной работы, которая когда-то вела на второй этаж. Огромное навершие в форме шахматной пешки возвышалось в начале перил, оно сохранилось в идеальном состоянии, но сразу же за ним ступеньки были обрушены или растащены. Они превратились в гору штукатурки и битого мрамора, занимавшую большую часть помещения.

Я пробрался наверх через эти ступеньки и обнаружил величественный зал, превращенный в руины. Расколотые зеркала висели на стенах, в то время как элегантные кресла были отодвинуты в дальнюю часть зала, словно какой-то мусор: одни, сломанные, — на растопку, на других еще виднелась шелковая обивка. В центре зала стояло возвышение вроде алтаря, но с закругленной вершиной. Оно было сделано из алебаstra и расписано золотом. Я шагнул ближе и увидел, что с одной стороны оно снабжено петлями и раскрывается, как сундук. Тогда я набрал побольше воздуха в грудь и постарался сдержать тошноту. Это была усыпальница, вот что я нашел. Позолоченный гроб.

— Они не тронут тебя днем, — зашипел сзади Сторроу.

Я оглянулся и увидел, что остальные столпились в проеме, выглядывая из-за спин друг друга, но не отваживаясь сделать еще шаг внутрь.

Я собрал всю свою отвагу и схватился за край саркофага, отбрасывая крышку. Она с легкостью поднялась на петлях, и я выпустил ее и отскочил назад, готовый ко всему.

Внутри я увидел обивку из покрытого пятнами красного бархата — и ничего больше. Ни истлевших костей, ни даже клочка савана.

— Все, похоже, оказалось легче легкого, — сказал Сторроу, едва ли не с сожалением.

Что до меня, то я был чрезвычайно рад не обнаружить тут вампира. Я вовсе не искал новой схватки с ним, по крайней мере, не так скоро.

— Билли тут нет, — сказал я остальным. — Заходите, продолжим искать его.

Я схватился за крышку и попытался закрыть ее, но почувствовал, что ее словно бы заело, и всех моих сил не хватило, чтобы сдвинуть ее. Должно быть, там была какая-то скрытая защелка или рычаг, решил я и наклонился, чтобы взглянуть поближе.

И в этот самый миг какая-то твердая металлическая штукавина ударила меня сзади по шее у воротника, вонзившись прямо в кости моего позвоночника. Не нагнись я вперед, она бы вошла мне в основание черепа, я в этом убежден. Оглушенный, с онемевшими руками, я обернулся так быстро, как мог, чтобы увидеть, как нападавший замахивается снова для нового удара. В руке он держал золотой канделябр с шестью свечами, все еще державшимися в его розетках. На человеке, который размахивал этим драгоценным предметом, была надета длинная ночная сорочка, а на голове его красовался ночной колпак. Его лицо было изодрано в клочья, кожа отслоилась от сероватых мускулов под нею. Он выглядел в точности как Билл.

Потом была короткая схватка, я выжил, а он — нет. Думаю, мне следовало бы подробнее осмотреть мертвеца, но в этот самый миг мы услышали топот ног на верхнем этаже, над самыми нашими головами.

Свидетельство Алвы Гроста

31

Кэкстон прищурилась.

— Если это шутка, то, боюсь, я ее не поняла.

— Тогда позвольте мне объяснить. Вы были правы, совершенно правы, придя сюда.

Он снова наклонился вперед, открыл глаза, и они вспыхнули диким огнем — Кэкстон аж вздрогнула.

— Я и есть ваш подозреваемый. Я вскрыл эту пещеру, не зная, что обнаружу там, но, как только заметил эти гробы и первые кости, мне открылась вся перспектива. Я отослал Монтроза и остальных студентов домой. Думаю, никто из них не заметил сердца.

Кэкстон выпрямилась в кресле. Ее «беретта» была пристегнута под левой рукой, и она хорошо помнила об этом.

— Даже если бы они и увидели его, то вряд ли поняли бы, что это такое. Оно выглядело как кусок угля, ибо кто-то был настолько добр, что обмакнул его в смолу. Я думаю, так они намеревались сохранить его, но вот как долго, не могу вам сказать. Оно лежало на крышке одного из гробов. Только одного из всей сотни, но я понял. Предполагалось, что его нужно вложить внутрь... это так же точно, как если бы там были письменные инструкции. Я раскрыл гроб и поместил сердце в центре грудной клетки, и практически сразу оно забилось. Конечно, вас удивляет, зачем я так по-идиотски поступил. — Он кивнул на саблю на стене. — Я всю свою жизнь мечтал поговорить с человеком, который обронил вот это. Я проводил десятилетия, воображая, что он сказал бы мне и о чем спросил бы его я. Я решил, что этот парень в гробу как раз подойдет для этого. И в некотором роде я оказался прав. Он сказал очень многое. Конечно, большинство вопросов задавал он.

Пока Гейстдорфер говорил, температура в помещении упала градусов на десять. Кэкстон потянулась к пистолету, но не успела поднять руку, как кто-то потянулся к ней из-за спины и железной хваткой вцепился ей в руки. Лоре не нужно было опускать глаза, чтобы узнать, что руки, удерживавшие ее, белы как снег. Она чувствовала вампира у себя за спиной, чувствовала, как от его близости волосы на затылке встают дыбом.

— Я знал, что я делаю. Я знал, что, вероятно, совершаю ошибку. Я чувствовал какое-то необъяснимое влечение, хоть он и говорит, что якобы тогда не имел особой власти надо мной. Значит, это было чистой воды любопытство, руководившее мной. То самое, которое сгубило кошку.

Гейстдорфер принялся снимать повязку с руки. Это заняло некоторое время, потому что ему приходилось действовать только одной здоровой рукой и зубами. Вампир молчал, а Кэкстон ждала, что покажется из-под бинта. Вампир даже перестал дышать на ее шею.

Впрочем, он и не оторвал ей головы, не выпил всю ее кровь. Это могло означать, что он просто хотел сначала поиграть с ней, как кошка с мышью. У вампиров был очень убогий внутренний мир. Большую часть ночей они проводили, гоняясь за кровью, мечтая о крови, которую они получают. Изредка они играли с телами своих жертв, забавляясь с едой, прежде чем напиться. Человеческая смерть занимала их. А трупы могли предоставить им развлечение на долгие часы.

— А посмотреть было на что! Как только я положил сердце в грудную клетку, оно забилося. Оно начало дрожать и подсакивать. Смола на его поверхности треснула и побелела, и оно вырвалось наружу, будто находилось внутри под приличным давлением. Начало расползаться что-то вроде белого дымка, только это был не совсем дымок. Он казался живым, словно обладал своей собственной волей. Он заполнил гроб, и тоненькая полоска его перелилась за край. Я подумал, что он может переползти по полу и добраться до меня. И тогда я заметил кости в этом завитке тумана, кости пальцев.

Кэкстон практически не слышала его. Она была слишком занята мыслями о том, что станет игрушкой вампира. Другая перспектива, Впрочем, была не менее жуткой. Была вероятность, что вампир не собирался убивать ее потому, что чего-то хотел от нее. Один вампир, Эфраин Райс, хотел, чтобы она стала его любовницей. Кевин Скейпгрэйс, который пришел после него, хотел ее только потому, что Малверн решила, что будет забавно превратить ее в то, что она уничтожала. Потом была Диана... но о Диане думать не хотелось.

Третий вариант возник сам собой. Прошлой ночью этот вампир, истощенная тварь, которую разбудил Гейстдорфер, пощадил ее, ибо она была женщиной, а он поклялся никогда не причинять вреда представительницам прекрасного пола. Была вероятность, что он отпустит ее и в этот раз.

Впрочем, в этом Кэкстон сомневалась. Сомневалась очень сильно. Такие сантименты были свойственны человеку. Вампир же, ведомый запахом крови, довольно скоро откажется от галантности и куртуазности. То, что спасло ее однажды, навряд ли спасет ее еще раз.

— Дым все сгущался, пока я смотрел. Сначала он был полупрозрачным и хлипким, словно человек, сделанный из желе. Потом он сел и взревел долгим грубым криком, который я еле вынес. Тело его тряслось тем сильнее, чем плотнее и завершеннее оно становилось. Наконец он вылез из гроба и встал, согнувшись в пещере, с таким видом, словно совершенно не понимал, куда он попал. Он взялся за гроб и треснул им о стену. Я все еще не знаю, сознавал ли он все это время, что находился в гробу, или же это было как долгий сон. Впрочем, судя по всему, он не намеревался провести в нем ни одной лишней секунды.

Наконец Гейстдорфер снял повязку. Она упала окровавленной, липкой кучей на столешницу. То, что открылось под ней, выглядело скорее не как человеческая рука, а как освежеванная оленья нога, после того как побывала в собачьих зубах. На руке его все еще оставались три пальца, но большая часть запястья и предплечья была выедена. Большого пальца также не было. Когда Гейстдорфер напряг оставшиеся мускулы, из раны вытекло немного крови.

Стоило крови блеснуть на воздухе, руки, державшие Кэкстон, сжались. Хватка на ее

плечах стала сильнее. Потом она почувствовала дыхание вампира... длинный, холодный вздох желания, который скатился по ее шее, словно струйка тумана.

— Он поразил меня тем, как он был голоден, поэтому я предложил ему выпить, — сказал Гейстдорфер. — Он оказался более ретив, чем мы оба ожидали. Он, разумеется, извинился, но я не уверен, что этого достаточно. Офицер, я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Я хочу, чтобы вы знали: я понятия не имел, на что похож вампир. Будучи похороненным, спрятанным так надолго... и он выглядел таким тощим, таким жутко тощим. Я понятия не имел, что он вообще сможет самостоятельно ходить и на самом деле окажется таким сильным.

Большинство людей этого не знают. Это была та самая причина, по которой такие люди, как Кэкстон и Аркли, необходимы, ибо большинство людей не имеют ни малейшего представления, на что способны вампиры. Они недооценивают угрозу своей жизни...

— После того как это произошло, я, честно говоря, хотел отправиться в больницу. Боюсь, я даже немного покричал. Но он не отпустил меня. Он не хотел выпускать меня из поля зрения. У меня есть знакомая, профессор университета, которая дала мне лекарство, и я стал его принимать. У нее темное прошлое, но она редко его вспоминает, хотя и поделилась со мной пилюлями. У нее было множество вопросов, но я знал, как удерживать ее на расстоянии.

Гейстдорфер посмотрел на Кэкстон.

— Вы совсем притихли, — сказал он.

— Она знает, что грядет, — сказал вампир.

Его голос был похож на рев, нечеловеческий гортанный рев возле левого уха. Кэкстон закрыла глаза, чувствуя, как он провел своим мощным подбородком по ее шее. Она могла чувствовать твердость его зубов, как их холодные треугольники прижимаются к ее теплему телу. Впрочем, ни один из них не уколол ее. Вампир сдерживался. Если он начнет пить ее кровь, он не сможет сдержать желание убить ее.

— Простите, если я ограничиваю вашу свободу, мисс, — сказал он намного тише, чем прежде.

Его рука, холодная и влажная, скользнула по ее шее. Потом он провел пальцами поперек ее горла, потянулся в вырез рубашки.

— Я вижу, вы не стали надевать ваш амулет, — сказал он ей на ухо.

Его дыхание смердело, но не кровью. Оно воняло открытой могилой. Оно забивало ей ноздри и рот, и Лоре хотелось отвернуться.

Она все еще молчала.

Она была слишком напугана, чтобы говорить.

Гейстдорфер заменил свою повязку свежим бинтом, заматывая осторожно, чтобы не слишком сильно сдавливать изувеченную руку. На полпути ему пришлось остановиться и принять еще несколько таблеток. Наконец он сунул руку в перевязь, а потом поднялся из-за стола, обошел его и встал рядом с ней.

— Теперь я заберу ваше оружие, — сказал он.

Говорил он тоном раскаяния, но Лора не могла простить Гейстдорферу его поступка. Кэкстон знала — вдова Гэррити бы его не простила. Здоровой рукой он вытащил ее «беретту» из кобуры и положил на стол, подальше от ее рук. Снял с пояса баллончик с перцовым газом и сунул себе в карман брюк. Поднял руку, дотрагиваясь до карманов куртки. Вытащил наручники и фонарик. Потом обнаружил выпуклость сотового телефона, сжал, проверяя, что это такое. Но оставил его там, где он и было. Лора посмотрела на него, пытаясь встретиться с ним взглядом, но его лицо ничего не выражало, оставаясь пустым.

встрече с нами. Они проталкивались внутрь, будто их разрозненные тела превратились в единую желеобразную массу.

Дважды выстрелив крупной дробью из обреза в этот сброд, Сторроу ослепил и оглушил меня. Рваные лица и мельтешащие конечности отрывались кусками и падали. Крови не было, это меня удивило, но было много рвущейся плоти и треска костей. Я сохранил присутствие духа, чтобы разрядить свое оружие в гущу схватки, и услышал далекий щелкающий звук, который издавал револьвер Немца Пита. Для меня, наполовину оглохшего от выстрела из обреза, он звучал как треск камешков, бросаемых в деревянный забор. Тем не менее пули из него уничтожили половину врагов, которые были перед нами...

Исчадие ада с разорванным лицом принялось перебираться через куски мертвых тел, с каминной кочергой в руке. Времени на перезарядку не было, поэтому я ткнул вперед штыком. Клинок с тошнотворной легкостью утонул в его черепе и мозгах, и чудовище упало на пол без единого звука. Тогда в дверях появились еще двое, и Эбен Нудд отбросил их назад прикладом своей винтовки.

Теперь проход был открыт.

Свидетельство Алвы Гриста

33

— Вы прятали его здесь с того самого момента, как нашли. Где-то здесь, в кабинетах, — сказала Кэкстон.

— Позвольте, я покажу вам, — сказал Гейстдорфер.

Теперь, когда она была разоружена, вампир отпустил ее. Гейстдорфер взял «беретту» и махнул ею в сторону Кэкстон, словно в каком-нибудь старом черно-белом кино. Она сообразила, медленно поднялась, держа руки высоко и на виду.

Они вышли из кабинета и пошли по темному коридору. Гейстдорфер опустил пистолет, когда открывал дверь с табличкой «Лаборатория факультета исследования эпохи Гражданской войны». Лора смотрела, как пистолет, направленный в пол, дрожит в его руке. Она могла бы схватить его. Потом посмотрела на вампира.

Его лицо было тонким и заостренным, глаза крошечные, словно бусинки. Зубы светились в полумраке.

Кэкстон знала: если она сделает резкое движение, вампир в две секунды разорвет ее на куски.

Наконец Гейстдорфер открыл дверь.

Все трое вошли внутрь, в помещение, уставленное столами. На столах были разложены осколки металла и побелевшие свинцовые пули. На одном из них возвышался огромный бочонок, хогсхед,¹ так, кажется, он назывался, подумала Кэкстон. Его дерево побелело от времени, а обручи съело ржавчиной, но черная корка смолы удерживала его в целости. На другом столе лежала пара сгнивших штанов. Наверное, тех самых, в которые был одет вампир, когда она увидела его прошлой ночью. Они были аккуратно разложены, будто целая команда археологов целый день изучала их с зеркалами и зондами стоматологов. Наверное, сообразила она, именно в этом и заключалась работа Гейстдорфера.

В центре комнаты стояла огромная кювета из полированного алюминия, размером с ванну.

— Мы держим это для того, чтобы хранить в ней человеческие останки, впрочем, я думаю, что тот добрый предшественник, который основал, эту лабораторию, даже не предполагал о нашем выдающемся госте.

Кэкстон заглянула в бадью и почувствовала идущий оттуда жуткий запах. Она наклонилась ближе, но обнаружила только нескольких личинок, слепо ползавших по дну кюветы.

¹ Хогсхед — большая бочка объемом примерно 240 литров.

— Вы спите в этом корыте, — сказала она вампиру.

Большинство животных в ужасе сбежали бы при малейших признаках приближения вампира. Насекомые же, особенно личинки, были исключением. В течение дня тело вампира не просто спит, оно разжижается. Личинки же находят бесплатную еду везде, где только та появится.

— Он говорил, якобы ему нужно что-нибудь получше, настоящий гроб. Прошлой ночью он вышел и разыскал один. К несчастью, вы оказались там в самый неподходящий момент.

Или в подходящий, подумала она. Самое время, чтобы раскрыть странную игру, которую затеял археолог. Это открытие, вероятно, убьет ее, но еще оно означало, что вампир не сможет и дальше скрываться. Сколько людей в курсе того, что она здесь? Половина полицейского департамента знала, что она отправляется на эту встречу. Если она не появится в участке этим вечером, местные копы начнут складывать кусочки головоломки вместе. Здесь они станут искать в первую очередь.

Конечно, к этому времени она будет мертва. Волна ужаса прокатилась у нее по спине. Лоре захотелось сбежать. Ей хотелось кричать.

Но она еще сохраняла контроль над собой.

Гейстдорфер снова махнул ей пистолетом. Очевидно, прежде он никогда не держал его в руках. Если бы предохранитель был снят, Лора нервничала бы намного больше, но даже в полумраке Кэкстон видела, что он на месте. Наверное, ей следовало бы попробовать предпринять какой-нибудь героический шаг, например вырвать пистолет из руки Гейстдорфера. Если бы только не вампир у нее за спиной.

— Как вас зовут? — спросила она.

Вампир лишь оскалился, отвратительно пародируя человеческую улыбку. Зубы в тусклом свете выглядели очень острыми.

— Вы были солдатом? — спросила она снова.

Так и не получив ответа, она повернулась к Гейстдорферу.

— Он был солдатом в битве за Геттисберг?

Гейстдорфер опустил голову на секунду, но на вопрос не ответил. Эти двое явно были достаточно умны, чтобы помнить, что она была из полиции, а раз она задавала вопросы, значит, доискивалась до сути. Они же не собирались ей ничего выдавать.

Пистолет шевельнулся снова, и на этот раз она тоже зашевелилась, направляясь по коридору к лестнице. Из окон лился оранжевый свет, отбрасываемый с улицы натриевыми лампами. Свет проходил сквозь листья рвущегося на ветру дерева, и длинные, похожие на кинжалы тени скользили по ступеням, пока Кэкстон спускалась вниз. Внизу она толкнула дверь, и холодный ночной воздух ворвался внутрь. Там, за дверью, была автостоянка. Студентов на ней не было — наверное, у них хватило ума принять во внимание ее предостережение и запереться на ночь.

У Гейстдорфера оказался «бьюик-электра» цвета красного вина, большая раритетная машина с «плавниками» на багажнике. Он открыл водительскую дверцу и жестом пригласил Кэкстон садиться.

— Вести буду я? — удивилась она.

Он наконец-то ответил.

— Боюсь, гидроусилителя здесь нет. А вести ее одной рукой очень трудно. Кроме того, вы единственная, кто знает, куда нам ехать.

— Я? — переспросила она, слегка ошарашенная.

Она думала, что эти двое просто собирались вывезти ее из города, подальше от охоты, которую она организовала. И тут она почувствовала, словно ей за шиворот вылили ведро холодной воды. Неужели они хотели, чтобы она отвезла их домой? Там была Клара...

Вампир ответил своим рычащим, грубым голосом:

— Думаю, ты должна знать, где она. Прежде я мог чувствовать, что она в каком-то замкнутом пространстве, но теперь ее там нет. Она где-то на востоке.

— Я не знаю... — запнулась Кэкстон, но Гейстдорфер оборвал ее:

— Избавьте нас от своих уверений в незнании. Вы должны знать, где она. Я видел ваш фильм, патрульный. А теперь, во имя всего святого, говорите, где она.

Тело Кэкстон сковал судорожный холод страха. Они причинят Кларе боль... они убьют ее. Или сделают еще что-нибудь похуже? Она знала, они это могут.

— Пожалуйста. Пожалуйста, не надо.

Вампир схватил ее за плечи, но не слишком сильно, чтобы не повредить их.

— Где мисс Малверн? Я не стану медлить или колебаться! Только не в этот раз!

Клара ему была не нужна. Кровь снова побежала у нее по венам. В этом был смысл. У вампиров был только один идол. Молодые, активные вампиры заботились о своих старших. Именно благодаря этому почитанию Малверн прожила три столетия. Было очевидно, что и этот вампир хотел, в свою очередь, позаботиться о ней. При всей его старости по сравнению с Малверн он все еще был юнцом. Кэкстон гадала, что же ей делать. Могла ли она на самом деле позволить ему добраться до Малверн? Если он принесет ей кровь, если он каким-нибудь образом вернет ее к активной жизни, это только усугубит положение. У нее будет два вампира на руках вместо одного.

Впрочем, похоже, большого выбора у нее не было.

Гейстдорфер ткнул в нее «береттой».

— У меня мало опыта в таких вещах, но, думаю, основную суть я уловил. Мы сядем сзади. Я буду держать пистолет, а мой коллега сядет здесь, в качестве молчаливой угрозы. Вы, моя дорогая, отвезете нас в... в...

Она могла солгать. Она могла отвезти их куда угодно, хоть в штаб-квартиру в Харрисбурге. Впрочем, вампир об этом догадался бы. Он мог чувствовать Малверн даже на расстоянии. Если Кэкстон не отвезет их, куда они хотят, они просто убьют ее. Если она не возьмет себя в руки, у них не будет причины сохранять ей жизнь. Она не была готова пожертвовать собой просто ради того, чтобы задержать их.

— Музей Мюттера, — призналась она наконец, опускаясь на кожаное водительское кресло.

— Это в Филадельфии? Очень хорошо. Вы сейчас отвезете нас туда на разумной скорости и не сделаете ничего, что привлекло бы к нам внимание, да? Если вы выедете на обочину или на встречную полосу, я весьма огорчусь. Я потратил много времени и денег, чтобы содержать эту машину в приличном состоянии. Также напоминаю вам, что подобное развитие событий может убить меня и вас, прелестная особа, но для хозяина положения автомобильная авария будет лишь небольшой неприятностью. Так что ведите осторожно. Договорились?

Он поднял пистолет в руке и прицелился ей прямо в лоб.

— Договорились? — спросил он еще раз.

— Да, — ответила она.

— Выезжайте на шоссе, — велел Гейстдорфер. — В это время суток так будет быстрее всего.

Он передал с заднего сиденья ключи, и она завела машину.

Сколько еще, гадала Кэкстон, вампир продержит ее в живых, после того как они доберутся до Филадельфии? Но по крайней мере сейчас она все еще была жива и здорова. Сейчас она все еще могла думать и попытаться составить план.

Как бы то ни было, ни единой идеи не приходило в голову.

Что ей оставалось делать? Она переключила передачу и выехала со стоянки.

34

— Обидиа? — позвал кто-то.

Это был рейнджер Симонон! Я выглянул из дверей и увидел, что на прогалине перед домом собрались верховые. Мятажники вернулись.

— Обидиа? — выкрикнул он. — Здесь что-то неладно? Клянусь, я слышал

стрельбу.

Мы были словно крысы, загнанные в ловушку, и времени у нас не было. Все казалось безнадежным.

Кавалерия мятежников встала лагерем перед входом. Они расположились, словно приготовились ждать столько, сколько потребуется, зажигая костры, привязывая лошадей к деревьям, вытаскивая имевшиеся у них припасы. Мы внутри могли сделать не много — лишь проклинать судьбу, и то негромко. Думаю, мы производили шума не больше, чем церковные мыши.

Рейнджер Симонон внутрь не вошел и никого не послал, даже чтобы заглянуть в дверь. Ни Сторроу, ни я не были глупы настолько, чтобы попытаться с боем выйти наружу. Оружия у нас было не много, но в нашем отчаянном положении мы бы вышли через эту дверь, только чтобы быть немедленно убитыми. Мы держались как можно дальше от выхода и старались не высовываться.

Свидетельство Алвы Гриста

35

Снаружи, за окнами, проносилась мимо сельская Пенсильвания. Дома, освещенные желтыми и оранжевыми лампами с абажурами или мигающим голубым светом там, где работали телевизоры. Машины стояли на подъездных дорожках или были загнаны в гаражи. Нормальные люди ужинали, а те, кто закончил ужинать, мыли посуду. Хорошие люди, и плохие тоже. Нормальные люди. Люди, чьи жизни она поклялась защищать.

— В Филадельфии много полиции. Намного больше, чем здесь. Я не знаю, что вы собираетесь делать, когда найдете Малверн, — сказала она, хотя и боялась, что именно это ей как раз и известно, — но вам в конечном счете придется иметь дело с полицией. Вы захотите крови. Для нее или для себя, вам придется кормиться. Вы можете скрываться какое-то время, но...

Дуло «беретты» коснулось ее затылка. Гейстдорфер сердито огрызнулся:

— Вы в смертельной опасности, офицер. Прямо сейчас. А дальше будет еще хуже. Я слышу панику в вашем голосе. Вы хотите, чтобы я избавил вас от земных забот?

— Нет, — ответила она сквозь зубы.

— Значит, вы не готовы умереть? Вы бы хотели пожить еще немного?

Ей не хотелось уступать даже в этой малости. Но, так или иначе, Кэкстон ответила:

— Да.

— Тогда прошу вас не говорить о том, что неизбежно. Это портит мое пищеварение.

Он пытался заткнуть ей рот? Или объяснить свои действия? Вампир от него зависел. Без Гейстдорфера чудовище не забралось бы так далеко. Может, профессор хотел, чтобы она поняла его? Простила?

Маловероятно, подумала Кэкстон, но смолчала.

— Могу я включить радио? — спросила она.

Музыка могла прогнать самые мрачные мысли.

— Не вижу препятствий, — ответил Гейстдорфер. — Только негромко.

Она кивнула, а потом посмотрела на приборную панель «бьюика». Радио в автомобиле было «родным» и не слишком сложным. Она включила его, и зазвучала рок-музыка, почти полностью заглушаемая помехами. Лора попыталась найти что-нибудь другое. Первая станция, которая хорошо ловилась, оказалась христианским радио, и Кэкстон немедленно переключила его. Ей не хотелось слушать о том, как она вечно будет гореть в аду, — не сейчас, когда смерть так близка. Наконец она нашла станцию, на которой играла классическая музыка. Что-то светлое и легкое. Кэкстон недостаточно разбиралась в ней, чтобы определить, что это за композитор.

— Моцарт, — объявил вампир, словно подслушал ее мысли. — Господи. Я знаю эту пьесу. Ее как-то раз играли в Огапе на рождественском празднике. Неужто в этой повозке

есть музыкальная шкатулка? Но как богато она звучит, словно играет целый оркестр.

Лора не поняла вопроса. Ей не хотелось говорить, пока в голосе слышался страх.

— Мне кажется, вскоре после вашей смерти, — сказал Гейстдорфер, — человек по имени Томас Эдисон изобрел способ захватывать звуки из воздуха и записывать их на восковых цилиндрах. Позднее изобрели способ передавать эти звуки на огромное расстояние.

— Вроде телеграфа? — спросил вампир.

— Принцип похожий. Только он не требует проводов.

Вампир помолчал некоторое время. Потом сказал:

— Как много всего изменилось. На дороге горят огни, вы видите? В мое время здесь была непроницаемая темнота. Весь мир за пределами наших маленьких костров был черен. Вы же так далеко отодвинули от себя мрак, но, кажется, даже не догадываетесь насколько.

— Вам предстоит еще многому научить нас! — воскликнул Гейстдорфер.

До музея было недалеко. Они проехали по широким зеленым аллеям Фэрмаунт-парка, где темноту рассеивали уличные фонари, потом въехали в город под аркой старой тюрьмы штата. Филадельфия была городом, полным тайных зон, районов со своими специфическими чертами. Она скорее казалась сборищем маленьких городков, объединенных в одну метрополию. Район, в котором располагался музей Мюттера, был одним из самых необычных.

Той ночью дороги были свободны, хотя возле пабов и маленьких ресторанчиков толпились люди. Вампир сидел, пригнув голову, не заметный ни для кого, кто бы бросил случайный взгляд на окна машины. У пивного паба пара юношей, похоже студентов, засвистели им, но они всего лишь восхищались «бьюиком» и не интересовались теми, кто сидел внутри.

Кэкстон проехала по Двадцать второй улице, мимо здания медицинского колледжа, потом свернула на аллею, ведущую к небольшой стоянке, с трех сторон окруженной зданиями. Сторожа там не было; если нужно было припарковаться, то следовало достать чек на пять долларов и сунуть в щель у выхода. На стоянке стояла лишь пара автомобилей.

Кэкстон въехала на свободное пространство и припарковалась. Мотор «бьюика» секунду жалобно поворчал, а потом стих. Мышцы руки судорожно дернулись, когда Лора выключила зажигание и откинулась в кресле. Телу хотелось сжаться в клубок. Она чувствовала сильнейшее желание просто лечь и закрыть глаза. Принять то, что должно случиться.

Но похоже, вампир не собирался ей этого позволить.

— Мисс, будьте любезны выйти первой.

— И не пытайтесь сбежать, — добавил Гейстдорфер.

Кэкстон кивнула. Потерла глаза. Ей казалось, что она не сможет скоординировать работу мышц, чтобы открыть дверцу машины. Но все же, хотя и с большим трудом, она справилась с собой. Она выбралась на асфальт, ее качнуло, но Кэкстон удалось удержаться на ногах. Тело звенело от напряжения и страха, но она стояла. Так поступаешь, сталкиваясь с невыносимой ситуацией — продолжаешь идти вперед.

Но о побеге Кэкстон даже подумать не успела: вампир уже находился позади нее, схватив за запястье. Хватка была несильной, однако Лора знала, что его рука может сжаться без предупреждения и, если это произойдет, кости будут сломаны.

— Нам нужно пробраться внутрь, подальше от безумства толпы, — сказал Гейстдорфер.

Он сделал шаг от машины, и все трое услышали звук рвущейся ткани. Профессор посмотрел вниз, Кэкстон тоже. Она увидела, что он зацепился своей больной рукой за острые наконечники багажника «бьюика» и повязка порвалась.

— Не имеет значения, — бросил Гейстдорфер, — перевяжу позже.

Его лицо перекосилось от боли. Неужто поранился об острый «плавник»? Профессор пошел по направлению к музею, потирая больное запястье здоровой рукой.

— Идем, — позвал он.

Вампир не шевелился. Кэкстон ничего не оставалось, кроме как стоять на месте.

Освещение на стоянке было слабым. Только редкие лампы наверху отбрасывали множество теней. И все же Лора могла разглядеть маленькие капли крови, круглые и плоские, тянувшиеся за Гейстдорфером, куда бы он ни ступил. Кровь пропитала рваный конец его повязки, и Лора видела, как она скапливается там, образуя провисшую мокрую ярко-красную складку. Потом бинт отцепился и соскользнул, обрызгав покрытую масляными пятнами землю. Вампир крепко сжал ее руку.

— Сколько часов я уже принохиваюсь к запаху его жизни, — сказал он ей.

Он говорил с тихим и мрачным рычанием, похожим на урчание огромного тигра, который вот-вот кинется на зебру.

— Я сидел рядом с ним, и вдыхал его, и держался, сколько мог.

Кэкстон не шелохнулась. Она знала, что может сделать с вампиром вид крови.

— Он твой единственный друг, — сказала она. — Пожалуйста, не надо...

— Мне понадобится сила для того, зачем я здесь.

И потом он помчался пулей, одним стремительным прыжком сокращая расстояние между собой и Гейстдорфером. Кэкстон он волок сзади, прочно удерживая мягкой хваткой за запястье. Она боролась, пиналась и пыталась свободной рукой разжать его пальцы, но все было бесполезно. Это было все равно что сражаться с промышленными тисками.

Вампир не стал тратить время, срывая с профессорской руки повязку и рукав. Он просто вгрызся через слои ткани глубоко в плоть под ними, перемалывая зубами кости. Гейстдорфер закричал, но крик разнесся недалеко. Глаза профессора приобрели от боли и шока бессмысленное выражение, когда вампир рвал его кожу и мускулы, высасывая кровь. На мгновение показалось, будто Гейстдорфер умрет спокойно, даже мирно. Потом его тело стало трястись, конечности начали судорожно сокращаться, глаза закатились, и только рот продолжал шевелиться, словно профессор пытался выдавить из себя какие-то слова. Кэкстон не смогла понять, что он пытался сказать.

Когда все было кончено, когда последняя капля крови была высосана из его тела, Гейстдорфер выглядел бледнее вампира. Он обвис, уже мертвый, а вампир стоял и держал их обоих, живую женщину и мертвого мужчину, словно ребенок, играющий двумя неподходящими друг к другу игрушками.

Потом в глазах чудовища вспыхнула тьма. Его тело пошло рябью, словно оно было сделано из тумана и ветер проносился сквозь него. Его изможденная плоть, казалось, разбухла, словно ворованная кровь переполняла его, расширяя. Когда все закончилось, он выглядел почти как человек. Или, по крайней мере, так похоже, как это только было возможно.

Вампир подтащил их обоих к мусорному баку на аллее и без дальнейших церемоний впихнул в него тело Гейстдорфера. Кэкстон это не удивило. Вампиры и их пособники не имели почтения к человеческой смерти. Когда тело было выброшено, вампир рывком поднял Лору на ноги и наконец отпустил. Она даже не подумала бежать. Теперь, когда в нем была кровь, вампир стал еще быстрее, чем прежде. Сильнее. И убить его теперь было намного сложнее.

— Она там, — сказал он, — мисс Малверн.

На Кэкстон он даже не глядел, не ожидая подтверждения. Он вскинул голову, словно мог чувствовать в воздухе запах другого вампира.

— Она совсем близко. Вы поступили хорошо, друг мой, приведя меня сюда.

И именно тогда, в самый неподходящий момент, у Кэкстон зазвонил телефон.

Позади буфета мы обнаружили лестницу для прислуги и решили, что лучше нам будет спрятаться на верхнем этаже. Все ступени лестницы скрипели и могли выдать нас. Через некоторое время мы оказались наверху, напротив ряда высоких окон. Мы со стрелком выглянули в эти окна и увидели Симонона, игравшего в

карты с сержантом, который сидел уже без башмаков. Там, наверху, мы могли поговорить, но только тихо.

— Я мог бы выстрелить отсюда, — сказал Сторроу, проводя одной рукой по массивному стволу его винтовки, — это принесет Союзу много пользы.

— И взамен он прикончит всех нас, — вставил Эбен Нудд.

Сторроу кивнул, соглашаясь, но ничего не добавил. Я думаю, он бы с радостью отдал жизнь, если бы ему удалось вывести рейнджера из игры.

Сквозь сжатые зубы я выдал следующий вопрос:

— Почему он здесь? Чего он хочет от этого Обидии, которого он все зовет?

— Так вы еще не догадались? — спросил Сторроу. Он улыбнулся мне мрачной улыбкой. — Обидиа Чесс — хозяин этого места, или, точнее, был им.

Сторроу указал на огромное декоративное украшение у подножия лестницы. Оно, как я уже отмечал, было в форме пешки.

— Не спрашивай меня, как он дошел до такого, но теперь он — вампир. Симонон пришел, чтобы нанять его.

— Конфедераты набирают вампиров? — Я едва мог поверить в это, даже зная, что они за негодяи.

Свидетельство Алвы Гриста

37

Вампир устался на куртку Кэкстон, пока телефон вызванивал начальные такты песни Пэт Бенатар. Телефон все жужжал у нее на боку, и Лора закрыла глаза. Неужели именно эта штука станет причиной ее смерти?

Вампир не останавливал ее, когда Кэкстон медленно потянулась к карману и вытащила телефон. Он перестал звонить. Секундой спустя он чирикнул, докладывая, что пришло новое голосовое сообщение.

— Это... — замялась Кэкстон, собираясь объяснить вампиру, что это ее телефон.

Потом осеклась.

Гейстдорфер там, в Геттисберге, обыскивал ее. Он нашарил в кармане сотовый, даже сжал его. Однако не стал забирать его у нее. Почему? И тут она поняла, что профессор просто решил, что телефон не представляет угрозы. Лора признала, что он был прав: толку от него, если все это время Гейстдорфер следил за каждым ее шагом?

Но может быть, он пытался помочь Кэкстон. Внешне он как будто хотел помочь вампиру в его затее и действительно вел себя так, словно был частью всего этого. Но как бы то ни было, он должен был понимать, что все закончится его собственной смертью. Если только кто-нибудь не остановит вампира. Профессор не мог помочь ей открыто, не тогда, когда под боком был вампир. Неужели он попытался дать ей шанс, не выдав себя при этом?

Впрочем, она этого никогда не узнает. Но похоже, у нее появилось крошечное преимущество и ей нужно его использовать.

— Это музыкальная шкатулка, — сказала она, — вроде той, что в машине.

Она показала телефон вампиру, но он только головой покачал. Теперь он наверняка ничего не поймет. Жидкокристаллических экранов и клавиатур в его время не было.

— Он играет вам музыку? Какую захотите?

Лоре пришлось подумать и решить, что она может сделать. Совершенно ясно, позвонить в полицию она не могла. Вампир сообразит, что происходит, прежде чем она успеет сказать несколько слов. Она даже не могла прослушать сообщение, которое только что получила, — это выглядело бы слишком подозрительным.

— Я могу сделать так, чтобы он проиграл другую мелодию, — сказала она через мгновение. — Показать?

Он пожал плечами. У него была уйма времени, ночь только начиналась.

Кэкстон прикусила губу и стала нажимать большим пальцем кнопки клавиатуры. Быстро, как могла, она отправила Аркли короткое сообщение:

В мм с вамп без оруж

Это все, что она смогла придумать. Глядя на вампира, она отправила сообщение. Телефон тренькнул у нее в руке счастливым маленьким крещендо, означавшим, что сообщение отправлено.

— Восхитительно, — сказал вампир, улыбаясь по-настоящему. — Наверное, потом вы сыграете мне еще. А теперь, увы, мне предстоит много сделать. Леди вперед, если позволите.

Она кивнула и пошла впереди него. Она чувствовала его у себя за спиной, от его ледяного присутствия кожа покрывалась мурашками. Кэкстон зашла за угол, ко входу в музей. Дверь была закрыта, но вампир просто потянул ручку, механизм заскрипел и щелкнул. Небольшой кусочек сломанного металла отлетел в сторону, стукнув Кэкстон по руке. Она шагнула через открытую дверь в широкий вестибюль, освещенный только оранжевым светом уличных фонарей.

Кэкстон и раньше бывала в музее Мюттера: много лет назад, со школьной экскурсией. Задолго до того, как она занялась вампирами. Но даже и теперь это место пугало ее. Она была тут, когда оно было хорошо освещено и полно подростков-школьников и студентов, ищущих запретных развлечений.

В темноте, в полной тишине это место было похоже на заброшенную гробницу. И совершенно новый страх обуял ее. Немного легче было лишь оттого, что ни скелетов, ни двухголовых младенцев, плававших в спирте, в вестибюле не было; только широкая лестница, перегороденная бархатным шнуром, вела наверх, и двери, которые открывались в лавки с подарками, несколько кабинетов и, наконец, в сам музей. Здание в действительности включало в себя еще Медицинский колледж Филадельфии, зал заседаний доктората и медицинскую библиотеку. Музей был лишь малой частью колледжа, приютившейся в углу здания. Кэкстон прошла через двери слева, потом миновала лабиринт стен из гипрока, на которых разместились выставка медицинских инструментов, использовавшихся Льюисом и Кларком. За ней находилась другая экспозиция, посвященная великим эпидемиям последних двух веков. Эпидемия испанки 1918 года была представлена широко. Экспонаты на стенах описывали ее как величайший кризис здравоохранения в истории, виновный более чем в пятидесяти миллионах смертей. Она подошла к фотографии, где была изображена груда тел, ожидавших упокоения в массовой могиле, и остановилась.

Ни один вампир не мог даже мечтать о таком масштабе разрушения. Хотя если бы Малверн ожила, она наверняка бы постаралась достичь такого размаха. Ей понадобится кровь, океаны крови, чтоб только удержаться на ногах. Аркли признался однажды, что потребуется пять или шесть убийств каждую ночь, только чтобы она смогла ходить... и даже при этом Малверн все еще останется голодной. Будучи изможденной, она была неспособна охотиться, неспособна убивать. И все же если этот вампир найдет способ оживить ее, она не остановится. Она будет создавать новых вампиров, чтобы они служили ей, защищали ее. Она будет убивать непрестанно, по всей Пенсильвании за ней потянется кровавый след. Сколько трупов потребуется, прежде чем Малверн будет окончательно уничтожена?

Кэкстон не могла позволить этому новому вампиру исполнить его затею. До сих пор ею руководил страх за свою собственную жизнь, отчаянная необходимость прожить еще немного. Но и у этого страха были свои пределы.

— Осталось недалеко, я полагаю, — сказал вампир за ее спиной.

Интересно, Аркли уже получил сообщение? Лора искренне надеялась на это. Она отошла от фотографий на стене, двинулась дальше по зданию, и вот наконец он предстал перед ней. Музей Мюттера во всей его ужасной славе.

Он занимал два этажа: нижний, под ними, и широкую галерею, соединявшуюся парой резных деревянных лестниц. Все пространство стен было сплошь занято шкафами из темного дерева с полированными стеклами. Внутри по большей части были кости; стены были полны черепов, демонстрировавших все свое анатомическое разнообразие; цельные

скелеты на металлических шестах, показывавшие деформации костной структуры. Слева от Кэкстон стоял гроб с сапонифицированным женским телом — труп, приобретенный музеем Мюттера для того, чтобы демонстрировать, как условия почвы могут превратить человеческое тело в трупный жировоск. Среди прочих экспонатов в зале находились огромный кишечник с запором, мозг убийцы президента Гарфилда и сросшиеся внутренние органы сиамских близнецов Чанга и Энга.

И все было представлено с большим вкусом.

Кэкстон обошла галерею и глянула на этаж под ней. Там внизу было еще больше скелетов, некоторые находились в огромных индивидуальных стеклянных ящиках. В одном были кости гиганта, мужчины как минимум семи футов роста, стоящего рядом с останками лилипута. Они выглядели удивительно похожими на родителя, гуляющего с ребенком. По соседству стояло множество деревянных ящиков, в которых, как помнилось Кэкстон, лежали тысячи предметов, удаленных из человеческих желудков, — монеты, булавки, осколки электрических лампочек.

Между этими двумя экспозициями на козлах стоял один-единственный гроб. Крышка была закрыта. Он не был частью экспозиции музея.

— Вот она, — сказала она, зная, что Малверн была там.

— Да, благодарю вас, я и сам вижу.

Вампир схватил ее за плечо не слишком сильно и повернул лицом к себе.

— Вы останетесь здесь, — сказал он, — и подождете, пока я закончу.

Лора держала руки в карманах. Она предполагала, что это может произойти. Но что бы вампир ни думал, у Кэкстон все еще оставался ее амулет. Поскольку ленточка была порвана, она не смогла надеть его на шею и сунула в карман брюк. Туда, где она могла при необходимости его взять. На улице, на стоянке, у нее не было возможности схватиться за него, но теперь она крепко ею сжала. И почувствовала, как он начинает теплеть.

Глаза вампира сверкнули. Он пытался загипнотизировать ее, чтобы она застыла на месте. Наверняка, решила Кэкстон, вампир что-то почувствует, когда это ему не удастся. Поймет, что у нее есть какая-то защита против него.

Впрочем, он ничего не сказал. Может, и не почувствовал ничего. Наверное, он просто торопился. Он пронесся мимо нее, а потом перемахнул через перила галереи, не потрудившись спуститься по лестнице. Он приземлился с еле слышным стуком и немедленно двинулся в сторону гроба. На мгновение он застыл перед ним, потом положил свои белые руки на крышку, откинув голову назад.

Кто-то появился у Кэкстон за спиной, и она едва не закричала. Рука без пальцев дотронулась до ее плеча, и, обернувшись, Лора увидела Аркли. В сумраке его лицо казалось искаженным мукой. В здоровой руке он держал свой старый верный двадцать третий «глок». Похоже, он получил ее сообщение, хотя, очевидно, у него не хватило времени основательно подготовиться.

Он поднял изувеченную руку к губам, и Лора поняла, что он хочет, чтобы она вела себя тихо. Чего же он ждал? Кэкстон знала его достаточно, чтобы поверить, что у него есть какой-нибудь план, но она и представить себе не могла, что это мог быть за план.

Вампир под ними сдвинул крышку гроба. Та бесшумно открылась. Внутри лежала Малверн. Она была дряхлой, покрытой болячками, но выглядела намного здоровее, чем когда Кэкстон видела ее в последний раз. Это было непонятно... Аркли уже больше года не кормил Малверн кровью в надежде, что она наконец умрет от истощения. Как бы то ни было, внешне она стала намного сильнее. Но как это вообще возможно?

Вампир потянулся к гробу и провел пальцами по пятнистой щеке Малверн. Сказал что-то так тихо, что Кэкстон не расслышала.

Времени больше не было... Чего ждет Аркли?

Геттисбергский вампир нашел какой-то путь, чтобы обмануть время. Что, если он знал магическую формулу, чтобы вернуть и Малверн к ее прежней жизни? Времени не было совершенно.

Расширив глаза, она глядела на Аркли, но тот только головой качал. И потому Кэкстон сделала единственное, что только смогла придумать. Выхватив «глок» из его руки, она прицелилась в вампира и трижды быстро выстрелила ему в спину, туда, где должно было быть сердце. Раз-два-три. Грохот в этом безмолвном месте раздался ужасный; звук; был такой, словно во всем музее в единый миг разбились все стекла.

Вампир растворился в воздухе. Если бы она попала в него, если бы она убила его, он бы просто упал на пол. Видимо, она промазала, или, возможно, текшая в его жилах ворованная кровь Гейстдорфера защищала его.

— Ты дура! — воскликнул Аркли, его лицо исказилось от гнева. — Да как ты посмела все испоганить?

Не дожидаясь ответа, он бросился вон, в темноту.

38

Меня отрядили обыскать комнаты на верхнем этаже, на случай, если новые чудовища притихли там, поджидая нас. Задание было не из легких. Какой бы утешительный бальзам не приносило нам упоение битвой, испаряется он стремительно. К счастью, второй этаж был не слишком обширным, а дверей там было не много. Две были заперты; третья открывалась на узкую лестницу, по которой можно было добраться до купола, окруженного узкими железными перилами. Я направился обратно и снова попробовал открыть запертые двери. Можете представить себе мое удивление, смешанное с ужасом, когда я услышал из-за одной из них приглушенный звук.

Должно быть, это голубь, пробравшийся через разбитое окно, успокаивал я себя. Но это был не голубь. Звук, который раздался оттуда, был тонким, жалобным скулением, которое я слышал и раньше. Это был голос одного из чудовищ.

— Еще один звук, и я влеплю тебе разрывную пулю, — сказал я в дверь, повысив голос ровно настолько, чтобы он ею услышал. Я знал, что могу отправить ту тварь, стоявшую за дверью, на тот свет. Меня больше беспокоило то, что он мог дать сигнал тревоги, который поднял бы кавалерию снаружи.

— Алва? — спросил голос. — Алва, это ты?

Вы уже поняли, кем был мой собеседник, и вы правы. Это был он, Билл. Мой чудовищно раненный и давно потерянный друг, найденный наконец. Но отчего кровь застыла у меня в жилах, когда я услышал его?

Свидетельство Алвы Гроста

39

Кэкстон с грохотом бросилась вниз по лестнице, ноги соскальзывали со ступенек, оружие было поднято высоко, на изготовку, стволом в потолок. Там внизу, в тени, ее мог ждать вампир. Она уже чувствовала, как его зубы вонзаются в ее плоть, прорывая кожу. Должно быть, он устроил засаду и она бежит прямо ему в пасть.

Внизу лестницы Кэкстон повернулась и вытянула руки, держа оружие в положении для выстрела. Она искала бледные, похожие на человека тени... и внезапно поняла, что тут их было слишком много. Все скелеты в стеклянных коробах выглядели во мраке словно вампиры. Сам же вампир, которого она преследовала, пусть и не выглядевший теперь как жертва голодания, был все еще тощим, как палка, а потому сойдет за скелет, если встанет неподвижно в углу зала.

Кэкстон медленно развернулась, пытаясь охватить все пространство зала. Это было безумием. Вампир мог прекрасно ее видеть. Их ночное зрение не было каким-то сверхъестественным, но они могли видеть кровь... ее кровь... как будто она сама по себе светилась красным. С точки зрения вампира, Кэкстон была ходячим неоновым указателем.

Он в любой момент мог прыгнуть на нее, и он был быстр, так быстр, что у нее не хватит времени, чтобы развернуть пистолет и выстрелить в него.

Единственно разумным решением в этой ситуации было бежать. Уносить ноги, уходить на безопасное расстояние. Попытаться перекрыть музейные выходы, а потом ждать до рассвета. Как бы то ни было, Аркли давным-давно научил ее: как ни борись с вампирами разумными средствами, они все равно выскользнут из твоей сети. В то время как она будет запирает двери музея, вампира уже и след простынет... или он успеет прикончить ее.

Единственный эффективный способ бороться с вампирами, который демонстрировал ей Аркли, заключался в том, чтобы идти прямо в их ловушки. Давать им именно то, что они хотят. Это сбивало их с толку, заставляло их думать, что у тебя больше козырей в рукаве, чем на самом деле.

Вот оно... Лора бросилась вперед, рассчитывая, что увидела какое-то движение. Она вытянула руку с пистолетом перед собой, прицелившись в самый центр темной массы, и начала спускать курок.

Потом остановилась. Фигура, в которую она только что чуть не выстрелила, была скелетом человека, страдавшего от уродливого расщепления позвоночных дуг. Его кости выглядели искореженными и старыми, словно сплавная древесина.

Вампир захохотал над ней. Потом она услышала хихикающее эхо, от которого у нее мурашки пошли по коже. Звук, казалось, идет отовсюду вокруг нее и ниоткуда конкретно. Он шел сверху? Кэкстон с испугом поглядела вверх, но ничего не увидела, кроме потолка. Впрочем, большого облегчения при этом она не испытала. Этот смех вползал ей в уши, разрывая мозг. Сухой, мерзкий, раздражающий смех, который разбивался на отдельные отголоски эха, уходившие в тень.

Как бы то ни было, у нее не было времени решать, что все это значит. У нее был подозреваемый, которого нужно было схватить. Кэкстон прижалась спиной к стенду с заспиртованными уродцами — некоторые с головами, некоторые без, только с порядковым номером. Медленно, шаг за шагом, внимательно изучая пространство перед собой, Кэкстон пошла обратно к лестнице. Она была более чем уверена, что вампира на нижнем этаже нет.

Она ошиблась.

Белая фигура вскочила на гроб Малверн и рванулась прямо на нее. Кэкстон быстро развернула пистолет ровно настолько, чтобы прострелить ему лицо, прежде чем он всем телом рухнул на нее, опрокидывая на пол. Вампир взревел, хватаясь за глаза, и Лора перекатилась на бок, прежде чем он успел ударить ее кулаком. Они врезались в пол с такой силой, что деревянный паркет треснул.

— Дерьмо, — выругалась она, слово непроизвольно сорвалось с ее губ.

Вампир повернулся на ее голос, и Кэкстон увидела, что прострелила ему переносицу. Большая часть лица свисала на куске кожи, и в ране торчала расколотая кость. Впрочем, пока она смотрела, белая дымка заполнила отверстие змеистыми струйками, сплетавшимися вместе. Пока он выпрямлялся, его лицо полностью восстановилось.

Вампир взглянул на гроб посреди зала, его лицо сморщилось от сожаления, и он двинулся снова.

У Кэкстон едва хватило времени попятиться, прежде чем вампир скользнул мимо, вверх по лестнице. Сыпя проклятиями, на этот раз про себя, она снова подняла пистолет и бросилась за ним, хотя он уже исчез на галерее. Наверху лестницы Кэкстон развернулась, осматривая углы зала. Вампира она не нашла. Из галереи вели два выхода — назад, через лабиринт стен из гипрока и экспозиции, или наружу, через отчетливо видневшуюся дверь выхода, которая возвращала посетителей в вестибюль. Она кинулась к последней, зная, что опаздывает, что он уже уходит. Бархатная веревка поперек лестницы была сорвана со столбиков, и она поняла, что вампир сбежал.

Где же Аркли, гадала она. Хорошо бы он убежал в безопасное место. Насколько она понимала, другого оружия у него нет, и Лора не думала, что ему хватит глупости попытаться остановить вампира голыми руками. Это была ее задача.

Перескакивая через две-три ступеньки, она хрипло дышала. Ее тело было напряжено и скованно, и Лора понимала, что адреналин начал испаряться. Это нормально, она могла заменить его грубым, холодным страхом.

Достигнув верха лестницы, она кинулась в библиотеку, которая днем, наверное, была очень красивой. В оранжевом свете, струившемся через высокие окна, ряды книг и обитых кожей кресел выглядели сгнившими и развалившимися, словно зал был брошен на несколько столетий на произвол стихий. Дверь слева от Кэкстон все еще покачивалась на петлях, и Лора бросилась внутрь. За дверью был коридор, который тянулся вдоль всего здания, с окнами по одну сторону и дверями по другую. Небольшие мраморные столики стояли между дверьми. Пара черных водительских перчаток лежала на ближайшем от нее столе.

Четыре двери, сосчитала она, и еще одна лестница, на дальнем конце, спускавшаяся вниз. Вампир мог воспользоваться любым выходом.

Держась спиной к окнам, Лора медленно попятилась вдоль коридора. Если вампир добрался до дальней лестницы, то он уже сбежал. Он мог сбежать через черный ход, и ей ни за что не поймать его. Если же вампир воспользовался одной из дверей, то он мог все еще оставаться в здании, вероятно загнав себя в тупик. У первой двери она потянулась, дотронулась до полированного дерева коснулась дрожащими пальцами дверной ручки. Если вампир был тут недавно, подумалось ей, то ручка будет холодной при прикосновении или же тонкие волоски на руке встанут дыбом. Как бы то ни было, она не почувствовала ни малейшего признака противоестественного существа.

Следующая дверь с деревянной табличкой, на которой золотом было написано «Начальник», вела в кабинет. Кэкстон дотронулась до ручки. Ничего; ни малейшего ощущения тошноты или отвращения. Она медленно повернула ее. Ручка резко, металлически скрипнула, и Кэкстон немедленно замерла. Кажется, она почувствовала поблизости какое-то движение, что-то, скрывавшееся в темноте?

Она замерла, стараясь даже не дышать.

Что это? Ага, подумала она, ее щеки коснулся сквозняк. Она развернулась, готовая мгновенно выстрелить, но увидела только, что одно из окон приоткрыто. Еле уловимый ветерок просачивался в него.

Кэкстон прикусила губу и пошла к третьей двери. Ее ноги еле слышно ступали по ковру. Она протянула дрожащую от страха руку к медной ручке двери и кончиками пальцев чрезвычайно легко коснулась ее.

Ничего.

Она выдохнула, немного расслабляясь. Оставалось проверить еще одну дверь. Если и там пусто, значит, вампир сбежал, и тогда, по крайней мере, Кэкстон будет знать, что она в безопасности и не умрет этой ночью. Лора быстро переместилась к последней двери и дотронулась до ручки.

Окно за ее спиной с шумом распахнулось, стекло с треском разбилось. Белое тело вылетело из него, словно гигантское пушечное ядро, и ринулось по коридору по направлению к ней. Прежде чем Кэкстон успела хоть что-то сообразить, вампир вцепился рукой ей в горло. Он опрокинул ее на один из мраморных столиков, и его угол больно врезался ей в область левой почки. Вампир поднял ее снова и швырнул на пол так, что заныли кости во всем теле. Только густой ковер спас ей ногу и руку от переломов. Вампир опять поднял ее и задержал в воздухе, круша мощными пальцами мышцы на ее шее. Чувство было такое, словно в горло ей вонзались пять ножей. Она не могла говорить... не могла дышать. Если он еще на дюйм сожмет пальцы, она погибнет. Чернота застилала зрение, словно огромные черные масляные пятна на поверхности ее глаз.

Однажды он сохранил ей жизнь, потому что она была женщиной. Второй раз он позволил ей жить, ибо она была ему полезна, могла вести машину. Ясно было, что на этот раз его терпение лопнуло.

Лора Кэкстон, наверное, тогда бы и погибла, если бы не ночной сторож в музее. В этот самый миг он шагнул из четвертой двери, встревоженный хриплыми, задыхающимися

звуками, которые издавала Кэкстон, и посветил фонарем прямо в глаза вампиру.

Вампир закричал от боли. Он был ночной тварью, и свет ранил его намного сильнее, чем пули. Он выронил Кэкстон, руки взлетели, чтобы защитить чувствительные глаза от яркого света. В следующее мгновение он исчез, бросившись прочь вниз по лестнице.

40

Я упал на колени и заглянул в замочную скважину. Глаз, который смотрел на меня с той стороны, был красным от крови и желтым там, где должно быть белое. Но я узнал карюю радужку, цвет камней на горе Кадиллак. Это и в самом деле был Билл.

— Жди здесь, Билл, со мной люди. Мы вытащим тебя из этого плена, — поклялся я.

— Алва, нет, ты должен уйти. Тебе нельзя здесь быть.

— Я без тебя не пойду, — сказал я ему. — Я высажу эту дверь, и черт с ним, с шумом, который будет при этом.

— Нет! — Высокий голос стал жестким, как камень. — Я... не могу впустить тебя. Я должен тебя остановить, Алва. Тебе несдобровать, если попытаешься. Не заставляй меня это делать.

— Что за чушь ты несешь!

И все же я почувствовал, как сердце екнуло у меня в груди. Я знал, в кого превратился Билл. Моя шея все еще болела, мой бок все еще кровоточил от ран, которыми меня наградили эти монстры, а теперь Билл стал одним из них. Но это был Билл, мой Билл! Единственный настоящий друг, который только был у меня. Человек, с которым я рядом спал два года в палатке, куда не поместилась бы и собака. Человек, жизнь которого сплелась с моей так плотно, как ленты в девчоночьей косичке.

И все же я знал. Я понимал.

— Мы можем, помочь тебе, Билл. Мы доставим тебя к хирургу.

— Ты больше ничего не можешь сделать, Алва. Слишком поздно. Забудь нашу дружбу, оставь меня таким, какой я есть. Умоляю, уходи! Это все, что я могу сделать для тебя. Даже когда я говорю сейчас с тобой, моя душа корчится в муках, а руки тянутся к ножу, чтобы воткнуть его в замочную скважину!

Я присел на корточки, мысли вихрем метались в моей голове.

— Ох, Билл, скажи, что это не так.

Но так все и было. Он больше ничего не сказал, и спустя миг его глаз исчез из замочной скважины.

Свидетельство Алвы Гриста

41

Ночной сторож — на бейджике стояло имя Гарольд — помог ей сесть и прислониться к стене. Кэкстон потеряла шею, пытаясь восстановить циркуляцию крови в сдавленных мышцах.

— Вам лучше? — спрашивал он ее снова и снова, будто частыми повторами мог ей помочь. — Этот парень мог прикончить нас обоих, с легкостью!

Это была правда. Свет больно ударил вампира, но только на миг. Он мог раздавить фонарь, а потом завершить убийство. Впрочем, он был слишком умен, чтобы воспользоваться шансом. Он не мог знать заранее, вооружен ли Гарольд и не стоит ли за ним целый взвод полиции. Кэкстон попробовала объяснить это сторожу, но обнаружила, что не может. Чувство было такое, словно дыхательные пути потеряли теркой. Хотя дышать она могла и легкие функционировали прекрасно. Поэтому она просто кивнула. Поставив пистолет Аркли на предохранитель, Кэкстон сунула его в свою пустую кобуру. Он не совпадал по размеру —

кожаная кобура была не приспособлена к этой модели пистолета. Она попыталась запихнуть его глубже, но он все равно немного высывался.

Лора потеряла глаза, давая телу время успокоиться, передохнуть. Она была очень, очень близка к смерти. Ну, это не впервые. Кэкстон знала, что нужно делать: нужно просто воспринимать это как можно проще. Если горло действительно повреждено, тогда погоня и преследование вампира могли только все ухудшить.

Кроме того, вампир уже сбежал. Он снова сбежал от нее. Она опять провалилась.

Гарольд ненадолго исчез, но наконец вернулся с бумажным кульком, полным холодной воды. Глотнуть ее было так приятно, и Кэкстон поблагодарила сторожа, даже умудрившись проскрипеть несколько благодарственных слов, почувствовав, как они прорезаются из ее горла, словно тупые ножи.

— Я... — выдавила она, прерываясь каждую секунду, — я — офицер Лора Кэкс...

— О да, я знаю, кто вы, — сказал он с идиотской улыбкой на лице.

Сторож был коротышкой лет, наверное, пятидесяти, с кудрявыми ключьями светлых волос, прилипших к краю синей бейсболки. Он носил серый комбинезон и желтые туристические ботинки.

— Это Арк?.. — Она замолчала.

Попытка произнести твердое «К» заставила ее ощутить, как будто в ее пищевод вонзается гвоздь.

— Это другой офицер дал знать, что я тут? — наконец удалось ей спросить.

Она взглянула на бумажный кулек у нее в руке. В складке на самом дне оставалась последняя капля воды. Она живо слизнула ее и пожалела, что больше нет.

— Кто, Джеймсон? А, нет. Он мне про вас не говорил. Я просто узнал вас, и все. Из того кино, «Зубы». Ну и класс, скажу я вам.

Ей захотелось закатить глаза. Вместо этого она ответила:

— Спасибоочки.

Потом сморщилась. Еще одна «К».

— Та самая сцена, где Клара вас первый раз целует? Ну, заводит, так заводит! Я ее, наверное, раз сто смотрел.

Кэкстон закатила глаза. Эта сцена смущала ее каждый раз, когда она ее видела. Неужели она и в самом деле выглядела настолько развязной?

— Мне нужно кое на что глянуть, — сказала она.

Кэкстон медленно поднялась на ноги, опираясь о стену у себя за спиной. Когда она убедилась в том, что не упадет снова, Лора побрела к лестнице, которая находилась в дальнем конце коридора. Аварийная дверь внизу была наполовину открыта, холодный воздух с улицы врывался внутрь. Лора толкнула дверь, было приятно снова ощутить ночной воздух на своем лице. Она набрала полные легкие, успокаивая горло, потом огляделась. Она стояла на краю стоянки. «Бьюик» был там, где она его и оставила. Еще она увидела мусорные баки, в одном из которых лежал труп профессора Гейстдорфера.

— Гарольд, — крикнула она через плечо, — мне нужна ваша помощь.

Вытащить труп из бака было непросто. Чтобы приподнять Гейстдорфера над краем бака, пришлось поработать. Гарольд перехватил у нее тяжесть, так что бросать мертвое тело на асфальт не пришлось. Как только это было сделано, они перенесли профессора в здание музея: Гарольд держал за ноги, а Кэкстон несла, пропустив руки под мышки. Раненая рука Гейстдорфера волоклась по земле, но кровавого следа не оставляла. Вся кровь была высосана из его тела, и ни одна капля не пропала даром.

Кэкстон знала, что тело представляет возможную угрозу. Вампир убил профессора и, сделав это, установил магическую связь между ними обоими. В силах вампира было призвать Гейстдорфера обратно из смерти, буквально поднять его, как слугу, который не сможет противиться приказам хозяина. Это могло произойти в любой момент, даже на огромном расстоянии, поэтому им приходилось ежесекундно следить за трупом. Кэкстон нужно было место, куда бы положить его, пока она решит, что делать дальше.

Медицинский колледж Филадельфии был в основном местом встреч докторов и исследователей, с лекториями и конференц-залами, занимавшими большую часть его территории. В подвале, впрочем, было несколько помещений, использовавшихся для подготовки музейных экспонатов. Они выглядели удивительно похожими на лабораторию факультета исследования эпохи Гражданской войны, хотя оборудование было намного старше и не такое блестящее.

Там они положили Гейстдорфера на стол для вскрытий. Кэкстон скрестила ему руки на груди, попытавшись придать его позе сколько-нибудь достоинства, потом прикинула, что делать дальше. Чтобы отвезти его в похоронное бюро, потребуются или «скорая», или катафалк. Ей необходимо связаться с его семьей, чтобы сообщить им, откуда можно забрать его. И тогда ей еще придется убеждать их кремировать тело.

Впрочем, для начала ей придется связаться с полицией Филадельфии, сообщить, что у них по улицам разгуливает вампир. Сотовый на цокольном этаже не принимал, поэтому она оставила Гарольда следить за телом, а сама пошла наверх. На полдороге она налетела на Аркли, который спускался вниз.

— Он ушел, — сказала ему Кэкстон.

— Ну разумеется, ушел.

Шрамы, пересекавшие лицо Аркли, не помешали ему бросить на Лору исполненный крайнего презрения взгляд. Скорее, они делали его вид еще более издевательским.

— Ты не могла подождать еще секунд десять?

Лора попыталась не обращать на него внимания.

— Мне нужно связаться с местным участком... к... к... ко... ко... с властями, — прохрипела она, доставая телефон.

Она попыталась отпихнуть его и пройти мимо, но Аркли задержал ее.

— Не трудись. Я связался с ними, когда получил от тебя сообщение. Я уже предупредил их, что нечто подобное может произойти.

Ну конечно, он так и сделал. Аркли всегда был готов к худшему. Так он жил всю жизнь. Это был основной постулат его философии. Лора опустила плечи и убрала телефон.

— Сейчас в этой части города полно их людей. Копы с фонарями проверяют все аллеи и площадки, вертолеты подняты в воздух, чтобы осмотреть крыши. Конечно, толку от этого никакого.

Да, подумала она, никакого. Вампиры были умнее и проворнее любых доморощенных криминалистов. Они инстинктивно знали, как сливаться с тенью, как использовать преимущества ночного времени. У обычных полицейских было мало шансов отыскать его.

Кэкстон посмотрела на часы. До полуночи было еще далеко, но сейчас, в конце года, вампиру будет предостаточно темноты для побега, наверное, еще часов семь. Как далеко он может уйти за это время? Или же он останется поблизости, найдет хорошее место для укрытия, где проспит весь день. А потом выберется следующей ночью и снова попытается спасти Малверн.

— Дура ты проклятая! Я все время того и боюсь, что ты что-нибудь испортишь. Но похоже, даже я оценил твою способность изгаживать идеально выверенный план.

Усталость навалилась на плечи, но гнев заставил ее выпрямиться — внезапный, обжигающий гнев. Возмущение.

— Заткнитесь! — выпалила она, пожалев, что не может подобрать более пристойных слов, например: «Да как вы смеете?» — Я стараюсь изо всех сил! Вы к-к-ки-нули меня в эту странную ситуацию, и я делаю все, что могу.

Твердый «к» давался проще, когда она вышла из себя, поняла Кэкстон.

— Я одна гоняюсь за этим кровососом, а не вы. Думаю, я заслужила хоть немного уважения.

— Да что ты? — издевательски ахнул Аркли.

— Да! Если бы я не среагировала, он бы оживил Малверн. Он мог вытащить ее наружу, пока вы стояли и смотрели.

Глубоко посаженные глаза Аркли чуть мигнули, даже тот, который был под парализованным веком.

— Как любопытно, — процедил он.

— Ужас, как интересно, — огрызнулась она, хотя понятия не имела, о чем это он.

— Кажется, ты думаешь, будто наш бледный друг пришел сюда спасать Малверн.

Губы Аркли шевельнулись в некотором подобии того, что на нормальном лице воспринималось бы как выражение эмоций. Но на его физиономии это выглядело как червяк, переползающий с одной щеки на другую.

— Иди за мной.

42

Время — вот что приближало нашу гибель. Весь тот день мы были в смертельной опасности. Мы не осмеливались делать ничего, что бы уменьшило наши страхи или же улучшило положение. Периодически мы следили за Симоном и его людьми, но те не двигались с места и ни разу не выказывали намерения снять лагерь. Думаю, мы все догадывались, чего они ждали. Ждали ночи, возвращения вампира, откуда бы он ни появился. Мы знали, что в доме его нет, ибо видели гроб, а он был пуст. Если вампир не вернется, мы и на следующий день окажемся запертыми в ловушке, а что дальше? Симон казался человеком терпеливым, несмотря на все рассказы Сторроу о его немыслимой жестокости.

Прошел день, а они все ждали. Солдаты умеют ждать, это они умеют лучше всего. Мы убивали время, как могли. Я все хотел вернуться к двери в конце коридора и снова поговорить с Биллом, но не вернулся.

Когда оранжевый свет тронул небо над деревьями, мне показалось, будто все мы затаили дыхание, неуверенные, то ли почувствовать облегчение, то ли преисполниться страха. В лагере мятежников тоже было некоторое оживление, думаю, такого же характера. Напряжение росло, накапливалось, но это продолжалось недолго. Все — Янкс, Немец Питт, Сторроу, Нудд и я — столпились у окна, не беспокоясь о том, что кто-то мог увидеть наши лица.

Никто из нас не заметил, как он появился, хотя, наверное, лошади его почувствовали. Они становились на дыбы, рвались в поводу, словно хотели убежать. Мне казалось, их ржание было громче всего, что я слышал в тот день. И тогда появился он, вампир Обидая Чесс, встав у огня, будто грея свое бледное тело. Словно все это время он там и был.

Свидетельство Алвы Гриста

43

Аркли отвел ее обратно в музей, на нижний этаж, где Малверн так и лежала в своем гробу. Когда они подошли, Кэкстон взглянула на старую вампиршу, пытаясь сложить вместе куски головоломки.

От Малверн осталось не много. Ее кожа превратилась в пергамент, все еще снежно-белый, но испещренный темными пятнами. Местами он слез, повиснув клоками. Большая часть скальпа отсутствовала, из-под него виднелась желтая кость. Треугольные уши висели, вялые и ободранные. Один глаз отсутствовал — так было всегда, — а другой был лишь сгустком плоти молочного цвета, которая вращалась в глазнице. Кэкстон сомневалась, что Малверн могла видеть этим глазом.

Однако все это не значило, что вампирша была мертва. Когда Кэкстон нагнулась над гробом, голова Малверн потянулась вперед на тщедушной шее, медленно шевеля челюстями. Каким-то образом она чувствовала присутствие Кэкстон и пыталась укусить, вонзиться в ее плоть и высосать кровь.

Когда Кэкстон отпрянула от нее, челюсти сомкнулись так же медленно, как открылись.

Вампир из Геттисберга, ее вампир, должен был выглядеть так же. Любой вампир старше ста лет должен был так же разложиться и ослабеть. Несмотря на то что он пил кровь Гейстдорфера, этого ему было недостаточно. До сих пор неясно, как он смог ходить или хотя бы просто встать. А еще меньше, как он смог убежать от полицейской машины или швырнуть Кэкстон, будто тряпичную куклу.

Аркли кашлянул. Кэкстон повернулась и увидела, что он стоит возле выставочного шкафа. Внутри находились голова и плечи человека, часть кожи и мышц которого были удалены. Кровеносные жилы были дотошно выставлены на обозрение и покрыты пластиком разного цвета, чтобы можно было различать вены и артерии. Поверх шкафа стоял дешевый черный ноутбук. Аркли раскрыл его и повернул экран так, чтобы Кэкстон было видно.

— Если помнишь, она нас предупреждала, — сказал он. — Малверн сказала, что он придет за ней.

Он щелкнул клавишу пробела, и компьютер очнулся от спящего режима. На экране появилось белое окошко, поле текстового редактора Сообщение самой Малверн было набрано большими буквами, курсивом; набрано полностью, оттого немного более понятно:

Прииде он за мной

— Прииде он за мной. Точно, — кивнула Кэкстон. — Она веселилась. Смеялась над нами, она знала, что довольно скоро он появится, чтобы вытащить ее из всего этого. Принесет ей кровь или... что-нибудь. Я думала, может, он знает какое-нибудь заклятие. Она называет их молениями, так? Какое-нибудь моление, которое восстановило бы ее.

— Да, я тоже так думал. Потом я понял, что она не настолько глупа.

Аркли встал перед экраном и прокрутил страницу вниз.

— Зачем оставлять нам письменное предупреждение? Мы ведь и подумать не могли, что он знает, кто она такая. Сообщив нам, что он придет за ней, она давала нам уйму времени подготовиться. Я понял, что нам нужно больше информации, поэтому чуть раньше этим вечером я посадил ее и дал напечатать кое-что еще.

Он шагнул в сторону, так, чтобы экран стал виден Кэкстон. Следующее послание гласило:

Защитить меня должна ты это дом твой Лора

— Защитить... — Кэкстон прижала руку к губам.

— О! Кажется, ты начинаешь улавливать суть, — воскликнул Аркли.

Кэкстон кивнула. Да, она улавливала ее. Вампир из Геттисберга протащил ее весь этот путь не для того, чтобы оживить Малверн. Он пришел, чтобы уничтожить ее.

— Но... они же не воюют друг против друга. Они объединяются.

— Никогда не думай, будто то, что ты знаешь наверняка об одном вампире, будет верно в отношении всех остальных, — объяснил Аркли. — Это точный путь к собственной смерти.

Тон был ей знаком: она слышала его прежде сотни раз. Тон школьного учителя, поправляющего ученика, который никак не выучит самый главный урок.

— Откуда мне было знать, — растерянно сказала она.

— Я позвонил тебе сразу, как она закончила печатать. Ты что, не получила сообщения?

Ее сотовый... Кэкстон получила сообщение, пока стояла на парковке. Как раз перед тем, как они вошли внутрь.

— Я была не в том положении, чтобы принять его, — ответила она. — Он стоял и смотрел за всем, что я делаю. Все, что я могла, так это отправить сообщение вам.

Аркли кивнул, но вид у него был вовсе не прощающий.

— Черт подери, — пробормотал он. — Я больше двадцати лет искал способ убить ее. Я всю карьеру на это положил. И вечно суды стояли у меня на дороге. Скольким унижениям и

мукам был бы положен конец, и с какой легкостью! Если б у тебя хватило терпения.

Щеки Кэкстон запылали, но она не собиралась брать вину на себя.

— Ваши унижения. И муки ваши.

Это правда, он неустанно пытался найти способ положить конец интриганству Малверн. Положить конец ее существованию. И то, что сказала Малверн, тоже правда.

— Это сообщение, — сказала Кэкстон, показывая на экран, — было не для вас. Оно было для меня.

Оно было адресовано прямо к ней, по имени. Аркли фыркнул.

— Оно сто раз подумает, прежде чем взывать к моей доброй душе.

Он взял ноутбук и пододвинул его ближе к гробу, ставя на выставочный шкаф как раз там, куда могла дотянуться Малверн.

Скелетообразная рука медленно поднялась из гроба, очень медленно, и разложившиеся пальцы почти безжизненно легли на клавиатуру. С болезненной медлительностью указательный палец вампириши судорожно нажал клавишу «О». Рука упала на целую минуту, пальцы медленно сжимались и разжимались, словно были слишком слабы, чтобы лежать спокойно. Потом рука потянулась опять, шурша по клавишам, словно сухой лист, несомый осенним ветром, передвигаясь левее, чтобы нажать «Н».

Что-то в том, как двигалась эта рука, беспокоило Кэкстон. Несмотря на медлительность, с которой Малверн двигалась от клавиши к клавише, она все равно печатала достаточно быстро.

— Она стала ловчее, — сказала, нахмурившись, Кэкстон.

Она посмотрела на сообщение, которое уже было на экране, то самое, вызывающее к ее помощи.

— И кажется, она вспомнила, как пользоваться пробелом.

Первое сообщение — «приидеонзамной», было намного менее внятным.

— Что тут происходит? — потребовала она ответа. — Вы что сделали?

Она боялась, что ответ ей уже известен.

— На то, чтобы набрать последнее сообщение, у нее ушло несколько дней. На один удар по клавише у нее уходило часа четыре. У меня столько времени нет. — Аркли не отрывал взгляда от экрана.

— Так значит, вы ускорили ход событий!

Он была в ужасе еще и оттого, что знала, каким образом он это сделал.

— Руки покажите! — потребовала Лора.

Аркли снова фыркнул. Но Кэкстон не шутила. Ей нужно было знать. Она схватила Аркли за левую руку. Ту самую, без пальцев. Он даже не сопротивлялся, когда она задрала рукав. Вокруг запястья была плотно намотана повязка чистого белого бинта.

— Вы кормили ее, — выдохнула Лора, сама себе не веря, не зная, как это понимать. Это было очень плохо, вот что она знала. — Ублюдок! Вы кормили ее!

Когда Малверн впервые оказалась под защитой суда, за ней присматривали доктора. Их было двое, и она была в ответе за смерть обоих. Они кормили ее так же — своей собственной кровью. Аркли потратил годы на то, чтобы добиться решения суда о запрещении им делать это. А теперь сам сделал то же самое.

Кэкстон только и могла, что недоверчиво покачать головой.

44

Вампир был в костюме, как джентльмен, с вышитой золотом феской на голове. Глаза горели в свете костра. Лицо было гладко выбрито, а белая кожа сияла в темноте.

— Вы хотели побеседовать со мной? — спросил он.

Симонон медленно встал из-за походного стола и приблизился.

— Я хотел бы попросить вас о помощи, — сказал рейнджер.

А он был не трус, этот человек, скажу я вам.

— Джефф Дэвис любезно приглашает присоединиться к его обществу.

— Вы меня завербовали! — хохотнул вампир. — Сделали одним из своих новобранцев. Или, может, я — офицер? Мне не нравится перспектива выполнять приказы.

— Тогда станьте партизаном, как я, — предложил Симонон. — Выбирайте себе мишени, это разрешено.

— Да ну? — Вампир не шелохнулся, пальцем не шевельнул.

И все же мы видели, как напряглись его мышцы, свободно перекатываясь под кожей, которая, казалось, была ему тесна. Он был словно кугуар, готовый броситься на оленя.

— А если я выберу вас?

И тут он ударил его обеими руками, его зубы впились в плечо Симонона. Рейнджер вскрикнул, когда плоть и кости разорвались, а горячая кровь плеснула вампиру в рот и на щеки. Наше изумление сопровождалось только ревом толпы мятежников под нами.

Кто-то вскинул оружие, и я видел выхваченные сабли, но никто не бросился помогать своему жожаку. Он был уже мертв, и все присутствующие знали это. Вампир закончил свое пиршество, потом уронил жертву на землю, как человек отбрасывает кости обглоданного жареного цыпленка. Потом повернулся, чтобы взглянуть на кавалеристов, которые окружали его.

— Я хозяин этого дома, и никого из вас я не приглашал быть моими гостями. Возвращайтесь к Джеффу Дэвису и скажите ему, что я не стану служить ни единому человеку, ни Богу, ни самому дьяволу. Идите и передайте!

Свидетельство Алвы Гриста

45

Пока они ждали, когда Малверн наберет очередное сообщение, пришлось сделать миллион звонков. Слишком много, чтобы оставаться честной. Местная городская полиция в полном составе требовала советов и успокоений. Аркли взял на себя всю тяготу этих киваний, даканий, подтверждения всех протоколов. Комиссар полиции Филадельфии отнял у Кэкстон полчаса времени, требуя ответить, зачем она принесла его городу столько проблем и что она собралась делать с этим. Она предложила сделать сообщение для прессы, готовая взять всю вину на себя. Тогда он заткнулся и, когда снова подал голос, сказал ей, что с этого момента берет дело в свои руки.

И только после того, как разговор закончился, Кэкстон поняла. Она пыталась помочь, но вместо этого комиссар воспринял ее предложение как угрозу. Должно быть, он слышал, что произошло с туристическим бизнесом Геттисберга после того, как она там побеседовала с прессой.

Геттисберг... снова звонок — звонок, который ей было трудно сделать: начальнику полиции Висенте. Он был недоволен, что его разбудили. Но тем не менее заговорил любезно, когда услышал, откуда и почему она звонит.

— Не торопитесь обратно, — сказал он с легким смешком, пытаясь подсластить пилюлю.

Не сработало.

— Я ведь могу сказать своим людям, что чрезвычайное положение отменяется? — спросил он.

Кэкстон прикусила губу. Она довольно долго колебалась, поэтому он спросил, тут ли она, или же связь оборвалась.

— Да, — сказала она наконец. — Я еще тут. Думаю, вашим людям опасность не угрожает.

Это было все, чего он от нее хотел... и все, что он когда-либо хотел услышать от нее.

— Мы знаем: все, что ему нужно, находится здесь. Думаю, он предпримет новую попытку завтра ночью.

Впрочем, что-то все еще беспокоило ее. Она подумала о том, что скажет Аркли. Старый федерал хотел, чтобы они оставались начеку, просто на всякий случай. Неужели Геттисбергу будет так плохо, если полиция станет держать ухо востро?

— Однако я ничего не гарантирую. Вы можете не пускать туристов еще день или два?

— У нас нет выбора. Девяносто процентов заказов на отели на эту неделю уже отменены. Ваш вампир стоил нам миллионы долларов в день, и не думаю, что ситуация изменится, пока вы не дадите нам зеленый свет.

Лора подумала о Гэррити и Гейстдорфере. Если вампир убьет еще одного человека, сколько миллионов это будет стоить?

— Вы пригласили меня как консультанта, — сказала она наконец. — Я не могу приказывать вам, могу просто посоветовать. И мой совет: оставаться начеку, пока мы не подтвердим, что вампир убит.

— Вы просто прикрываете себе задницу, — ответил он полувопросительно.

Или обвинительно.

Так ли это было? Наверное. Но она не обязана была говорить только потому, что ему хотелось услышать это от нее.

— Я думаю, так будет лучше, комиссар, — сказала она с легкой сталью в голосе. — Даже если это означает ошибиться в степени угрозы.

— Я рассчитываю на вас, офицер, — ответил он. — Вы уже убивали этих придурков. Это ваше дело.

С этими словами он повесил трубку.

Аркли убрал свой телефон и жестом пригласил ее подойти туда, где стоял он. Однако у нее оставался еще один звонок, и отложить его было нельзя.

Когда Клара ответила, на линии было множество странных помех и приглушенных голосов. У Кэкстон кровь застыла в жилах, когда она услышала, как ее любимая смеется и кричит:

— Что? Что? Нет, заткнитесь! Это Лора. Привет, детка.

Кэкстон улыбнулась через силу.

— У тебя там что, телевизор включен?

— Да... да Хватит! Прости. Тут Энджи и Мирна, мы устраиваем кинофестиваль Мэгги Гилленхаал. Сейчас идет «Донни Дарко», а «Секретаршу» мы уже посмотрели. Ты едешь домой? Я пошлю кого-нибудь взять еще пива.

Кэкстон вздохнула и шлепнулась на деревянную скамью. Волна ревности накатила на нее, словно тошнота. Клара была знакома с Энджи со старших классов. Каждый раз, когда Кэкстон с ней встречалась, у нее был новый цвет волос. В последней своей инкарнации она была маленькой готической цыпочкой с крашенными в черный цвет волосами и множеством кружевных рубашечек, которые ей и до пупка не доставали. Она якобы была натуралкой, но все знали, что она влюблена в Клару. У Мирны же были красивые руки и обесцвеченные под седину волосы, которые беспорядочно торчали на голове. Она была бывшей, последней женщиной Клары, до того как та встретила Кэкстон. Если бы Лора спросила напрямую, Клара бы ей ответила, что они только друзья, но по определенным причинам она не осмеливалась спрашивать.

Она не осмелилась сказать ничего из того, что ей хотелось. Она думала, что Клара будет одна, что ей ничего не останется, только слушать, как Кэкстон говорит, что ей было страшно в машине, что ее больно схватил вампир, что ее чуть не убили. Это был бы не первый раз, когда Клара исполняла роль жилетки. Впрочем, она не могла и приехать, испортив девчонкам кинозачер.

— Я в Филадельфии, — сказала она наконец. — Наверное, на всю ночь. Может, и на завтрашнюю тоже. Можешь покормить собак?

— Э-э-э, да, могу... ты в порядке? То есть ты жива, это факт.

— Да. — Кэкстон почесала бровь.
— Ну, это хорошо. Ты же знаешь, я волнуюсь.
— Я знаю.

Голос Клары изменился. Шум на заднем плане стих, и звук стал четче, но было и еще кое-что. Она внезапно посерьезнела.

— Я просто вышла на улицу, чтобы лучше слышать. Тут холодно. Ты правда в порядке? То есть ты не ранена?

— Нет. — Кэкстон закрыла глаза. — Возвращайся к своему фильму.

Внезапно оказалось, что это все, чего ей хотелось. Чтобы Клара была где-то в тепле и безопасности, окруженная друзьями.

— Хорошо. Возвращайся, как сможешь.

— Не сомневайся, — сказала Кэкстон и выключила телефон.

В тишине, в темном музее, она почувствовала, как что-то черное расправляет крылья. Все страхи и боль готовы были наброситься на нее. Если она позволит им. Когда они нахлынут, она просто скорчится в углу и закачается туда-сюда, бормоча что-то про себя. Она упадет в ступор.

Но это не вариант. Чтобы прогнать тьму, Кэкстон вернулась назад, к гробу, и прочитала, что Малверн напечатала на компьютере.

*он был солдатом, вот все, что знаю благодарным за то, что дала я
ему все они любят кровь вкус*

— Пользы не много, — сказал Аркли, выходя у нее из-за спины. — Мы уже установили, что именно она сделала его вампиром, так? И то, что он был солдатом, — просто исходя из здравого смысла и принимая во внимание место, где он похоронен.

— Наверное, нужно попробовать задать действительно важные вопросы, — предложила Кэкстон.

— Скажи нам, куда, по-твоему, он зароется. Или как его зовут. Что я действительно хотела бы знать, — заметила она, — это как ему удалось обмануть время. Он лишь в половину младше тебя, но силы у него как у свежее испеченного вампира. Как, черт возьми, ему это удастся?

Рука Малверн потянулась к клавиатуре. Кэкстон следила за тем, как она скользит по клавишам, ощущая их контуры. И не в первый раз ей пришлось в голову, что рука передвигается как планшетка для спиритических сеансов.

Аркли посмотрел на Лору. Губы скривились с одной стороны.

— Чтобы ответить на это, потребуется некоторое время. Нам его хватит с лихвой, чтобы проверить кости, за которыми я сюда приехал.

Они оставили Малверн печатать и отправились вниз, в подвалы музея Мюттера.

46

Поселенец из белых бедняков, который клялся, что никогда не имел и не хотел иметь рабов, стал моим первым осведомителем. Я едва не сбил его на дороге. Он тащил весь свой скарб на спине и сказал, что направляется в дом своего брата и не может долго мешкать. Тем не менее, когда я дал ему воды и кусок того, что солдаты называют мясными консервами, он оказался довольно словоохотлив.

Он знал приблизительно, где была плантация Чесса, хотя сам никогда и ни за что не пошел бы туда.

— Там обитают призраки, — заверил он меня, — или еще кто похуже.

Судя по тону, он был убежден во втором.

— Старый Марс Джосайя Чесс построил здесь дом в прошлом веке. И усталил разными чудовищными штуковинами. Костями огромных ящериц,

выкопанными из земли, слонов, тигров и тому подобного. И человеческими костями, так я слышал. Говорят, помер он из-за своих причуд, а не из-за взбунтовавшегося раба или...

Я рискнул предположить:

— Или чего-нибудь похуже.

Мой собеседник радостно кивнул.

— Его сын Захария принял управление этим местом и сделал из него приличный дом. Уж десять лет как он помер. Его сын Обидаю пришел вслед за ним, но больше род продолжать некому. Обидаю же так никто и не видел, с тех пор как начались нынешние неприятности.

Я поблагодарил человека и поспешил. Я был не более чем в миле от своей цели, когда меня остановил караульный и доставил в лагерь, где после многодневного марша стоял Третий добровольческий пехотный полк штата Мэн. Я громко протестовал, но знал, что это бесполезно: меня должен был проверить местный командующий, прежде чем я смогу двинуться дальше в путь. Клянусь, иногда легче передвигаться между линиями врага. Офицер, некий Мозес Лэйкмен, оказался довольно приятным парнем. Я рассказал ему, куда направляюсь, и он поклялся именем Создателя.

— Прямо сейчас у меня там отряд с разведывательной целью! Не говорите мне, что я послал их в пресловутое львиное логово.

Но ничего подобного я утверждать не мог.

Из записок Уильяма Питтенгера

47

Следуя за Аркли, Лора прошла по короткому коридору со сводчатым кирпичным потолком. Лампы аварийного освещения, забранные решетками, висели через каждые несколько ярдов, а длинные ржавые трубы шипели по обе стороны от нее. В конце коридора находилось большое открытое помещение, запиравшееся прочной металлической дверью. Внутри мощные кондиционеры у потолка выбрасывали потоки холодного воздуха, и Кэкстон моментально замерзла. Воздух казался странным еще и по другим причинам. Очень сухой. Кирпичные стены поколение за поколением покрывались штукатуркой, но здесь было намного меньше света, чем наверху, и намного больше тени. Помещение было заставлено металлическими эмалированными шкафами. Они стояли длинными рядами как раз на таком расстоянии, чтобы можно было пройти между ними. Одни были простыми картотечными шкафами, другие — достаточно большими, чтобы хранить очень крупные предметы. Каждый шкаф был маркирован еле заметными знаками. Местами чернила были такими старыми и выцветшими, что Кэкстон едва могла разобрать линии цифр и букв.

У нее было чувство, будто она знает, что находится в этих шкафах. Они были не такими красивыми и хорошо отполированными, как выставочные стенды музея, но, похоже, служили той же самой цели. Здесь хранилась истинная коллекция музея Мюттера — все разнообразие костей, биологических аномалий и медицинского оборудования, которое собиралось начальниками музея с 1780-х годов. Эта коллекция по тем или иным причинам не годилась для экспонирования.

Аркли остановился перед высоким шкафом с тремя длинными выдвижными ящиками. Проходя по комнате, он взял переплетенный кожей журнал — большой grossбух с вытершимся на обложке золотым тиснением. Должно быть, это был каталог содержимого этих многочисленных шкафов. Он наклонился, чтобы сравнить номер шкафа с какими-то данными в журнале, потом вытащил вложенный в него листок белой бумаги.

— У нас есть разрешение находиться здесь? — спросила Кэкстон.

— Гарольд сказал, все в порядке, — ответил он.

— Гарольд — ночной сторож, — нахмурилась Лора. — Он из-за этого может легко расстаться с работой. Он вам что-то должен?

Друзей у Аркли было мало, дело было в чем-то более серьезном.

Старый федерал вздохнул. Он закрыл журнал и положил его на картотеку.

— Лет двадцать назад у Гарольда была семья. В Западной Виргинии, в Ливерпуле, он держал строительный магазин. У него была прелестная жена и прелестная маленькая дочка по имени Саманта.

Кэкстон мысленно связала одно с другим.

— Ливерпуль был местом, где вы впервые столкнулись с Лэрсом. — (Это было первое дело Аркли о вампирах, то самое, которое изменило всю его жизнь.) — Я помню детали. Там была пижамная вечеринка. Шесть молоденьких девушек. Лэрс...

— Изорвал их в куски. — Аркли смотрел ей прямо в глаза. — Я голыми руками вырвал сердце Лэрса у него из груди, но это не вернуло Гарольду его дочери. И брака тоже. Он начал пить, потерял свой магазин. Переехал в этот штат, сменил несколько случайных работ. С тех пор он так и не оправился. Но есть еще, как говорят в Ливерпуле, добрые люди, а он человек добрый. Гарольд будет держать язык за зубами и предупредит нас, чтобы нас тут не застукали. А теперь помоги мне с этим. Могут понадобиться две руки.

Лора сделала, как он сказал. Она потянулась вниз, чтобы выдвинуть нижний ящик шкафа металлический поднос, достаточно длинный, чтобы вместить человеческое тело. Ручки ящика показались на ощупь ледяными. Когда он выскользнул наружу, Кэкстон обнаружила длинный черный пластиковый мешок с молнией по всей длине.

— Именно Гарольд написал мне недавно и сказал, что в Мюттере есть один экспонат, который меня заинтересует. Когда он сказал, что тот датируется тысяча восемьсот шестьдесят третьим годом, я решил, что следует не просто удовлетворить свое любопытство. — Он помахал сложенным листком бумаги. — До твоего приезда я сделал небольшое исследование. Позволь, я покажу тебе, что я откопал. Объект шестьдесят семь-С, лот тысяча восемьсот шестьдесят три-А. Остатки, частичные, мужчины. Предположительно вампир.

Аркли опустил взгляд от бумаги и кивнул, чтобы она расстегнула молнию.

— Думаю, мы сможем это подтвердить.

Кэкстон молча согласилась. Она видела много вампирских скелетов — особенно если считать те девяносто девять из пещеры в Геттисберге — и знала, что смотреть надо на челюсть. Ряды полупрозрачных зубов выдавались из верхней челюсти, некоторые высывались так далеко, что, казалось, должны были резать вампиру губу каждый раз, когда он открывал или закрывал рот.

— Это вампир, точно.

Вампир, найденный в год сражения при Геттисберге. Тот самый год, по-видимому, когда пещера под полем сражения была заполнена гробами.

— Думаете, этот вампир знал нашего подозреваемого?

— Это было бы удивительно, если бы не знал. Вампиров в любой период истории буквально по пальцам можно пересчитать. Они ищут друг друга, как могут.

Аркли прочитал по бумагам:

— Предположительно кости вампира. Остатки некоего Обидии Чесса из Виргинии. Надеюсь, ты сможешь вспомнить это имя.

Кэкстон порылась в памяти.

— Черт! — воскликнула она.

Она вспомнила.

— Малверн впервые попала в Америку, когда она уже была настолько слаба, что не могла вылезти из гроба. Поэтому ее продали как ископаемое парню по имени... эээ... — Она напрягала память. — Джосайя. Джосайя Марс Чесс.

Аркли прижал указательный палец к крылу носа.

— Она убила Джосайю, я практически уверен в этом. Его нашли без единой капли крови. Но, однако, до этого он успел дать жизнь сыну, Захарии Чессу, чья жизнь вроде бы была совершенно заурядной. У Захарии родился еще один сын. Того звали Обидая. В то

время Малверн тихо гнила на чердаке плантации Чессов. Деталей не знаю, но я готов об заклад побиться, что именно Малверн превратила Обидаю в то, что лежит сейчас перед тобой.

Холод, который объял Кэкстон, не имел ничего общего с кондиционерами воздуха.

«Объект приобретен при необычных обстоятельствах, пожертвование Военного департамента. Подписано К. Бенджамином, дальнейшие подробности можно выяснить у него», — прочел Аркли и подумал: «Ну, это будет затруднительно, ибо доктор Бенджамин скончался больше ста лет тому назад. Но он был так любезен, что оставил нам некоторые записи».

Здоровой рукой Аркли вытащил лист из пачки и начал читать в тишине, медленно двигая головой из стороны в сторону, а Кэкстон оставалось только ждать. Она кинула случайный взгляд на кости в ящике, но от этого у нее мороз по коже пошел.

— Могу я взглянуть, когда вы...

— Готово, — ответил Аркли.

Он протянул ей листок. Это была старая фотокопия древнего документа, написанного размашистым наклонным почерком. Кэкстон перечитала его дважды.

«Экспонат подготовлен капитаном Кастисом Бенджамином, хирургом. По запросу полковника Питтенгера из Военного департамента я осуществил предварительный осмотр. Результаты следующие. Останки перевезены на изучение в Медицинский колледж Филадельфии 25 июня 1863 года. Той же ночью после ужина я получил в личное распоряжение два деревянных ящика и немедленно поместил их в анатомический театр. Там с помощью моего коллеги доктора Эндрю Гормана, сотрудника медицинского колледжа, я осуществил вскрытие объекта. Осмотр начался в половине девятого вечера.

Объект был доставлен в виде скелета. Сердце находилось в отдельной упаковке, обложенное древесной стружкой. Его обследовали первым; было обнаружено, что оно весит двенадцать с половиной унций (немного больше обычного человеческого сердца), имеет черно-красную окраску и при нажатии выделяет бледно-молочный секрет. Хорошо выраженного запаха нет, и, несмотря на отделение от тела в течение нескольких дней, отсутствуют даже малейшие признаки разложения.

По возвращении в останки тела сердце немедленно начало биться. Выделение бело-молочного секрета значительно возросло. В зоне наибольшей активности наблюдалось выделение пара и ощутимого тепла, и спустя десять минут стало очевидно некоторое восстановление плоти. И все это несмотря на удаление сердца из тела на длительный период.

По просьбе полковника Питтенгера мы перешли к применению четырех унций человеческой крови, взятых из левой руки доктора Гормана. Регенерация заметно усилилась. На протяжении одного часа мышечная ткань начала связываться, за это время стал отчетливо виден полный набор органов.

Майор Горман выразил нежелание наблюдать за полным восстановлением тела. Я поддержал его. Сердце было изъято. Восстановившиеся ткани и органы быстро разрушились, словно наполненная воздухом и проколота камера. Сердце было уничтожено согласно указаниям, и мужчина был полностью умерщвлен в четверть первого, 26 июня 1863 года Господня».

Когда Кэкстон закончила, она посмотрела на Аркли. Он улыбался, словно кот, в пасти у которого была мышь.

— Скажешь первой?

Она точно знала, куда он клонит.

— Нет, — ответила она. — Я думаю, вы пришли к неверному заключению. Сердце этого вампира было удалено на пару дней. Когда они положили его обратно, он, конечно, начал восстанавливаться. Спустя пару дней! Гейстдорфер обнаружил сердце моего вампира на крышке его гроба. Он вложил его внутрь, и вампир ожил. Я понимаю, к чему вы клоните,

но я не могу согласиться. Слишком много времени прошло для этого.

Сердце наверняка бы сгнило за сто сорок лет. Предполагать иное было абсурдно. Но как иначе она могла объяснить состояние вампира? Он обманул время.

И все же ей не верилось. Она покачала головой.

— Скажи-ка патрульный, — настойчиво поинтересовался Аркли. — Если те врачи не уничтожили сердце... если они сохранили его в одном из шкафов... Быть может, ты хочешь воссоединить его с этими костями, только чтобы доказать свою правоту? Хочешь воспользоваться шансом?

Кэкстон смотрела куда угодно, только не ему в лицо. Потом она захлопнула ящик и оттолкнула его ногой, чтобы не видеть этих костей.

48

Из-за вампира, который находился внизу, единственный наш путь отступления был вверх. Мы должны были найти лестницу, чтобы сбежать. Думая, что он нашел дорогу к куполу, Сторроу бросился к закрытой двери и ворвался внутрь. Сердце подскочило у меня в груди, я не мог говорить, хоть и знал, что это была не та дверь и кое-что лежало за ней. Первым вошел Эбен Нудд.

— О боже милостивый! — воскликнул он.

Сильнее выражения я от него не слышал никогда. Отыскать причину его отвращения было нетрудно.

Комната по ту сторону двери была еще одним будуаром, очевидно принадлежавшим хозяйке дома. Обстановка когда-то, наверное, была роскошной, но степень ее упадка мне некогда было изучать. Одна деталь в этой комнате требовала всего моего внимания. Это был гроб, простая сосновая коробка, сужающаяся книзу, и он был открыт. Внутри лежало существо, не похожее ни на одно другое, которое мы встречали прежде.

У нее была бледная кожа и отсутствовали волосы, как у вампира, заостренные уши. Несомненно, были и клыки. И все же она выглядела как труп полугодовой давности, тело было изъедено червями, лицо — скопление болячек и гнойных пузырей. У нее был один только глаз; второй давно сморщился и, наверное, сгнил. Она не шелохнулась, не поднялась с места, а только глядела оставшимся глазом.

— Еще одна, — выдохнул Сторроу. — Это еще одна?

Ни у кого из нас не было времени отвечать ему. В это время одним-единственным ударом по голове Билл саданул Немца Пита. У него была массивная дубина, сделанная из ножки туалетного столика, и он не терял времени.

Эбен Нудд не стал ждать, пока тело упадет на пол, он вскинул винтовку. Однако было слишком поздно, Билл умчался прочь, и я больше никогда не видел его. Судя по тому, как он выглядел, по тому, в каком состоянии он был, долго ему было не протянуть.

Свидетельство Алвы Гриста

49

— В действительности мы так мало знаем о них, — сказал Аркли. — Ни один ученый отродясь не составлял ничего существеннее частичного описания. Их не поймать, не посадить в зоопарк, чтоб на них глазели школьники, и, к счастью, они достаточно редки, чтобы кто-нибудь попытался это сделать. Мы ничего не понимаем в их магии, их молениях и даже в том, как работает их проклятие. Оно противоречит всему, что мы знаем.

— Да вы хоть понимаете, о чем говорите? Они сильнее нас и, наверное, умнее. Мы с трудом можем уничтожать их, в то время как они нас запросто уничтожают. Единственное, на что мы можем полагаться, единственное реальное преимущество, которое мы имеем перед

ними, это то, что они стареют еще быстрее, чем мы. Они лишаются сил.

Кэкстон вспомнила старые сказки о вампирах, которые оставались вечно молодыми, их красота и сила поддерживались регулярным доступом к огромным количествам крови. Это был миф, мечта, которую каждый вампир пытался воплотить в реальность. Это было то, ради чего все еще жила Малверн: надежда, что когда-нибудь она полностью восстановится, если только получит достаточное количество крови.

И вот доказательство: кости в ящике, запись Кастиса Бенджамина, хирурга... Вероятно, это был пусть и не совсем совершенный, но вариант для вампиров жить веками, не теряя своей силы.

Все, что им было нужно, это чтобы кто-нибудь вынул сердце из их останков и сохранил в безопасном месте. Дни, годы, века спустя сердце можно вернуть в тело, и вампир оживет, почти такой же сильный, как обычно, но очень голодный и готовый выйти на охоту.

Это не вполне вечная молодость. Но это было так близко к ней.

Лора подумала о том, как вампир из Геттисберга — ее вампир, как она привыкла о нем думать, — выглядел, когда она впервые увидела его. Тощий, с плохой кожей, с конечностями как палки. Его грудная клетка заметно выдавалась из-под белой кожи, а лицо было пустым и истощенным. Так и должно было быть после многих десятилетий без свежей крови. И все же, как только он начал пить снова, он восстанавливался с поразительной быстротой.

— Если у тебя есть версия получше, поделись, — съязвил Аркли.

Кэкстон молча кипела от злости, не желая сдавать свои позиции. Сознывая, что в любом случае Аркли прав.

— Ладно, — отмахнулась она.

— По крайней мере, такова рабочая гипотеза.

— Ладно! — выкрикнула она снова.

Она протянула ему фотокопию, и он сунул ее себе в карман. Кэкстон провела пальцами по волосам, выставив в стороны локти. Она медленно отвернулась от федерала. Усталость и страх навалились на нее, словно она бежала по темному коридору и врезалась напрямик в стену, которую не заметила.

— Я просто... я не могу... они уже слишком сильны! Они слишком хороши в том, что делают. А теперь еще и эта способность. Я понимаю, она всегда у них была, но мы бродили впотьмах и даже не понимали этого. Мы не можем угнаться за ними. Я не могу угнаться.

Она направилась вон из комнаты. Подальше от него, от костей. Ей не хотелось видеть новые скелеты, не хотелось быть с ними рядом. Никогда больше.

— Я не могу это делать, — сказала она.

— Лора! — крикнул Аркли.

Она почувствовала себя так, словно ее окатили холодной водой. Она не могла вспомнить, когда в последний раз он называл ее по имени. Лора не сомневалась, он сделал это намеренно, чтобы привлечь ее внимание, поэтому развернулась и посмотрела на него футов с двадцати.

— Я и так уже в штаны наложила со страха, — сказала она.

— Тогда встряхни их. Немедленно.

Она кивнула. Сглотнула с трудом, горло все еще было распухшим и болело. Лора боролась с головокружением, сосредоточиваясь снова.

— Что будем делать дальше? — спросила она наконец.

Глаза Аркли расширились.

— Это ты мне скажи.

Довольно честно. Это было ее расследование.

— Раз ничего не остается, пойдем посмотрим, что там Малверн понаписала. Потом я собираюсь встретиться с местной полицией. Наш вампир наверняка не собирается атаковать сегодня ночью... ни здесь, ни где-либо еще. Он уже сыт, и он достаточно умен, чтобы скрыться с улиц. Завтра ночью — другое дело.

Аркли кивнул и пошел за ней по лестнице назад в музей. Поднимался он довольно

медленно: просто одно колено плохо сгибалось и ему с трудом приходилось взбираться на каждую ступеньку. На первом пролете он остановился передохнуть, просто встал, глядя на свои ботинки. Лоре захотелось поторопить его, но из уважения она подождала, пока он отдышится.

Малверн наверху трудилась вовсю. Когда они подошли к ее гробу, они обнаружили, что она довольно много напечатала на компьютере. Ее рука все еще лежала на клавиатуре, но не шевелилась, наверное, Малверн дожидалась нового вопроса или просто выдохлась.

То, что она написала, поразило их обоих.

*ответов, что ищете, нет у меня но есть и другой, кто знает мертвец в
доме этом я призвать могу его цену ты знаешь*

Кэкстон вновь перечитала слова на экране компьютера.

— Она говорит, якобы может призвать Гейстдорфера как не-мертвого. Она утверждает, будто он знает нечто, что может нам пригодиться. Откуда она об этом знает?

— Ты же прекрасно понимаешь, они могут общаться без слов, — пояснил Аркли. — Она почувствовала приближение вампира. Должно быть, смерть Гейстдорфера она тоже ощутила. Думаю, нам надо так и сделать.

— Нет, нет, нет. Нет. Абсолютно невозможно, — возразила Кэкстон. — Никогда. Этого нельзя делать. Вероятность нулевая, поэтому перестаньте даже думать об этом.

Это она говорила сама себе. Аркли вернулся к гробу, терпеливо задавая Малверн вопросы и следя за тем, как она мучительно долго пишет ответы, одну букву за другой.

— Нет. Мы никогда не сделаем этого.

Она стояла в углу и бормотала это про себя. Ей казалось, она сходит с ума. Но она была не сумасшедшая. Это Аркли свихнулся, посмеив предложить подобное. Он изменился. Его раны и горечь сожалений лишили его разума.

— Это заведомый провал.

Но Кэкстон превосходно знала, что другого пути нет. И она сделает это, поможет Малверн вернуть Гейстдорфера обратно из мертвых только для того, чтобы допросить его, это был вопрос практически решенный.

Но как бы то ни было, оставалась еще какая-то часть ее прежней, застывшее выцветшее пятно в ее душе, которое все еще было похоже на Лору Кэкстон, служительницу закона. Какая-то частица ее, которая верила в человеческое достоинство и сострадание к мертвым. Она была невелика, но ее хватило, чтобы ощутить омерзение.

— Это просто невозможно, — сказала она на этот раз громко. — Малверн не пила его крови. Это сделал мой вампир. Никто не может призвать не-мертвого, кроме вампира, который убил его.

Аркли постучал по крышке ноутбука.

— Я только что спросил то же самое, — сказал он.

Ответ Малверн был написан на экране:

проклятие одно на всех

— Что это значит? — изумилась Кэкстон.

Аркли пожал плечами.

— Это значит, разницы никакой. Поскольку кровь из тела выпита, проклятие на нем есть. То же самое проклятие, которое делят они все. Я ей верю.

— Это... страшно, — сказала Кэкстон.

Малверн была закоренелой лгуньей. Мастерским манипулятором. Поверить ей, довериться было абсолютной глупостью.

— Послушайте, ведь мы ее знаем. Мы знаем, что она скажет или сделает все, что угодно, если решит, будто это хоть на один шаг приближает к тому, чтобы выбраться из этого гроба на своих двоих. Она сказала, ей потребуется кровь, чтобы сделать это, много крови...

Аркли прокрутил страницу вниз.

сила моя слабеет мне нужно больше

— Точно. Так она получит кровь. Но что, если мы покормим ее и ничего не произойдет, а она скажет: «Ну, черт, ребята, кажется, крови недостаточно. Может, если бы вы дали мне еще чуть-чуть...» То есть сколько вы хотите ей дать?

У Малверн был ответ и на это:

одна десятая часть женской меры будет довольно

— Ого!

В теле человека находится в среднем около шести литров крови. Итак, Малверн просила немногим более половины литра. Такое количество значительно подкрепит ее, но его вряд ли будет достаточно, чтобы вернуть ее прежнюю форму.

— Если она потребует больше, то не получит. Я твердо об этом заявляю, — сказал Аркли. — Я уже все продумал, патрульный.

Кэкстон покачала головой. Что бы ни думал Аркли, он знал, что где-то тут была ловушка. Она всегда была, если речь шла о Малверн.

— Это уловка.

— Да, — согласился он. — Уловка. Это уловка, чтобы выпросить у нас кровь. Это единственное, чего она когда-либо хотела. Единственное, чего когда-либо хотел любой вампир. В обмен мы получим информацию, которая нам действительно нужна.

— В жизни не делала ничего хуже, — сказала Лора, в основном самой себе.

— Так мы начнем? — спросил Артели.

Кэкстон зажмурилась и промолчала.

— Да, — удалось ей выдать из себя, несмотря на то что крошечная частица ее существа, последний осколок того, кем она была, кричал «нет».

Она спустилась в подвал, где ждал Гарольд. Ночной сторож не задавал никаких вопросов. Он помог ей, как и прежде, взять тело Гейстдорфера, подхватив его под мышки, в то время как она схватилась за ноги. Тело казалось суше и легче, чем прежде. Лору очень тревожил тот факт, что в любой момент, без всякого предупреждения, ее вампир — вампир из Геттисберга — мог призвать Гейстдорфера. Даже пока она тащила его, вампир обладал силой его оживить.

Но этого не произошло ни тогда, когда они несли тело вверх по лестнице, ни когда они связывали руки и ноги мертвеца и клали его поверх деревянного шкафа. Из выставочной витрины поблизости на них смотрела сморщенная женская голова с рогом, растущим из лба, рот ее застыл в вечном крике. Кэкстон отвернулась и увидела кота с двумя головами: одна с открытой мяукающей пастью, а другая с глазами и пастью навсегда закрытыми.

Ни один скелет не указал на них пальцем. Ни один бесплотный голос не прозвучал из пустоты, изрекая: «Да не осмелишься!»

Музей был безмолвен и безжизнен, как и всегда. Кэкстон, конечно, божественной кары не ждала. Она знала, каким станет настоящее наказание: новое чувство вины, которое каждый раз будет преследовать ее в минуты затишья. Новые кошмары.

Но кажется, она уже начала привыкать к ним.

Когда она закончила, чувствуя себя виноватой, она повернулась, обнаружив, что Малверн оставила еще одно сообщение.

теперь я приму кровь Лоры

Отбрасывая жалость, перебарывая все свои инстинкты, Кэкстон принялась расстегивать рукав рубашки. Физическая боль, уверяла она себя, будет даже кстати.

Но тогда Аркли шагнул вперед и сказал:

— Нет. В этом нет необходимости.
И она остановилась, там, где была.
Рука Малверн снова начала двигаться по клавиатуре.
— Нет, — повторил Аркли.
Он схватился за руку и сбросил ее с клавиш. Повернулся, глядя на Кэжстон.
— Кровь дам я. Я уже резал себя этой ночью. Рана еще не затянулась как следует.
В ответ Малверн напечатала:

очень хорошо

Грист

Как благодарны мы должны быть милостивому провидению за то, что никто не тревожил эту ужасную могилу, не подозревая о кошмарном ее обитателе.

Ф. Г. Лоринг. Могила Сары

50

— Что с ней? — спросил Эбен Нудд, указывая на существо в гробу.
Никто не ответил. Больше у нас не было времени на демонов.
Мы прошли до следующей двери, той самой, которая вела к куполу. Сторроу едва не волоком тащил меня.
Мы шли так быстро, как только могли. Чесс уже поднимался по лестнице. Мы слышали его крики, хотя никто не мог разобрать слов.
Наши башмаки прогрохотали по железной галерее, которая была подвешена под куполом на брусках. Мы пролезли через разрушенную часть купола наружу, на ночной воздух, под свет миллионов звезд. Вокруг нас вздыхали темные деревья, вытягивая свои ветки. Сторроу и Эбен Нудд протолкнули меня сквозь пролом и опустили на покатый край крыши, за который я уцепился изо всех сил.
— Нам придется спуститься вниз. Постарайся не свалиться, мой тебе совет, — сказал Сторроу.
Но потом повернулся.
— Ты это слышал? — спросил он.
— Ага, — ответил Эбен Нудд.
Мы все слышали. Это был не кто иной, как вампир Чесс, следовавший за нами по пятам.
— Думаю... — начал уроженец Мэна, но что он хотел сказать, мы так никогда и не узнали.
Чесс выпрыгнул из проломленного купола, словно ядро из пушки. Он схватил Нудда за воротник и открутил ему голову, ломая с хрустом позвонки. Он не потрудился высосать кровь бывшего красномундирника, но лишь сбросил его с крыши, и тот рухнул на землю.
— Не уверен, что нас представили как полагается, — сказал Чесс.
Глаза его горели как уголья.
Свидетельство Алвы Гриста

51

— Который час? — спросил Аркли.
Он держал руку над белым эмалированным тазиком и закатывал рукав. Марлевая

повязка вокруг запястья была коричневой от запекшейся крови. Когда он убрал ее, показалась вымазанная кровью кисть, волоски на которой потемнели и прилипли к коже. Отвратительная рана, похожая на высохшего червяка, пересекала запястье.

— Патрульный!

Усталость обдала ее, словно холодный ветер. Давно она спала последний раз.

— Сейчас... э-э-э... четыре тридцать.

Клара уже спит.

— Что... где оно? Я оставила его всего на секунду.

Гарольд встретился с ней вопросительным взглядом.

Она посмотрела на его руки и забрала обернутый бумагой ланцет.

В подвале музея было множество инструментов для того, что они собирались предпринять. На столе перед ней стояла градуированная стеклянная банка, свежий бинт и рулон хирургического скотча.

— Нам пора пошевеливаться, — сказал Аркли. — Если солнце взойдет до того, как Малверн приготовится действовать, мы потеряем целый день. И потратим крови больше, чем мне хотелось бы.

Кэкстон кивнула и прикусила нижнюю губу. Пора сосредоточиться. Она сдернула бумагу с ланцета, короткого прямоугольника из хирургической стали с острым треугольным концом. Посмотрела на руку Аркли. Ту самую, без пальцев. Рука была плоским квадратом тканей, настолько огрубевшим от рубцов, что она даже не была похожа на человеческую. Она скорее была похожа на лапу животного. Кэкстон попыталась провести ланцетом по ране, но отдернула его, когда Аркли вскрикнул и застонал от боли. Кровь потекла из пореза редкими темными каплями, а вовсе не потоком, которого она ожидала.

— Ты не должна колебаться, — сказал он, скрипя зубами. — Это тебе не мешок замороженной фасоли резать. Придется вонзать. Глубже.

Голова у Кэкстон на миг пошла кругом от его слов. Очень плотно зажав ланцет пальцами, она наклонилась и воткнула его глубоко в руку Аркли. Он вскрикнул от боли, но Лора не обращала внимания и принялась повторно вскрывать рану решительным режущим движением.

— Вот так? — уточнила она.

— Хватит, — ответил Аркли.

Он пошевелил рукой без пальцев, чтобы напрячь мускулы. Кровь быстро полилась из раны, скатываясь по коже.

— Банку давай, — велел он.

Кэкстон подставила ее под рану, чтобы собрать кровь. Здоровой рукой Аркли сжал руку, словно выдавливая зубную пасту из высохшего тюбика. Кровь хлынула из раны, густая и темная, венозная кровь цвета красного вина. Она плескалась и забрызгивала стенки банки по мере наполнения. Кровяной ободок взбирался по белой маркировке на боку. Две унции. Пять унций. Десять.

— Половина, — сказала Кэкстон подбадривающим, как она надеялась, тоном.

— Дери ее в душу мать! — взревел Аркли, сжимая и сдавливая руку.

Двенадцать унций, пятнадцать. Рана не закрывалась, поток не слабел. Кэкстон мысленно поблагодарила за это Бога. Должно быть, она рассекла крупный кровеносный сосуд. Неужели понадобится зашивать? Семнадцать унций. Двадцать.

— Хватит, — сказала она и убрала банку.

Кровь со звоном полилась в белый тазик. Отставив банку в сторону, Лора плотно перебинтовала руку Аркли, а потом зафиксировала повязку хирургическим пластырем. Красные точки практически мгновенно проявились на белой поверхности повязки.

— Наверное, я полоснула слишком глубоко, — произнесла она.

— Нечего сейчас об этом беспокоиться, — сказал Аркли.

Он прижал повязку пальцами здоровой руки.

— Покорми ее. Чтоб был эффект, кровь должна быть теплой.

«Она должна быть теплой, свежей, человеческой», — подумала Кэкстон.

Как бы сильно вампиры ни пугали животных, на них они никогда не нападали. Кроме того, кровь должна была быть свежей: когда она сворачивалась, они не могли нормально переварить ее. Лора быстро двинулась к гробу. Малверн пыталась поднять голову. Держа руки на уровне горла, она тянула их, не в состоянии схватить банку. Кэкстон не хотела приближаться слишком близко к ее зубастым челюстям. Впрочем, по-другому было не справиться. Слегка трясущимися руками Кэкстон наклонила банку над раскрытым ртом Малверн. Кровь полилась на серый сморщенный язык вампирши.

Эффект был мгновенным и потрясающим. Тело Малверн начало трястись, потом белый дымок поднялся от рваной ночной рубашки, язычки его просачивались из подмышек, тянулись к ободранной голове. Наполовину обнаженный череп мгновенно стал зарастать кожей, старый сухой кожный покров принялся наползать на голую кость. Единственный глаз Малверн влажно блеснул и принялся раздуваться. Руки протянулись к банке и вырвали ее из рук Кэкстон.

Лора сделала шаг назад. Она с отвращением следила, как Малверн вылизывает содержимое высунутым языком. Костлявые руки заметно пополнели, выступающие костяшки и вены сгладились, когда новая мышечная масса принялась расти под кожей.

Малверн издала стон удовольствия. Она откинула банку, теперь безупречно чистую, и та перекатилась через ее плечо. Руки поднялись в воздухе, словно в знак благодарности. До этого она выглядела как гора костей, обернутых слишком большой кожаной оболочкой. Пока Кэкстон смотрела на нее, разрушительное время словно шло вспять, и теперь вампирша выглядела так, словно была похоронена всего лишь несколько месяцев назад.

— Давай, — скомандовал Аркли, — призывай его.

Медленно, со скрипом, Малверн села в гробу, подпирая себя руками. Она подтянула колени и прижала их к груди, пристраивая отвратительную голову на коленных чашечках. Величественно, почти мечтательно, она повернулась, чтобы посмотреть на Гейстдорфера, который лежал всего в нескольких футах. Она открыла рот и издала трещащий звук, похожий на шорох металла по сухой листве.

За более чем сто лет Малверн не произнесла и пары слов. И это после того, как она купалась в крови, после того, как ее гроб наполнялся жизнями десятка людей. Двадцати унций было недостаточно, чтобы восстановить разрушенную гортань.

Кэкстон видела однажды, как вампир Райс призывал не-мертвого. Он в буквальном смысле вызвал труп обратно из смерти.

— А получится ли, раз она не может говорить?

Аркли только плечами пожал.

Малверн попыталась снова, выдавив на сей раз клокочущий хрип, как будто она кашляла. Она повернулась, глядя на трех живых у нее за спиной. Кэкстон схватилась за амулет в кармане, предчувствуя какую-то ловушку.

«Глок» Аркли вылетел из кобуры. Одно быстрое движение, и дуло прижалось к впалой груди Малверн. Как раз напротив сердца. Должно быть, старый охотник за вампирами давно ждал этого движения.

Голова Малверн еле уловимо качнулась из стороны в сторону. Словно вампирша боялась, что та может отвалиться, если она качнет ею слишком сильно. Потом вытянула руку к ноутбуку и быстро напечатала:

еще бы немного...

— Ни хрена подобного! — выпалила Кэкстон, и Аркли кивнул.

Глаз Малверн крутнулся в глазнице. Так или иначе, она кивнула и напечатала еще. Посмотрела на Гейстдорфера, очень бледного и очень мертвого, лежащего на выставочном шкафу. И застучала по клавишам, издавая звонкое щелканье:

*вернись ко мне. вернись ко мне.
услышь меня.*

Слова были те же самые, которые слышала Кэкстон, когда Райс призывал своего мертвого слугу. Она повторяла их снова и снова, наполняя экран приказами. Тело Гейстдорфера даже не шелохнулось.

Костлявые пальцы Малверн забарабанили по клавиатуре. С каждым ударом ноутбук подпрыгивал. Казалось, она в отчаянии. Наверное, она понимала, что, если ничего не выйдет, они больше никогда не поверят ей. И она никогда не получит шанса выторговать кровь.

вернись. вернись. вернись и служи.

Гарольд изумленно выдохнул. Кэкстон повернулась и уставилась на ночного сторожа, который показывал на труп.

— Вот! Его руки! Смотрите!

Кэкстон посмотрела. Пальцы Гейстдорфера двигались, это правда. Они сжимались, словно цепкие лапы, царапая поверхность деревянного шкафа. Ногти впивались в лак, скребли поверхность, раздирая дерево. Потом его рот широко распахнулся, и он закричал высоким, ужасным криком, от которого у Кэкстон кровь застыла в жилах.

52

— Вот тебе моя визитка, ты, южный ублюдок! — выкрикнул Сторроу.

Он вскинул свою винтовку к плечу и без дальнейших проволочек выстрелил, отдача тяжелого оружия отбросила его назад.

Тогда эта винтовка делалась на заказ для работы на большой дистанции и могла поражать двенадцатидюймовые мишени с восьми сотен ярдов. При необходимости она могла стрелять с большей скоростью и мощностью. Пуля из этого ствола снесла Чессу верхнюю часть головы вместе с феской, раскидав их на пол-Виргинии. Вампир какое-то время покачался, с головой, развороченной выше переносицы и, следовательно, неспособной видеть, а его руки тянулись к нам, но сколько любая дышащая тварь сможет протянуть без органов чувств?

Все было кончено. Мы победили, и теперь можно было уходить. Я подумал о моем Билле и снова начал плакать, но это было бесполезно. И даже я почувствовал некоторый душевный подъем, когда белое тело Чесса наконец рухнуло и начало сползать по черепичной крыше.

Опасность миновала. Оставалось только вернуться домой.

Свидетельство Алвы Гриста

53

Гейстдорфер забился в путах, пытаясь достать руками до лица. Он заскулил, как голодный котенок, временами вскрикивая, как человек, которому больно. Он извивался на поверхности шкафа, пока не смог прижаться щекой и носом к гладкой поверхности. Плечом он подтолкнул себя вдоль поверхности, его голова свесилась через край. Через секунду он поднял ее, чтобы взглянуть на них, странную компанию людей, которые были безмолвными свидетелями его возрождения. Потом быстро и с силой опустил голову, врезаясь носом в острый угол шкафа.

Кэкстон передернулась, услышав хруст разрываемых под бледной кожей хрящей. Она с немим ужасом смотрела, как он уронил голову, подставляясь под новый удар, который разорвал ему часть щеки. Кровь из раны не текла, но кожа разошлась, как порванный шелк, открывая серые мышцы под ней. Он замахнулся в третий раз, но Гарольд уже бросился через

комнату, хватаясь за веревку, которая связывала профессора, оттаскивая его назад, подальше от края.

— Он сошел с ума, — выдохнул сторож. — Он опять пытается убить себя!

— Нет, — ответил ему Аркли. — Он не настолько человек, чтобы сделать это.

Кэкстон отвернулась с омерзением. Она прекрасно поняла, что имел в виду Аркли. Не-мертвые не были людьми. Они были не теми, кем были до смерти. Проклятие оживляло тела и могло считать их воспоминания, но души их уже погибли, их личности были полностью уничтожены.

Не-мертвые существовали только ради того, чтобы служить своим повелителям-вампирам. Кроме этого, они знали не много, только боль и самоуничтожение. Проклятие ненавидело тело, которым владело, ненавидело так сильно, что использовало любую возможность, чтобы обезличить его. Обезличить в прямом смысле: первое, что делали не-мертвые после своего воскрешения, — сдирали и рвали свои лица, пока кожа не повисала бескровными лоскутьями.

— Держите его крепче. Он не должен быть слишком сильным, — сказал Аркли.

Гарольд сморщился. Кэкстон увидела в его глазах что-то, чего не было раньше. Они толкнули его за грань его возможностей?

— Вот что, Джеймсон, — сказал он. — После этого я не должен тебе ничего. Ты и она уберетесь отсюда, а я притворюсь, что никогда не знал вас. Понял?

— Да-да, хорошо, но, пожалуйста, — попросил Аркли, — держи его.

Гарольд крутнул веревку в руках. Гейстдорфер взвыл от боли. Он трясся, корчился, пытался вырваться, но веревка только врезалась в его расплывающуюся кожу. Через некоторое время он начал успокаиваться, а потом повернул искалеченное лицо, глядя прямо на Кэкстон.

Холодок пробежал по ее спине, когда мертвые глаза принялись изучать ее.

— Я был мертв. Я был счастливее мертвым, — сказал он. — Что вы сделали со мной?

Его голос поднялся до визга, превратившись в издевательскую пародию над тенором профессора.

Аркли подошел ближе к не-мертвому и присел на корточки, на уровне его глаз.

— У нас есть несколько вопросов к вам. Если ответите хорошо, мы избавим вас от ваших мучений. Понимаете?

Не-мертвый плюнул Аркли в лицо. Это было что-то, чего Гейстдорфер никогда в жизни не сделал бы, тот человек был воспитанным и утонченным.

— Я служу не вам, — взвыл он.

Аркли встал и носовым платком стер слезы с лица. Посмотрел на Малверн в гробу и многозначительно кашлянул.

Рука вампириши заскользила по клавиатуре.

я подняла его, но это высушило меня у меня нет сил призвать его

«Может, и так», — подумала Кэкстон.

А может, она получила то, что хотела, и теперь ее не интересовало, что будет дальше.

Не-мертвый уставился на существо в гробу и засмеялся ломким, мерзким голосом, который отдавался эхом в углах помещения.

— Вы сговорились с ней?

— Что тут странного? — поинтересовался Аркли. — Она враг твоего убийцы. Думаю, ты мог бы помочь ей.

— Значит, вы ничего не знаете о том, как все происходит. — Не-мертвый засмеялся снова, на этот раз почти подхихикивая.

— Да ну, — протянул Аркли. — Мне кажется, я кое-что понимаю. Я и не рассчитывал на то, что ты окажешься разумным, но решил, вдруг тебе можно дать шанс. Не вышло. Так что, полагаю, мы поступим более традиционным путем.

Без предупреждения он схватил пук волос не-мертвого и дернул вверх, поднимая его голову и выкручивая шею.

— Как его имя?

— Кого?

Аркли треснул головой не-мертвого о шкаф.

— Гарольд, — позвал он, — может, поищешь где-нибудь тут ящик с инструментами? Мне нужен молоток и, наверное, пара плоскогубцев.

— Нет, — простонал этот гнус и забился на шкафу, словно пытаясь вырваться из хватки Аркли. Но даже одряхлевший, искалеченный Аркли все еще был сильнее любого не-мертвого.

— Думаю, начнем с выдергивания зубов. Потом, может, ногтей.

— Не надо...

— Что «не надо»? — спросил Аркли. — Не надо пытаться? Я старался быть хорошим.

Гарольд выпустил веревку и отошел в тень. Аркли положил здоровую руку на висок и щеку не-мертвого, а потом, используя свой вес, с силой придавил череп Гейстдорфера к дереву шкафа. Существо дико вскрикнуло.

Кэкстон провела языком по губам. Они неожиданно пересохли.

— Аркли, — сказала она. — Вы слишком торопитесь. Дайте ему еще один шанс, бога ради.

Старик посмотрел на нее взглядом, исполненным чистой злобы. Потом одно веко мигнуло. Что это? «Да»? Да, он подмигнул, решила Кэкстон. Подмигнул.

Он решил, что она играет. Старая игра в допрос: хороший полицейский, плохой полицейский. Но она думала не об этом. Она просто считала, что не сможет вынести зрелища, как Аркли будет пытаться, пусть даже и мертвеца.

— Послушайте, — сказала она немного наклоняясь, чтобы взглянуть в бескровное лицо Гейстдорфера. — Послушайте, может, вы просто расскажете мне кое-что, это не так уж трудно. Я имею в виду, вы можете это сделать?

Лицо не-мертвого сморщилось, словно под его щеками и губами ползали жуки.

— Не знаю я, как его зовут, — быстро сказал он. — Он мне не говорил. Он просто сказал, что был солдатом. А потом заявил, что его надули, он никогда не хотел быть вампиром. Это было надувательство! Прошу вас!

Кэкстон бросила взгляд на Аркли, и тот немного ослабил давление.

— Кто его надул? — уточнила она.

Она большим пальцем показала на гроб у себя за спиной.

— Она? Это была женщина по имени Жюстина Малверн?

— Я... я не уверен. Думаю, да.

Аркли налег на его голову.

— Да! Да! — завопил не-мертвый. — Все было так! Вот почему... он так сильно хотел убить ее. О боже! Скажите ему, чтобы он остановился.

— Скажу, — ответила Кэкстон, — но сначала мне нужно знать кое-что еще. Вы должны сказать мне, что он собирается делать дальше. Он снова попытается убить Малверн?

— Д-д-да Думаю... То есть я знаю, он попробует. Это была одна из тех вещей, которые он хотел сделать. Он понимает, что вы его в конце концов поймаете. Но сначала он хочет убить ее. Это все, что я знаю... клянусь!

Его взгляд скользнул мимо Кэкстон.

— О боже, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Вернулся Гарольд. В одной руке он нес длинный красный ящик для инструментов. В другой держал мощную дрель.

— Ваше время истекает, — сказала Кэкстон. — Скажите мне еще кое-что. Просто подумайте, ладно? Не гадайте, но думайте. Он вернется следующей ночью?

— Я не знаю... Я не знаю, — проскрипел не-мертвый.

— Думай! — гаркнула она.

— Да, да, да, вернется, он вернется, он... что-то еще имел в виду, он просто сказал как-то вскользь, но... но... но...

— Но — что? — потребовала Кэкстон.

— Той ночью вы побежали за ним. Когда вы погнали его к полю сражения, он вернулся, он вернулся, и мы поговорили немного. Он сказал, что вы опасная. Он сказал, что ему, наверное, не удастся сделать все необходимое самому. Ему может потребоваться помощь.

— Помощь... — Кэкстон плотно сжала губы. — Ты хочешь сказать, подкрепление? Новые не-мертвые вроде тебя?

Тварь на шкафу попыталась отрицательно качнуть головой.

— Нет. Он клялся, что никогда не сделает не-мертвого. Он клялся в этом сотни раз... думаю... думаю, тут что-то еще, какая-то история, которую он не рассказывал мне. Мне показалось, он считает, что убивать людей и пить их кровь — это нормально, но вызывать их из мертвых — это настоящий грех. Не знаю почему.

— Так откуда он возьмет подкрепление? — требовательно спросила Кэкстон.

Резкий визжащий, царапающий звук напугал ее. Она посмотрела вверх. Гарольд протасил по полу удлинитель и включил дрель.

— Время вышло, — сказала она.

— Другие вампиры! — выкрикнул не-мертвый. — Он приведет еще вампиров. Еще... наверное, многих еще...

Аркли снова схватил его за волосы и придавил ему голову.

— Он собирается сделать новых вампиров? Это займет некоторое время. Как минимум следующую ночь. Это хорошо, это нам пригодится.

Не-мертвый посмотрел прямо в суровые глаза Аркли.

— Зачем ему это? Зачем ему делать новых, когда у него их девяносто девять, которые только и ждут, чтобы напасть.

54

Курьер встретил меня с поспешно выполненными копиями писем от рейнджера Симонона и его хозяев из Ричмонда. Один из моих шпионов перехватил их на полдороге и сделал копии, потом отправил оригиналы дальше, как ему и предписывалось. Я читал эти письма с нарастающим страхом, который никуда не делся, когда я дочитал их до конца. Я спросил солдата, знает ли он, где это место, плантация Чесса, но он ответил, что, мол, не знает, но может довести меня до Гам Спринг как минимум. Я внимательно выслушал приметы, которые он указал мне, и снова отправился в дорогу. Моей лошади требовался отдых. Мне — еда и, наверное, хорошая сигара и время, чтобы выкурить ее. Говорят, на людях и смерть красна, но вряд ли моя лошадь была в состоянии оценить народную мудрость.

Из записок Уильяма Питтенгера

55

— Кажется, — признался Аркли с непроницаемым лицом, — я совершил ошибку.

— Что вы сказали? — изумилась Кэкстон.

Разумеется, она все понимала. Просто ей требовалось услышать подтверждение.

— Другие вампиры... те, в пещере... — захлебывался Гейстдорфер. — Они не мертвые. Просто спят.

— И ты думаешь, он может разбудить их, — медленно произнесла Кэкстон, чтобы просто выиграть время.

Время для раздумий. Время, чтобы проконтролировать желудок.

— Да-да! Он совершенно четко дал понять.

Тварь закорчилась в путах. Казалось, он думает, будто это самое простое, самое логичное в мире поведение.

— Но там не было сердец, — ответила она, когда ей снова удалось заговорить. — В пещере не было ни одного сердца... только кости. Я проверила все гробы. Он не может оживить их без сердец.

Сейчас разумнее было признать, что кости были мертвыми. Что вампиры были мертвы, мертвы окончательно.

Но ее разумное предположение было ошибочным. Если сотня вампиров вырвется на свободу... сколько вреда они причинят, прежде чем удастся остановить их? А сможет ли она остановить столько?

Аркли с ужасом смотрел на нее. Ей не нужно было озвучивать свои мысли, она знала: он думает то же самое.

— Не было там сердец, — снова уперлась она.

Существо, которое когда-то было Гейстдорфером, было счастливо переубедить ее.

— Когда я вошел в пещеру, сердце лежало на каждом из гробов. Просмоленное, завернутое в непродокаемую ткань. Я на самом деле хотел вложить их все, но он сказал, нет, я должен оставить остальных спать. Мы вместе собрали остальные сердца, чтобы мои студенты не повредили их. Мы осторожно пронумеровали их, а потом сложили в бочонок.

— Видела я этот бочонок, — сказала Кэкстон, поворачиваясь к Аркли лицом.

Это было в лаборатории факультета исследования эпохи Гражданской войны. Она вспомнила побелевшее от времени дерево и проржавевшие обручи. Она решила, что, наверное, это еще один экспонат с раскопок.

— Я видела, где он лежит. Я точно знаю, где он.

Они с Аркли застыли, глядя друг на друга.

— Если я вовремя сумею послать туда кого-нибудь, они смогут уничтожить сердца. Мы можем остановить все это еще до того, как оно начнется.

Аркли кивнул, словно одобряя ее слова.

— Не обязательно, что все это кончится плохо. Если только мы получим сердца до вампира. Ты можешь позвонить в полицию Геттисберга, сказать им, где они, и сказать, как их уничтожить.

Лора кивнула и схватилась за сотовый. Набранный номер она помнила наизусть. Наконец кто-то в Харрисбурге снял трубку.

— Говорит патрульный Лора Кэкстон, — сказала она. — Соедините меня с комиссаром, пожалуйста. Нет, погодите, его еще нет. Тогда просто позовите старшего оперативного дежурного.

Диспетчер вопросов не задавал. Спустя пару секунд раздался сонный голос человека из отделения оперативного дежурства. Она быстро объяснила, что ей нужно.

Дежурный офицер проворчал.

— Мне для этого требуется ордер.

Это могло отнять время. Может, несколько часов. Придется будить судью... а судье могут потребоваться какие-нибудь бумаги. Какие-нибудь улики, чтобы оправдать вторжение в частную собственность и изъятие старинного заржавевшего бочонка. Для этого потребуется побольше, чем звонок одного-единственного запаниковавшего патрульного.

— Обстоятельства экстренные. Бочонок будет использоваться для совершения насильственного преступления. И даже нескольких насильственных преступлений.

— С этого и надо было начинать. Я не знаю, офицер...

— Послушайте, — теряла терпение Лора. — Слушайте внимательно.

Она прикрыла глаза и попыталась придумать слова, которые заставят дежурного действовать.

Сотня вампиров. Однажды Кэкстон видела, что могут сделать всего два вампира. Они сожрали все население небольшого городка, оставив только одного выжившего. Сотня вампиров — вампиров, которые голодали более ста лет, вампиров, которые проснутся

истощенными, замерзшими и очень, очень голодными, — может опустошить Геттисберг за одну ночь.

— Послушайте, — сказала она снова. — Всю ответственность я беру на себя. Вы отправляете патрульный отряд туда прямо сейчас и изымаете этот бочонок. Если вы этого не сделаете, погибнет множество людей. Они умрут в мучениях, и их семьи годами будут горевать. И все оттого, что вы мне не поверили сейчас. Вы меня поняли?

— Да, — сказал он наконец. — Эй... да вы та самая Кэкстон, правда? Дамочка-суперкоп, про которую кино показывают. Сколько вам за это заплатили?

— Быстро отправляй свой гребанный отряд! — прокричала она и захлопнула телефон.

Когда она подняла глаза, Аркли и Гарольд стояли, уставившись на нее.

— Они пошлют отряд, чтобы найти бочонок, — сказала она Аркли.

— Еще темно, — ответил он.

— Я знаю. — Она кипела от злости. — Они пошлют одного патрульного на машине. Он может взять с собой винтовку, а может, и нет. Если вампир там, если он нас опередил, он этого парня на куски разорвет. Остается только надеяться, что полицейские доберутся до бочонка первыми. Я поеду туда как можно скорее и постараюсь предотвратить чью бы то ни было гибель, но летать я не умею. Чтобы вернуться, у меня уйдет несколько часов. Что еще я могу сделать?

Аркли покачал головой. Не сказал гадость и даже не назвал ее идиоткой.

Кэкстон проверила свои вещи. «Беретта», полностью заряженная, вернулась в кобуру. Она еще подобрала свой перцовый баллончик, наручники и фонарик, вытасченные из карманов Гейстдорфера после того, как они оживили его.

Она повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на не-мертвого. Она знала: когда она уйдет, Аркли прикончит оживленный труп, раздробив ему голову, и кремирует останки. Он не будет пытаться связаться с семьей профессора, по крайней мере, пока все не кончится. Прекрасно, подумала она. Пусть выспятся. Пусть у них будет хоть одна спокойная ночь перед тем, как услышать, как Джон Гейстдорфер во второй раз нашел свою страшную смерть.

— Прежде чем я уйду, еще один, последний вопрос, — сказала она. — На этот раз никаких пыток и угроз. Я просто хочу поговорить с человеком, который когда-то был в этом теле.

Глаза не-мертвого были желты и сухи. Они остановились на ней, будто приклеенные.

— Когда вы нашли меня, профессор, вы забрали мое оружие. И наручники тоже. Вы нашли сотовый, но оставили там, где он был. Я не понимаю, почему вы это сделали. Вы должны были понять, что вы нашли.

— О да, офицер. Я знал, что это, — ответил он раздражающе высоким писклом.

— Тогда почему? Вы пытались помочь мне? Вы думали, что возникнет okazия и это поможет мне остановить вампира?

Не-мертвый облизнул серым языком пересохшие губы. Его нос сморщился, словно он нюхнул что-то противное.

— Наверное, — сказал он наконец. — Если я скажу «да», вы меня отпустите?

— Нет, — сказала она, нахмурившись.

— Тогда, наверное, я не думал, что вы можете кому-нибудь позвонить. Ведь мы оба за вами следили. — Он отвернулся от нее. — Я негода. Если вы закончили со мной, просто убейте меня!

Она покачала головой и схватила его за рубашку и свитер. Он забился, пытаясь отстраниться, отвернуть свое лицо от нее, но Кэкстон это не интересовало. Вместо этого она сунула руку в его карман и вытащила ключи от машины.

Быстрым шагом Лора дошла до главного входа в музей и распахнула дверь. Снаружи небо светилось яркой синевой, цветом предрассветной ночи. Все, что произошло с ней с тех пор, как она отправилась в колледж Геттисберга, чтобы поговорить с Гейстдорфером, произошло в течение одной ночи. Машины на улице и деревянные телеграфные столбы были покрыты слоем инея, готового превратиться в утреннюю росу. Поблизости пронзительно и

однообразно чирикала какая-то пичуга, и Кэкстон почувствовала, как пухнет голова. Ей на самом деле нужно было хоть немного поспать.

Позади себя она услышала шуршание одежды, и руки параноидально дернулись. Когда она повернулась, перед ней оказался всего-навсего Аркли, стоявший в дверном проеме.

— Мне следовало бы поехать с тобой, но я не могу.

Его глаза горели синим огнем. От холода, ярости и злости.

— Это должно было быть мое дело, но я слишком слаб, чтобы закончить его. Тебе придется быть моими руками.

Это ее расследование. Кэкстон была уверена в этом. И она все еще не понимала уныния Аркли. Большую часть своей сознательной жизни Аркли потратил на то, чтобы истребить вампиров. Должно быть, он с растущим ужасом следил за ее промахами и ошибками, понимая, что сам бы справился лучше. Если бы только его тело заработало снова, если бы у него оставались силы.

— Я из Гейстдорфера вытяну все, что смогу. Если он выдаст что-нибудь, я тебе позвоню. Я помогу, чем смогу, на расстоянии.

Он опустил голову.

— Сделай все как следует, — сказал он. — Будь умницей и не дай себя прикончить.

Это было самое сильное, что он мог выдать из себя, желая ей удачи. Она только кивнула и двинулась навстречу новому заданию. Именно так она и справится — принимая по одному простому решению зараз.

Она побежала по аллее к стоянке, где ее ждала машина Гейстдорфера. Ветровое стекло было покрыто тоненьким слоем белого инея, Кэкстон счистила его рукавом. Потом забралась внутрь и завела двигатель, прислушиваясь к его бормотанию. Небо светлело с каждой минутой. Когда Лора почувствовала, что машина прогрелась, она тронулась и поехала, положив сотовый на пассажирское сиденье рядом с собой. Предстояло сделать множество звонков.

Желудок громко урчал. Она не ела уже очень давно. Мозг противился ей, голова болела. Тело отказывалось двигаться. Ей нужны были сон, еда и покой.

Она ничего не могла с этим поделать. Но была в силах кое-что поправить.

Спать пока она не могла, рано еще. Покой был абстракцией. Зато еда — это шанс. На данном участке Пенсильвании было несколько закусочных. Большинство из них были семейными ресторанчиками вроде тех, которые открывались, когда фермеры начинали свой день. Для них еще рано. Кэкстон отыскала круглосуточный фастфуд и решила потратить несколько минут, чтобы немного успокоиться и восстановить силы.

Она выехала на подъездную площадку. Опустила стекло старой машины, впусив внутрь холодный воздух, хлестнувший ее по лицу. Крикнула в микрофон заказ, но ей никто не ответил. Через некоторое время посигналила клаксоном. Громкое бибиканье спугнуло несколько птах с придорожных деревьев. Наконец заспанный голос захрипел в динамике.

— Чего изволите? — спросил он.

— Сэндвич с яйцом и чашку кофе, — попросила она.

— С молоком, с сахаром? — выпалил голос.

На заднем плане раздавались какие-то помехи, практически заглушавшие слова.

— Не надо! — прокричала она.

— Доплатите тридцать девять центов и получите хаш-браун.

Кэкстон вцепилась в переносицу и сжала ее.

— Если ты, мать твою, не положишь, мать твою, сэндвич в пакет и не дашь его мне, мать твою, будет много трупов! — сказала она.

Динамик отключился с электронным щелчком. Потом включился снова:

— Простите, не понял.

Может, оно и к лучшему. Кэкстон шумно выпустила воздух.

— Да, еще хаш-браун, — смирилась она.

— Большое спасибо, забирайте.

Она подъехала к следующему окошку, забрала свою еду, расплатилась и впилась в жирный сэндвич, прежде чем выбралась обратно на шоссе.

Дорога исчезала у нее под колесами. Добравшись до пункта сбора дорожной пошлины, Кэкстон свернула на фиолетовую дорожку у автомата. Квитанцию выдали на имя Гейстдорфера, и Кэкстон двинулась дальше.

56

Сторроу восстановил равновесие и схватился за разрушенный край купола.

— Возвращаться тем же путем, которым мы пришли сюда, больше смысла нет, — сказал он с улыбкой на лице. — Тяжко будет пробиваться через полную партизан местность, но, раз уж Симонона нет, у его конных, которых мы видели, в строю будут беспорядки. Может, и вернемся все-таки к своим.

Я вытер руками лицо. Что мне теперь делать? Чего ради мне жить дальше? Билл был мертв. И тогда я решил, что у меня есть долг перед моей страной. В этом я мог черпать силы, сказал я себе. Я протянул руку, чтобы Сторроу взялся за нее. Он моей руки не принял, вместо этого издав исполненный муки крик. Я повернулся, чтобы взглянуть на него.

В тот же миг все надежды рухнули. Чесс поднялся снова с яростью, которую я бы не оценил никогда, если бы не увидел своими глазами. Голова вампира полностью восстановилась, хоть теперь он и был без шапки.

— Господи Иисусе, — воскликнул Сторроу. — Нам конец!

— Беги, — велел я ему, ибо внезапно захотел, чтобы он выжил.

Мы заспорили, я и Сторроу, как болваны, но я все же хотел, чтобы он выжил, хотел так сильно, что готов был пожертвовать собой ради этого. Именно это, похоже, я и сделал.

Я бросился к вампиру, пригнув голову, так быстро, как только позволяли мои больные ноги. В обычном состоянии это было бы все равно что дунуть на него. Он был намного сильнее меня, значительно сильнее, и он был неуязвим, насколько я уже понял. И все же на покато́й крыше я достиг такой скорости, несясь стремглав, что, когда я столкнулся с вампиром, мы оба полетели в темноту. Лишь на миг я почувствовал себя распятым между небом и землей, как призрак, несущейся по воздуху. Мгновением позже я врезался в твердую землю Виргинии, которая оказалась намного тверже, чем мне представлялось.

Боль разрывала меня на части, но только минуту. Потом мои ноги и все, что было ниже груди, лишилось всех ощущений. Моя спина была сломана, и мне не нужны были доктора, чтобы понять это.

Свидетельство Алвы Гриста

57

Листья кружились в воздухе, прилипая на лобовое стекло, пока она съезжала по шоссе № 15 к окраине Геттисберга. Улицы были пусты, дневное движение еще не началось. Было уже за восемь, и солнце стояло над деревьями белым пятном, просвечивая сквозь затянутое темными облаками небо.

Кампус Геттисбергского колледжа был как раз впереди. Из штаб-квартиры больше не звонили, и Кэкстон даже не знала, удалось ли перехватить у вампира его вожаделенную добычу. Она держала телефон возле руля, готовая ответить в любую секунду, как только он зазвонит.

Лора достигла гребня невысокого холма, сбросила газ, и машина покати́лась в темную ложину. Деревья колыхались на сильном ветру, и их наполовину облетевшие ветки хлестали друг друга в бушующем воздухе.

До границы колледжа было недалеко. Она въехала на стоянку у бывшего офиса

Гейстдорфера и выскочила, оглядываясь в поисках патрульной машины, которую она направила сюда. Автомобиль стоял немного поодаль, на другом конце парковки, с выключенными фарами. Лора осторожно приблизилась, не зная, чего ожидать. Она то и дело бросала взгляд на обрамленные деревьями прогулочные дорожки кампуса. Но там, конечно же, ничего не было. Ее вампир сейчас спит, спрятавшись в каком-нибудь ворованном гробу, ожидая, когда скроется взошедшее снова солнце.

Лора подошла к машине, наклонилась, заслоняя рукой глаза, чтобы заглянуть внутрь. Патрульный в широкополой шляпе сидел сгорбившись в водительском кресле. Шляпа была надвинута на глаза, но Лора видела, что рот у него открыт.

Нет, подумала она. Только не еще один мертвый коп. Чувство вины пронзило ее, словно острый нож. Она положила руку на дверцу машины и наклонилась, чтобы присмотреться поближе.

Патрульный внутри подскочил, выпрямился и захлопнул рот с клацаньем, которое она расслышала через автомобильное стекло. Потом он сонно повернулся, чтобы взглянуть на нее, и нахмурился.

Она выудила свое полицейское удостоверение и прижала его к окну. Полицейский кивнул, потом жестом попросил отойти. Медленно открыл дверь и вышел наружу.

— Вы Кэкстон? — спросил он.

— Да, офицер Кэкстон, — ответила она, нахмурившись.

Он ответил ей усталой улыбкой, которая говорила о многом. Она его не впечатлила. Наверняка он слышал про нее кучу историй, может, даже видел этот идиотский фильм. Впрочем, что он действительно знал о ней, так это то, что она выдернула его из милой теплой постели и заставила еще до рассвета нестись по дурацкому поручению.

Как бы то ни было, Кэкстон в надежде на лучшее заглянула на заднее сиденье его машины. Никаких бочонков.

— Я готова выслушать ваш рапорт, — вздохнула она. — Как ваше имя, патрульный?

— Пол Джанко, — ответил он, прислонившись к борту машины. — Прибыл сюда около шести пятнадцати, — ответил он, вытаскивая из кармана блокнот. — Да, в шесть ноль девять, если точно, по полученному нашим отделением запросу от вас о бочонке, который располагался в этом месте. Получил доступ внутрь в шесть тринадцать, с помощью технического работника по имени Флория Альваде, направился в четыреста двадцать четвертую аудиторию факультета исследования эпохи Гражданской войны...

— Где вам не удалось найти никаких следов бочонка. Пойдемте, я должна взглянуть сама.

Она пошла вперед. Джанко пожал плечами и двинулся за ней, когда она поспешила внутрь. Женщина в синей спецодежде (очевидно, та самая Флория Альваде) натирала полы в вестибюле большим металлическим аппаратом для нанесения воска. Бешено вращающееся колесо забрызгало ботинки Кэкстон грязью. Когда женщина заметила, что произошло, она выключила аппарат.

— Мисс Альваде? — уточнила Кэкстон.

Женщина кивнула, всем видом выражая осторожность. Множество людей выглядели именно так, когда копы приближались к ним. Впрочем, это не имело никакого значения.

— Мне нужно знать, кто-нибудь входил в это здание прошлой ночью?

Женщина кивнула на патрульного Джанко.

— Кто-нибудь еще? Вообще никого? Может, высокий человек, очень бледный, лысый?

— Вроде вампира, которого я по телику видела? — Альваре перекрестилась. — О мать божья, нет! Только он, клянусь. Я была тут всю ночь.

Кэкстон кивнула и повернулась, чтобы подняться по лестнице.

— Как насчет вас, патрульный? Видели ли вы, как кто-нибудь выходил, когда вы вошли?

— Я бы сказал, если бы увидел не-мертвого кровососа, — ответил он ей.

Лора развернулась, пригвоздив его самым жестким из своих взглядов. Аркли бы не стал

игнорировать подобное несоблюдение субординации. Ей нужно было становиться жестче, переступая через свою подмоченную репутацию, заставляя людей понимать, насколько серьезной стала ситуация.

— Если у вас есть еще бойкие комментарии, патрульный, — сказала она ему, — поберегите их для официального рапорта. Ясно?

Он сжал губы.

— Да, мэм.

Она развернулась и без промедления бросилась по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Запыхавшись, она добралась до верха, но поднажала, пробежала мимо аудитории, в которой она встретила с Гейстдорфером, в лабораторию, где видела бочонок. Его там не было. Она это уже знала. Но убедиться в этом воочию — совсем другое дело. У нее кровь похолодела в жилах, а кожа пошла мурашками.

Сердца пропали.

Когда ей снова удалось собраться с мыслями, когда сердце в груди немного успокоилось, она спустилась на стоянку. Туда как раз въезжали три полицейские машины с включенными мигалками, но без сирен. Офицер Глауэр вышел из первой. Обрывки туалетной бумаги прилипли у ворота в тех местах, где он поранился, когда брился.

— Вы получили мое сообщение? — спросила Кэкстон вместо приветствия.

— Да, все четыре, — ответил Глауэр.

Он провел пальцем по усам говорящим жестом.

Он был встревожен.

Хорошо. Этого она и добивалась.

— Я только что сделала экстренный запрос, чтобы обыскать помещение наверху, — сказала она, показывая через плечо на учебный корпус. — Там пусто. Пропало девяносто девять сердец вампиров. Кто бы ни забрал их, он может сегодня пробудить к жизни девяносто девять вампиров, когда сядет солнце. Я бы хотела принять меры, чтобы этого не случилось.

— Буду рад помочь вам, — сказал большой полицейский.

Он сунулся в машину и достал свою шляпу.

— А начальник...

Кэкстон кивнула. Она знала, что с Висенте возникнут проблемы.

— Я поговорю с ним, когда он наконец появится на работе.

Кэкстон взглянула на небо. Облака становились гуще и темнее, но солнце было где-то там, наверху.

— В котором часу вчера был закат? — спросила она.

Глауэр осторожно водрузил шляпу на голову. Прищурился на секунду, припоминая.

— Сразу после семи. Да, я бы сказал, минут в десять... я как раз тогда ужинал и, помнится, очень порадовался, что меня нет на улице. Прошлой ночью мы были в патруле, хотя начальник и решил, будто мы в безопасности. Значит, у нас есть время до семи, чтобы найти того, кто украл эти сердца?

Кэкстон покачала головой.

— Должен быть и другой путь.

Она посмотрела на «бьюик» Гейстдорфера и решила, что это не лучшее средство передвижения для ее нужд. Ее собственная «мазда» была поближе, но она была без полицейских опознавательных знаков.

— Вы сядете за руль, — сказала она. — Может быть, через час нам удастся покончить с этим.

Глауэр слабо улыбнулся.

— Рождество было два месяца назад, — сказал он ей, но времени больше терять не стал.

Он повез ее на юг через весь город — по туристическим маршрутам, к полю сражения. Вверх по Семинарийской гряде, а потом вниз по грунтовой дороге через рощу. Место она

помнила точно: работая в дорожном патруле, она научилась запоминать приметы, особенности местности и, следовательно, могла при необходимости найти дорогу обратно, дать точные координаты медикам «скорой» и пожарным расчетам. Небольшое место раскопок все еще было свежо в памяти, с тех пор как она видела его в последний раз два дня назад.

В конце дороги машин не было. Она выбралась и повела Глауэра и четырех других полицейских по тропинке, ярдов на двести углубляясь в заросли деревьев, к месту раскопок, которые начал Гейстдорфер со своими студентами. Палатки и кострище все еще были там, но пепел остыл и был мокрым от росы.

Усталость и чувство вины осели в голове ледяными кристалликами, когда она снова увидела это место. Она должна была догадаться... как-нибудь, но должна была. Она должна была выставить здесь охрану, официально объявив раскопки местом преступления. Конечно, когда она в первый раз была тут, она находилась не при исполнении служебных обязанностей, но после этого времени было предостаточно. Просто ей не пришло это в голову. Джефф Монтроз, студент-выпускник, который показал ей раскопки, считал, что это место заброшенное, обычный могильник.

Мысль о том, что Аркли тоже не позаботился закрыть доступ сюда, немного успокоила ее совесть. Но совсем немного.

«Ну ладно, — думала она про себя. — Приступы вины за ошибки прошлого никому не помогут. На этот раз — никаких ошибок. Просто сделай так, как это сделал бы Аркли».

Она вытащила пистолет из кобуры. Проверила предохранитель.

— Вампиров там не будет, не сейчас, но могут быть и другие. Не-мертвые или же заблуждающиеся люди, которые работают на вампира. Они могли добыть сердца, но времени вложить их в соответствующие тела у них не было. В этом случае прямо сейчас они могут сторожить гробы.

Она застыла на мгновение, прислушиваясь к звукам в палатке. Нейлоновые стенки немного колыхались на ветру, но Кэкстон не уловила никаких признаков активности. Она обошла высокую мокрую траву, которая оставляла темные следы на ее брюках, и отбросила входной клапан палатки.

Внутри не было никого. На крыше — тоже. Она оглянулась на двух копов, которые пришли вместе с Глауэром. Жестом велела обойти палатку. В деревьях, окружавших их, могло спрятаться любое количество монстров. Спускаться в пещеру и оставлять за спиной того, кто мог вытащить лестницу, оставив их в ловушке, ей не хотелось.

Она вошла в палатку вдвоем с Глауэром, он стоял рядом в полушаге от нее. Он был так высок, что упирался головой в крышу палатки, натягивая ее. Лора остановилась и взглянула на него, потом на его пояс. Он смутился, когда она ткнула пальцем прямо на его пистолет. Сморщился виновато, потом вытащил оружие. Его инстинкты, полицейская выучка подсказывали ему, что нельзя входить в помещение, ища драки. Нельзя доставать оружие до того, пока не будешь готов выстрелить. В любых других обстоятельствах это было бы справедливо: грамотное обращение с оружием. В палатке же это выглядело по-идиотски.

Он достал пистолет, поднял к плечу. Прицел смотрел вверх, указывая на крышу. Если он споткнется или запаникует, выстрел уйдет в молоко, а не Кэкстон в спину. От этого ей стало немного легче.

Она прошла мимо столов, полных старинных ржавых металлических предметов из раскопок и побелевших свинцовых пуль. Разрытая яма на дальнем конце палатки выглядела точно такой же, какой она видела ее последний раз — с лестницей, спускающейся в пещеру. Изменилось только одно, но это заставило ее застыть на месте. Кто-то выключил свет внизу.

Она повернулась в поисках генератора или выключателя, чего угодно, лишь бы это вернуло свет. Но ничего не было. Вместо того чтобы искать способ включить электричество, она сняла с пояса фонарик и направила его луч в глубь ямы. Никто оттуда не выпрыгнул.

— Прикройте меня, — сказала она, — потом спускайтесь через десять секунд после того, как я окажусь на дне.

Глауэр кивнул. Глаза у него стали огромными.

«Никого там нет, — уговаривала она себя, — нет там никого, кроме девяноста девяти скелетов. Мы можем провести целый день, стирая их в порошок и сжигая прах в доменной печи. У моего вампира есть сердца, но без костей они ничто».

Все могло оказаться проще простого. Правда могло. Но Кэкстон предпочла перестраховаться.

Она поставила одну ногу на лестницу. За лодыжку никто не схватил. Перекладина держала вес. Лора опустила другую ногу, подождала секунду, потом помчалась вниз так быстро, как только могла. Внизу она направляла «беретту» из стороны в сторону, держа на уровне глаз, готовая пристрелить любого, кто только сунется. Никто не сунулся. Она осветила пещеру фонарем. Глауэр с чрезвычайной поспешностью загромыхал по лестнице позади нее. Одна из перекладин не выдержала, и он чуть не рухнул.

Нужно было сказать ему, чтобы не трудился спускаться.

— Помните разговор, который у нас когда-то состоялся, про самые худшие вещи, которые нам доводилось видеть? — спросила его Кэкстон. — Думаю, у меня есть новый претендент на первое место.

Ее фонарь высвечивал сталактиты и сталагмиты, старую, пыльную, сломанную мебель, минеральные отложения. Но в остальном пещера была пустой — ни костей, ни гробов.

Кто-то вывез их, пока она занималась другими делами. И цель могла быть только одна.

Выбравшись наверх, Кэкстон собрала местных полицейских и велела им начинать обзванивать все номера из экстренного списка, чтобы поднять всех работоспособных людей, вытащив их хоть из постели, хоть с работы, хоть откуда, и собрать их в полицейском участке. Глауэра она попросила разыскать для нее Висенте, чтобы с ним можно было взаимодействовать.

Работа теперь предстояла намного более сложная. Им потребуется найти гробы, кости, сердца. Все вместе. Им надо будет отыскать вампира, где бы он ни спал сегодня днем. А может, им потребуется сделать намного больше этого. Она взглянула на часы. Девять пятнадцать. У нее было меньше девяти часов — и ни единой зацепки.

Нет... был один человек, кому она могла позвонить и кто мог знать, что произошло в пещере. Единственный, кто был ответствен за гробы. Глубоко в дебрях телефонной записной книжки она нашла имя Джеффа Монтроза, студента выпускного курса факультета исследования эпохи Гражданской войны. Она позвонила ему и через четыре гудка получила сообщение:

— Добро пожаловать... в темное логово Джеффа, Мэри, Фишера и Мэдисон. Мы не можем сейчас ответить на ваш звонок, потому что висим, зацепившись ногами, в местечке тихом и мрачном. Если хотите, оставьте сообщение, молитву о спасении души или свое самое темное желание, будем смертельно рады услышать!

Телефон пискнул у нее в руке, и она захлопнула его. Нужно было поговорить с Монтрозом, и чем скорее, тем лучше.

— Глауэр! — крикнула она. — Позвоните диспетчеру. Мне нужен адрес! Немедленно!

Я посмотрел в сторону, это все, что я мог сделать, и краем глаза заметил Чесса, перекатывавшегося по земле, обхватив руками бока. Я знал, его это падение не убьет, а просто причинит ему неудобство.

Сторроу выстрелил в Чесса в упор, а потом выпустил второй свой снаряд. Вампир скорчился, словно мотылек, попавший в пламя, затрясся и закричал от боли и злобы. Он так и не умер и наверняка мог восстановиться в любой момент.

Когда он восстановился, Сторроу выстрелил снова. Потом он перезарядил оружие и, когда вампир шевельнулся, выстрелил еще раз. Никто из нас не знал способа, как навеки отнять у вампира его странную жизнь, но Сторроу понял, что

тварь можно держать в неподвижности по крайней мере некоторое время.

Сторроу не разговаривал со мной, пока делал свое скверное дело. Я не знал, сколько у него снарядов. Все еще могло закончиться нашей смертью, и, может, так было бы лучше. Поскольку вскоре мы оба подняли головы, заслышав страшный шум в лесу вокруг нас, звуки приближающейся толпы. Будь это призрак мертвого Симонона, скачущего на конском скелете, я бы не удивился так, как удивился, увидев того, кто вел эту толпу. Ибо это был Хирам Морзе, наш трусливый дезертир.

Свидетельство Алвы Гроста

59

Лора провела утро, выполняя полицейскую работу, настоящую полицейскую работу. Разрабатывая версии и исследуя место преступления. А исследовать было что. Вампир потрудился на славу.

К десяти тридцати начался дождь, мелкая морось, которая скорее напоминала туман. Вода капала с деревьев и пропитывала листву на дорожках. Когда ботинки Кэкстон сдвигали дубовые листья, они оставляли на цементе коричневые остроконечные следы, рваные тени в серебристом свете.

Начальник отделения полиции приехал на машине с золотым значком на капоте и единственной синей мигалкой на крыше. Он вышел и взглянул на нее, даже не пытаясь скрыть раздражение. На нем был плотный желтый дождевик с полосой отражателя на спине. Он бросился к ней, открывая зонтик.

— Вы сказали, что у вас все под контролем, — заявил он.

— Я велела вам оставаться начеку.

Ей не хотелось отвечать так. Впрочем, это была игра, и затеяла ее она, хотя никогда не была сильна по этой части. Но теперь ей требовался весомый выигрыш.

— Я надеялся, что мы с вами больше не увидимся, — отрезал Висенте.

Он натянуто улыбался, и это, вероятно, было все, на что он был способен, чтобы придать лицу выражение терпения и понимания.

— Вот для чего мы вас пригласили. Вам положено знать, как справляться с подобной ситуацией.

Начальник полиции обязан был хотя бы раз принять рапорты своих офицеров. Он обязан был знать, что происходит. Но он все еще пытался свалить вину на нее. Заставить признать, что это ее ошибка. Но это никому не поможет.

Кэкстон осторожно изложила их общую проблему.

— В этой пещере было еще девяносто девять скелетов. Наш вампир умудрился переместить их в неизвестное место. Он также завладел сердцами, которые должны принадлежать этим скелетам. Если он соединит кости и сердца, он сможет их пробудить. Всех. Сегодня вечером, немногим ранее семи, они подымутся из своих гробов и будут очень, очень голодными.

Кэкстон знала, так и нужно продолжать эту игру.

— Это ваше шоу. Вам придется принять несколько крутых решений. Я буду счастлива помочь вам, если смогу.

— Вы говорите, он снова вернулся сюда? — Казалось, начальник полиции просто не понимает.

Ей нужно было дать ему осознать.

— Вы говорите, их будет еще больше?

Кэкстон кивнула.

— Простите, что выдернула вас сюда. Я просто подумала, вам нужно увидеть это самому.

Аркли бы не стал так играть, понимала она. Ему бы и не пришлось. Он бы вломился в город, и потребовал полагающуюся ему меру уважения и власти, и с самого начала вел бы

дела по-своему. Но она уже упустила все возможности для этого, исчерпав запас доброго расположения, на которое начальник полиции был способен в отношении ее.

Глауэр уже сообщил ей, что произошло, пока она была в Филадельфии. Висенте пытался докопаться до нее. Большое шоу из ее приглашения в Геттисберг он устроил, собственно, потому, что думал, будто она сможет за одну ночь убить вампира и покончить со всеми неприятностями, не ставя его людей под огонь. Она была знаменитой убийцей вампиров, той самой, про которую фильм сняли... и наверняка вампир не представляет для нее никакой проблемы. Но это не сработало. Вместо этого она перепугала всех туристов — кровеносную систему города, а это стоило местным властям баснословных денег.

У всех в этом мире есть начальство, и начальством начальника полиции был мэр. В торговой палате было созвано экстренное совещание. Служба национальных парков, которая была в городе эдаким государством в государстве, интересуясь больше историей, чем людьми, тоже встряла в дискуссию. Они были совершенно не в восторге. Мэр, который про вампиров слыхом не слыхивал, напустился на Висенте. Просверлил ему новую дырку в заднице, по выражению Глауэра — человека, который приучился никогда не ругаться во время разговора с приличными людьми.

Бюрократический скандал разражался все сильнее. Висенте свалил всю вину на местную полицию, а в особенности на Лору Кэкстон. Именно ее некомпетентное руководство поставило город под удар, заявил он. Короче говоря, он прикрывал свою задницу. На его вопрос прошлой ночью, когда он поинтересовался, можно ли давать отбой его людям, ответ последовал незамедлительно.

Он понимал, что город в опасности, — умом понимал, но не до конца. Он больше беспокоился, как бы не потерять работу.

А это значило, что Кэкстон придется убедить его, что есть вещи более существенные, чем политическая карьера. Он все еще мог послать ее подальше, если она его не переиграет. Послать с вежливым «спасибо», сказав, что с этого момента он берется за дело сам. Но она не могла этого допустить.

«Больше никаких ошибок», — клялась она себе.

— Пройдете сюда, господин начальник полиции, — пригласила она.

Она провела его вдоль дорожки между банком и химчисткой. Многочисленные желтые ленты полицейского ограждения отгораживали участок от общего движения. Посреди узкой улочки стояла машина, «форд-фокус» с номерами Нью-Джерси. Казалось, внутри спят трое: один человек на водительском сиденье, двое других — на заднем, прислонившись друг к другу.

— О господи, нет, — вымолвил, уставившись на них, Висенте.

Сквозь влажный воздух Кэкстон чувствовала его напряжение.

— Это же не...

— Боюсь, что так. Ваши люди нашли эту машину рано утром, когда я только въезжала в город. Сначала они даже не подумали связать ее с моим расследованием.

Кэкстон взяла у Глауэра ключи и открыла водительскую дверь. Когда она распахнула ее, волна мерзкого запаха вырвалась из машины. Запаха смерти.

— Офицер Глауэр по рации в машине услышал сообщение и связал все куски воедино. Очень важно, чтобы вы это увидели, господин начальник полиции, — настаивала она.

Висенте уставился на нее. Она давила на него, давила сильно, но выбора не оставалось.

Личность субъекта номер один, женщины, сидевшей на водительском сиденье, была установлена. Ее лицо было очень похоже на фотографию с водительского удостоверения, найденного в ее кармане. По крайней мере, то, что осталось от ее лица. Ее звали Линда Макгвайр, и она была уроженкой города Тенафли, штат Нью-Джерси. Архив полиции штата и специалист отдела опознания в Харрисбурге связались с ее супругом, и он как раз направлялся сюда для официального опознания.

Двое детей на заднем сиденье были Кэйти Макгвайр, шестнадцати лет, единственная дочь Линды, и семнадцатилетний Дарен Джексон, тоже из Тенафли. Молодой человек Кэйти.

Согласно показаниям мужа, прошлым вечером Линда, Кэйти и Дарен были на выходных в Филадельфии. Они приехали, чтобы посмотреть на Колокол свободы и Дворец Независимости.

Большая часть плеча Линды была оторвана, изодранные концы рубашки обернуты вокруг ее шеи. У детей на руках множество ран, полученных при попытке обороны, горло у обоих вырвано. У всех троих высосана кровь, и только крошечные кровавые пятнышки были обнаружены на ковриках в машине.

— Что он сделал? — спросил Висенте очень тихо.

— Ему нужен был кто-то, кто бы довез его на машине из Филадельфии, — ответила Кэкстон. — Вероятно, он подошел к первой попавшейся машине и силой забрался внутрь.

На дверной ручке переднего пассажирского сиденья были следы повреждений, словно вампир пытался вырвать дверь.

— Он удерживал их живыми — по крайней мере, женщину за рулем... так, чтобы она могла управлять машиной. Время их смерти еще не установлено, поэтому мы не знаем, убил ли он ребят в Филадельфии или же только после того, как добрался сюда. Когда она стала ему не нужна, он и ее убил.

— Вы хотите сказать, она ехала несколько часов, зная, что ее дочь с приятелем на заднем сиденье уже мертвы? — спросил Висенте.

— Он может быть очень убедительным, когда ему нужно, чтоб его подвезли, — сказала Кэкстон, краснея от стыда.

Если бы она отказалась везти вампира в Филадельфию, если бы она вынудила его просто убить ее на месте, эти люди были бы живы.

Но Кэкстон было чем заняться, помимо мук совести.

— Едем на другое место преступления? — спросила Кэкстон.

Начальник полиции развернулся, глядя на нее в упор:

— Не говорите мне, что есть и новые тела.

Кэкстон взглянула на Глауэра. Глауэр только плечами пожал, не встречаясь ни с кем взглядом. Он никогда не работал на расследовании убийства. И начальник полиции тоже.

«Чертовски поздно начинают», — подумала Кэкстон.

60

Я немедленно отправился в Гам Спринг. Полученные мной приказы были совершенно неопределенными, что вряд ли можно назвать необычным, но тем не менее в них было достаточно информации, чтобы привести меня в уныние.

Там была замечена некая тварь, вампир. Я был уверен, что подобное зло давно исчезло с лица земли. И все же нынешняя война всколыхнула много зла: братоубийство, предательство и шпионаж были самыми невинными.

В полевом морге в Мэриленде я видел погонщиков, укладывавших трупы в сосновые гробы. Вели какой-то труп оказывался слишком длинным, они прыгали на нем до тех пор, пока не ломали его ноги и ступни, и, став короче, труп помещался в гроб. Были еще и ампутированные, смердящие от разложения конечности, сваленные словно дрова. Когда находили человека без руки или ноги, они вытаскивали конечность из соответствующей кучи и клали вместе с его останками, нимало не беспокоясь о том, принадлежала ли ему эта конечность на самом деле.

Увидев работу таких вот людей, я наказывал их, но только первое время. Я быстро понял то, что знал каждый солдат. Человека можно было считать счастливчиком, если его хоронили дома, рядом с матерью. Для большинства неглубокая могила в чужой земле была единственной наградой за службу, могила, выкопанная насколько возможно глубоко друзьями покойника, так чтобы свиньи и другие животные не могли разрыть ее.

Если даже животные, если сама природа обернулась против нас, то что же

удивительного в том, что восставшие трупы приходят пожирать живых? Ничего. И все же вампир... что он мог сделать со мной?

Из записок Уильяма Питтенгера

61

Ярко-желтая лента полицейского ограждения была натянута вокруг дома на Рэйлроуд-стрит, арендованного Джеффом Монтрозом и тремя его приятелями. Серое дощатое строение с множеством коньков и крыльцом с белыми, словно пряничными, украшениями. Местами резное дерево было сломано и висело на ржавых гвоздях. Вокруг фундамента еще оставались сырые и вялые заросли айланты и гортензии. Подвальное окно блестело, отражая свет фар полицейских машин, которые заполонили улицу.

Кэкстон отряхнула воротник куртки, брызги полетели во все стороны, и поспешила к дому, показывая на белое деревянное крыльцо с обветшавшей пряничной резьбой.

— Часть этого дома снималась студентом-выпускником колледжа, неким Джеффом Монтрозом. Я пыталась связаться с ним, чтобы расспросить его про гробы, но у него не отвечал телефон. Мы с офицером Глауэром приехали сюда, чтобы посмотреть, здесь ли он, или, по крайней мере, понять, куда он мог деться.

Висенте вошел первым, потом вошла она... Глауэр остался снаружи. Он не стал объяснять почему, но Лора решила, что он и не обязан. Он уже видел, что было внутри.

Висенте топнул ногой по коврику перед входной дверью. В передней было тепло и почти сухо, в большой жилой комнате находились пара разномастных диванов и телевизор, поставленный на пластиковый ящик из-под молока. Из прихожей высокая арка вела на кухню. В раковине лежали немытые тарелки, в холодильнике было полно остатков китайской еды.

При стандартном ходе расследования комната была бы полна судебных экспертов, которые собирали бы образцы, снимали отпечатки пальцев, срезали волокна с заляпанного жесткого ковра. Но времени на это не было. Кэкстон уже знала, что ей нужно искать в этом доме.

Она отвела Висенте по деревянной лестнице, скрипевшей на каждом шагу. Старая шерстяная дорожка, расстеленная на лестнице, выцвела и местами протерлась. Серебристый свет из наружного окна освещал коридор перед ними и слепил глаза. Коридор на верхнем этаже расходился перед четырьмя спальнями. Три двери были закрыты. Эти комнаты занимали Мэри Кляйн, Фишер Хокинс и Мэдисон Чжоу Чзан. Все трое отправились в безопасное место, к родителям или друзьям, подальше от Геттисберга. Они покинули город после того, как накануне выслушали речь Кэкстон на пресс-конференции, даже несмотря на то, что отъезд означал пропуск занятий. Монтроз занимал четвертую комнату, самую дальнюю от лестницы.

Висенте остановился, не выпуская поручня лестницы. Выглядел он слегка запыхавшимся. Кэкстон с любопытством подумала, видел ли он прежде мертвое тело.

Они вместе шагнули в комнату, где приблизительно в пять пятнадцать утра оборвалась жизнь Монтроза спустя несколько часов после того, как Кэкстон вернулась в город.

Стены комнаты были оклеены постерами с различных концертов — черные чернила на ярком фоне бумаги. Одежда и книги были разбросаны по полу, свалены в кучу возле легкой походной койки, служившей Монтрозу кроватью. Видеокассеты и DVD-диски аккуратно стояли на полках, среди них была и копия «Зубов». Кэкстон надеялась, что Висенте ее не заметит. Большую часть стола, стоявшего возле единственного окна, занимали большой бежевый компьютер и толстые стопки бумаги для принтера. В кресле у компьютера застыл Монтроз, в той же самой позе, в какой Кэкстон обнаружила его. На нем была белая рубашка с расстегнутым воротом и манжетами и черная пелерина, подбитая алым бархатом. Он рассказывал об этой пелерине, когда они встретились: он надевал ее, когда водил экскурсии и

рассказывал о привидениях. Краска на глазах осталась безупречной, но темная тушь и подчеркнутые брови резко контрастировали с почти абсолютной белизмой его лица. Большая часть шеи была вырвана, но нигде в комнате не было ни капли крови.

Висенте кинул только один взгляд на тело и начал блевать. Он развернулся кругом в поисках мусорной корзины и обхватил ее, содрогаясь плечами и грудью.

Кэкстон терпеливо ждала, пока он закончит.

— Убийца — наш вампир, тот самый. Вопросов тут нет. Должно быть, он отправился сюда напрямик с места убийства на аллее. Вероятно, профессор колледжа Гейстдорфер рассказал ему, где искать Монтроза.

— Серый Волк? — Висенте уставился на нее дикими глазами.

— В первую очередь профессор Гейстдорфер был одним из тех, кто разбудил нашего вампира. Не думаю, что он понимал в то время, каковы будут последствия. После этого вампир подчинил его угрозами и шантажом. Профессор... погиб.

По-видимому, сейчас он был мертв во второй и последний раз, подумала Кэкстон, но ничего не сказала.

— А этот парень...

Висенте шагнул немного ближе к телу в кресле. Вытянул руку и дотронулся до ткани пелерины.

— Он что, сатанист?

— Нет. Любитель мрачных историй. — Кэкстон нахмурилась. — Его увлекали призраки, вампиры и прочие сверхъестественные штуки. Вот почему он приехал в этот колледж — изучать самый темный период американской истории. Жители девятнадцатого века разделяли некоторые из его наиболее извращенных интересов.

— Значит, когда появился вампир, Монтроз аж подпрыгнул от радости и решил ему помочь.

Кэкстон покачала головой.

— То, что он интересовался вампирами, еще не делает его негодяем. Моя подружка была из готов, давно, в колледже, и не читала никаких других книг, кроме как про вампиров. Могу поклясться, она не зло. Множество ребят играют в вампиров и жертв.

— Конечно, мы тоже так развлекались в школе. Повязывали черные салфетки на шею и гонялись друг за другом, делая вид, будто кусаем друг друга, как в кино. Потом мы стали обращать внимание на девчонок, и все это показалось ерундой. А парень так это и не бросил, да? И теперь он заплатил за это. Просто дурень.

Кэкстон пожала плечами. Она смахнула несколько бумаг со стола и показала, что там лежит. Простой деревянный кол — кусок дерева длиной около фута, заостренный с одного конца.

— Он был кем угодно, но только не идиотом, — сказала Кэкстон. — Он понимал: что-то затевается. Думаю, он знал это с самого начала, по крайней мере с тех пор, как услышал из новостей о гибели офицера Гэррити. Должно быть, он понимал, что был сообщником, ибо помог вернуть вампира к жизни. Он знал о ситуации в этом городе.

Лора потрогала острый конец кола. Вероятно, Монтроз знал, что он бесполезен против вампира, уже поевшего этой ночью. Он достаточно изучил вампиров, вероятно, не раз смотрел «Зубы». И кол, наверное, оказался просто лучшим средством занять себе руки.

— Не думаю, что в душе он был плохим человеком. Он просто не смог определиться, на чьей он стороне.

Висенте покачал головой.

— Не понимаю, офицер. Почему вы хотели, чтобы я увидел это?

Кэкстон склонилась над компьютером на столе.

— Это мы обнаружили, когда нашли тело. Он и не пытался скрыть это.

Компьютер был в спящем режиме. Когда Кэкстон нажала на клавишу пробела, экран загорелся. На нем была программа для работы со студенческой электронной почтой Монтроза, с уже открытым сообщением:

Тема: Нижайшая просьба о помощи.

От: Джона Гейстдорфера.

Для: Джеффри Монтроза.

Срочность: обычная.

Мой дорогой Монтроз!

Боюсь, все обернулось хуже некуда. Полиция собирается прикрыть раскопки, ну, это мы могли ожидать. Полагаю, вы уже встречали офицера Кэкстон. Она как раз едет, чтобы допросить меня. Резиновые шланги и пытки третьей степени. Думаю, я достаточно сильный мужчина, чтобы выдержать это, но что может оказаться хуже... Джефф, они собираются изъять гробы и остальные найденные предметы, и я сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим их снова. Я знаю, вы разделяете мою страсть к этой находке, и я бы хотел попросить вашей помощи.

То, что я задумал, вряд ли можно строго согласовать с буквой закона. Не переживайте. Я возьму всю ответственность на себя и заплачу любой смехотворный штраф, который они потребуют, если уж до этого дойдет. Вспомните, мы обсуждали, как перевезти гробы в место, где за ними можно будет лучше присматривать. Я хочу, чтобы вы взяли факультетский фургон и занялись этим уже сегодня. Никому не говорите, что вы собираетесь делать, хотя, если вас поймают на горячем, не пытайтесь лгать, чтобы спасти меня. Сделайте это, и чем скорее, тем лучше.

Я думаю, у тебя большое будущее, сынок, действительно большое будущее. Я вижу твое имя стоящим сразу за моим в документах, когда мы опишем эту находку. Бывают времена, когда мелочные мирские соображения нас, смертных, склоняются перед нуждами истории... Думаю, в тебе я нашел того, кто разделяет мою веру. Вечно буду благодарен тебе.

Джон

62

Хирам Морзе выполнил свое поручение согласно генеральному плану. Когда мы впервые встретили сопротивление нашему посту, он вернулся к войскам так быстро, как только смог, вызвал помощь, и даже больше. Он привел с собой весь Третий Мэнский, около двенадцати стрелков и полковника Лэйкмена, идущего впереди с обнаженной саблей. Они пронесли через лес фонари, освещая себе дорогу, и казалось, это огромные костры двигаются сквозь деревья, так их было много.

С Чессом они расправились быстро. Солдаты накинули ему на шею кусок веревки, повесили на самом высоком дереве в его собственном дворе и расположились, чтобы понаблюдать, как он будет вырываться и пытаться освободиться.

Наконец он вроде бы понял бесплодность своих попыток и дал телу повиснуть, но все еще не умирал. Именно тогда, когда его пытались прикончить, я попросил взглянуть на него, на ту тварь, которая так необратимо исковеркала моего Билла. Мне позволили и подвели поближе, и я взглянул в его красные глаза. Я хотел плюнуть в него, но потом увидел в его лице выражение абсолютного безразличия и сдержал свою ярость. Добрую минуту я стоял и только смотрел на него, а он — на меня. В конце концов, я не мог найти в себе достаточно гнева, чтобы проклясть его.

Он протянул целую ночь, до рассвета, когда солнечный свет коснулся его, словно перст Господень. И тогда его плоть растаяла, как воск, и его обнаженные кости рухнули из петли.

Мне сделали носилки, потому что больше я не мог ходить, и понесли вон.

Свидетельство Алвы Гриста

Висенте пару раз прочитал сообщение, точно так же, как Кэкстон до него. Пока Лора ждала, она думала о Монтрозе. За прошедшие сутки студент выполнил поистине страшное задание. Один, без посторонней помощи, он перенес девяносто девять гробов на новое место. Лоре подумалось, что раз уж учишься на археолога, то ты должен знать, как браться за кости, чтобы не испытывать при этом ужаса. И все-таки это должно было занять у него целый день. Он был невероятно измотан.

Потом он вернулся домой после всей этой тяжелой и грязной работы и надел свою пелерину, ту самую, которую надевал на экскурсии о призраках. Приготовил этот кол, сел и стал ждать, наблюдая, что же произойдет. Должно быть, он был сбит с толку. Он действительно очень рассчитывал встретиться с настоящим вампиром во плоти и был напуган, ибо знал, вероятно, что этого знакомства он не переживет. Лора подумала, выяснил ли Монтроз то, что так его интересовало.

Когда начальник полиции покончил с чтением, он снова посмотрел на тело. Казалось, он пришел в себя.

— Я не понимаю. Он помог вампиру. Почему же тот убил его?

— Потому что Монтроз мог рассказать нам, куда дел гробы. Вы заметили, как Гейстдорфер осторожничал, чтобы не выдать это место в своем письме? Монтроз был единственным живым существом, который это знал.

— Нам нужно найти гробы, — твердо сказал Висенте. — Нужно найти их до темноты.

Кэкстон кивнула. Это было примерно половиной того, что она хотела от него услышать, то, ради чего она притащила его сюда и заставила смотреть на труп Монтроза. Вторая половина потребует большей тонкости.

Она проводила Висенте с места преступления вниз по лестнице и на улицу. Пока они были в помещении, дождь начался не на шутку. Глауэр стоял на посту возле машины начальника полиции, и поля его шляпы совершенно промокли.

— Офицер, я хочу, чтобы вы произвели обыск во всех без исключения домах, — сказал Висенте. Лицо его практически ничего не выражало. — Я хочу, чтобы вы вызвали всех мужчин и женщин, которых мы только можем собрать, и пусть они проверяют везде, где только есть возможность спрятать эти гробы.

— Да, сэр, — сказал Глауэр, но с места сдвинулся не сразу.

Кэкстон уже прорепетировала с ним эту часть постановки.

— Думаю, мы можем собрать около тридцати человек, каждый на автомобиле. Мы займемся этим прямо сейчас. В городе сотни подобных мест. Мы сделаем все, что сможем.

— Я искренне надеюсь на это, — прошепел Висенте. — Вы понимаете, чем мы рискуем?

Глауэр застыл как каменный и ничего не ответил. После долгой, напряженной тишины он повернулся и посмотрел на Кэкстон.

Висенте заговорил.

— Что еще? Что вы хотите сказать?

— Это убийство совершено со значительно большим насилием, чем прежние, уже виденные нами преступления этого вампира, — ответила она.

Когда-то она думала, будто этот вампир был другим. Мол, у него было какое-то чувство собственного достоинства и добропорядочность. Аркли не верил, и она должна была его послушаться.

— Я бы сказала, тут есть особый рисунок. Он начал с того, что ранил Гейстдорфера. Он мог убить его там же и тогда же, но у него хватило выдержки, чтобы остановиться. Потом он был спровоцирован на убийство офицером Гэррити, который пытался прикончить его. Потом он убил Гейстдорфера, ибо был голоден. Семью из Нью-Джерси, — сказала она, показывая в сторону аллеи и машины с покойниками, — он прикончил из-за спешки. Отсюда он

направился напрямик к дому. Монтроз активно помогал ему. Он всю свою жизнь мечтал стать лучшим другом вампиров. А вампир убил его только потому, что тот знал, где были гробы... только для того, чтобы спрятать концы в воду. Человеческая жизнь потеряла для него всякое значение. Он превратился в настоящего социопата, способного действовать хладнокровно. Он стал страшнее, чем когда бы то ни было, и это не предел.

Висенте был и так бледен. Он отвернулся к заливаемой дождем улице. Он не смотрел на Кэкстон.

Она обошла его, заглянула прямо в лицо. Это была самая опасная часть игры, в которой она должна была положиться на него как на разумного человека.

— Сначала он не хотел пробуждать других. Он хотел, чтобы они покоились с миром. Это было до того, как он начал меняться. Я думаю, теперь он способен на то, чтобы вернуть их к жизни. Ему достаточно только пробудить одного или двоих... и он пробудит их всех.

— Чистой воды гипотеза, — ответил Висенте слабым голосом.

— Может, и так, но отталкиваться мы должны от этого.

Пришла пора раскрыть свои карты.

— Господин начальник полиции, — сказала Кэкстон, — я бы хотела дать вам совет, если только вы слушаете.

Висенте сморщился, но, молча посмотрев на нее, в конце концов кивнул.

— Вам следует полностью эвакуировать город.

Она замерла, ожидая, когда Висенте начнет орать.

Долго ждать не пришлось. Пока он высказывал все, что думает о ее предложении, она терпеливо ждала, когда стихнет словесный шторм. Она практически не запомнила, что он орал.

— Мы обещем этот город снизу доверху ради этих гробов, — сказала Кэкстон. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти их до заката. Но если поиски будут безуспешными...

— ...У вас есть совет и насчет того, что может произойти?

Кэкстон посмотрела ему в глаза. Прямо в глаза — словно вампир, гипнотизирующий жертву. Ей не хватало магической силы, но она надеялась, что ее искренность и страх произведут тот же эффект.

— Если мы не сможем найти гробы до заката, нам нужно быть готовыми. Готовыми к встрече с армией вампиров. Именно об этом мы и говорим. Они поднимутся голодными и будут убивать все, что видят. Господин начальник, мне нужно, чтобы вы дали мне полномочия начать планирование операции на сегодняшний вечер.

— Сегодня? Сегодня вы собираетесь одной левой прикончить всех этих вампиров?

— Нет, мне понадобится помощь, чтобы собрать свою собственную армию. Мне понадобятся офицеры, мне понадобится оружие и мне понадобится, чтоб вы не стояли у меня на пути. Мне нужно, чтобы вы перестали мыслить юридическими понятиями. Мне нужно, чтобы вы стали мыслить об этом не как о расследовании, а как о войне.

Я прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть повешенного Чесса и его пылающую усадьбу. Так, со второй и окончательной смертью вампира, все и должно было закончиться. Но как и эта война, история еще не была завершена; и, кажется, подобно неупокоенному мертвецу, любой ее конец был в лучшем случае только временным.

В Военном департаменте от меня потребовали анализа того, что произошло в Гам Спринг, и они его получили: рядового Хирама Морзе следовало наградить медалью. А после — высечь кнутом. Этот негодяй оказался настолько добр, что обыскал руины плантации Чесса и нашел разложившуюся женщину, все еще

отчасти живую; или не-мертвую, каким бы ни было *not just*.¹ Потом он принес ее вниз, где ждали армейские следователи и где они уже исследовали то, что осталось от Обидаи Чесса. Думаю, он был опьянен наградой, которую получил за то, что предоставил им одного вампира на веревке. Должно быть, он думал, что его награды удвоятся, если он принесет и вторую, а эту еще можно было допрашивать. Наверняка он не мог знать, какой узел он развязал. Восстановление ее тела могло изменить ход войны; да и истории тоже. Но кроме того, Морзе повесил на меня самую позорную ответственность, на которую я когда-либо мог рассчитывать, и лишил сна все мои будущие ночи, сколько бы мне их ни осталось.

Из записок Уильяма Питтенгера

65

Как много нужно было сделать. Всем своим усталым телом Кэкстон ощущала, как дела наваливаются на нее, словно ей суждено быть похороненной заживо.

Нужно было собрать местных полицейских, распределить машины, снабдить их картами, которые бы разбивали территорию на поисковые зоны. Нужно было синхронизировать рации. Диспетчер с усталым вздохом присылал дюжины сообщений в час на пульт в машине Кэкстон. Следовало обыскать дома, музеи, гостиницы, туристические центры. Школы, больницы, все здания Геттисбергского колледжа (особенно там ни камня не должно было остаться без внимания). Пожарную станцию, старинные дома, в которых располагались организации, занимавшиеся проведением экскурсий с призраками или туров на поле сражения. Рестораны, сувенирные лавки. Круглосуточные продовольственные магазины. И осмотреть еще множество домов, которые были слишком малы, чтобы вместить сотню гробов, но в которых могли быть подвалы.

Нужно было звонить по телефону. Как всегда, звонить нужно было много.

Кэкстон позвонила в казармы штата полиции, те, которые располагались сразу за городом, и в Арендтсвилль. Ей требовалось больше детективов, больше полицейских, больше народу, который помог бы отыскать эти гробы. Долгие, слишком долгие минуты она выжидала, оставаясь на линии, только чтобы переговорить с комиссаром в Харрисбурге. Она звонила в оружейную Национальной гвардии, только чтобы услышать, что их нельзя мобилизовать без прямого приказа губернатора.

Губернатор на звонки не отвечал.

Она осматривала дорожные заставы, развернутые поперек основных трасс. Местные полицейские из Харрисбурга, Арендтсвилля и Ганновера должны были обосноваться на них. Она встречалась с персоналом больниц — докторами, медсестрами, санитарями и техническими работниками, паковавшими необходимое оборудование, тихо обсуждая с администрацией перевозку пациентов из их палат на свободные места в больницах близлежащих городков. Кто-то всегда готов был спорить, кто-то готов был поклясться, что данный пациент не может быть перевезен, что состояние больных слишком тяжелое. Лора пыталась объяснить, что вампирам на это плевать. Им плевать, умирает ли кто-то от лейкемии, рака мозга или же от опасных инфекций. Кровь была кровью, а раз донор не может подняться и убежать, то им это даже на руку.

Она многих перепугала. Она видела, как белели их лица, а руки тряслись, когда они отводили глаза. Сердце Лоры Бэт Кэкстон перестало сопереживать им. Аркли был бы доволен: раз они напуганы, то будут бежать быстрее. Это заставит их убраться отсюда. Ей необходимо было больше походить на Аркли. Когда их голоса начинали дрожать, когда они зывали к ее пониманию, Кэкстон суровела и обрисовывала им ближайшую перспективу.

Новые звонки. Она обзванивала школьные автобусы, разговаривала с начальниками и руководителями, звонила в местный питомник борзых. Снова звонила в Национальную гвардию и спрашивала, не могут ли они прислать войсковой транспорт. Многие уже

¹ Верное, точное слово (фр.).

покинули Геттисберг, включая большинство туристов. Но множество горожан остались на месте. Ей необходимо было эвакуировать из опасной зоны более пяти тысяч человек, и сделать это нужно было до шести часов вечера — абсолютный, решительно крайний временной лимит для эвакуации. Национальная гвардия располагает целой армией машин, заправленных и готовых к отправке, но они не могут отправить их без одобрения губернатора или, раз уж он совершенно недоступен, вице-губернатора.

Вице-губернатора в это самое время в кабинете не было. Не хочет ли она оставить сообщение? Его личный секретарь не уверена, когда сможет связаться с ним, даже несмотря на то, что это очень срочно.

Операции вроде этой не могут осуществляться стихийно. Они должны быть обстоятельно спланированы. Все хотели наблюдать со стороны, и все хотели прикрыть свои уважаемые задницы. Людей нельзя отрывать от необходимой работы вроде той, что направлена на обеспечение условий жизнедеятельности. У нее должны быть полномочия на то, чтобы использовать нужные виды оружия... еще больше их требовалось для получения оногo. Полицейские операции такого масштаба требовали многомесячной организации, чтобы собрать всех необходимых людей и оборудование в нужном месте в нужное время. У нее же оставалось всего несколько часов.

Но не все новости были катастрофическими. Харрисбургский департамент полиции имел долгосрочное соглашение с городом Геттисбергом — пример удобной неопределенности юрисдикции, которую с точки зрения законности никогда не оспаривали. Они счастливы прислать несколько человек. Десятка хватит? Кэкстон хотела сотню, но взяла то, что дали.

— Что с вертолетами? — поинтересовалась она.

Гробы могли прятаться где-нибудь в лесах вокруг поля сражения. Они могли быть разложены на какой-нибудь крыше, где-то, куда поисковики не смогли бы добраться без затруднений. Кроме того, поддержка с воздуха помогла бы искателям скоординировать свои усилия. У Харрисбурга было два вертолета, хотя один из них стоял на плановом техобслуживании. Он мог быть подготовлен и запущен в воздух через пару часов. Они пришлют их, как только смогут.

Департамент местной полиции в Харрисбурге тоже имел специальную договоренность с полицией штата. Они понимали, что Кэкстон говорит серьезно, и готовы были помочь всем, чем сумеют. Она не могла найти слов для благодарности.

Несколько раз звонил Глауэр.

— Ничего, — каждый раз сообщал он. — Ничего. Пара людей не дали нам обыскивать свои дома, но это приличные люди, я их всю жизнь знаю.

— Проследи, чтоб их эвакуировали в первую очередь, — ответила Кэкстон. — А потом обыскивай, когда их не будет. Это срочные меры.

Сделали объявления по радио, телевидению и в Интернете. Все жители города Геттисберг должны были сообщить о себе в ближайшую школу или правительственное учреждение и ждать транспорта, чтобы покинуть город. Ни при каких условиях они не должны были пытаться выехать на своих транспортных средствах. Кэкстон видела, каким интенсивным могло быть движение в обычный день... Улицы Геттисберга были безнадежно запутаны, и эвакуация столь же безнадежно застопорилась бы среди ревущих клаксонов и мигающих фар, дорожных разборок и небольших аварий. А может, и больших. С дождем все станет только хуже.

Но кое-кто все же пытался. Лоре звонили со всех концов города, и приходилось отправлять полицейских, чтобы разбираться со столпотворением, успокаивать людей и выстраивать их в очередь. Каждый офицер, которого она посылала догонять какого-нибудь неповиновавшегося мотоциклиста, отрывался от досконального обыска домов.

Позвонил мэр. Уверена ли она, что вовремя отыщет гробы? Уверена ли она, что можно избежать человеческих жертв? Уверена ли она, что мэру и его персоналу не следует эвакуироваться на вертолете, который видели над городом?

Нет, нет и нет. Кэкстон на мгновение прикрыла глаза и подождала, когда мэр прекратит болтать. Она сказала «нет» еще несколько раз, почти не вслушиваясь в вопросы.

— Докладывать нечего, — сказал Глауэр по рации в машине. — По моим подсчетам, мы обыскали двадцать процентов зданий города.

Было уже три часа дня.

Кэкстон села и выпрямилась, закончив разговор с мэром. Прошло уже столько времени, а сколько еще оставалось сделать! Люди выстраивались у кварталов, где была почта, у здания муниципалитета, у туристического центра. Ждали автобусов, которые вывезут их.

Кэкстон снова звонила в Национальную гвардию. Умоляла.

— Губернатора или, в случае крайней необходимости, вице-губернатора...

Она щелчком закрыла телефон. Постаралась дышать через нос. Потом снова раскрыла телефон.

Она опять звонила в полицию штата, просила прислать всех свободных сотрудников антиалкогольного подразделения. Получив их в свое распоряжение, она удвоила количество полицейских для регулирования движения, контроля дорожных застав, поисковой работы.

Ей звонили журналисты. Снова и снова. Уверена ли она, что гробы отыщутся вовремя? Она действительно полагает, что Геттисберг будет наводнен вампирами? Не кажется ли ей, что эту историю немного трудно переварить?

Время на журналистов она не тратила.

Снова звонки, снова работа. Дозвонилась до парламентского пристава в штаб-квартиру в Харрисбурге. Перечислила необходимое ей снаряжение, как будто заказывала по почтовому каталогу «Л. Л. Бин».¹ Только вместо свитеров и флисовых курток она намерена получить патрульные винтовки и защитное снаряжение. Человек, «принимавший заказ», бросил трубку, поэтому она перезвонила и, воспользовавшись своим служебным положением, пригрозила ему. Потом принялась умолять: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Даже будь у меня все это, мне нужен специальный ордер, письменное разрешение от комиссара, а его сейчас в офисе нет, — ответил ей пристав.

У Национальной гвардии было все, что ей требовалось. У них всего было навалом, все было в идеальном порядке, смазанное, готовое к использованию. Горы амуниции, многочисленные стеллажи, заваленные винтовками. Плюс множество людей, которые могли привезти их, включая немалое количество ветеранов из Ирака. Солдат. Настоящих солдат.

Вице-губернатор был на встрече с рабочей группой по вопросам образования, и его личный секретарь сомневался, что сможет передать ему сообщение прямо сейчас.

— Вы понимаете, что может произойти? Вы понимаете, сколько людей может погибнуть?

Ему не нужно понимать. Это не его работа. Она позвонила комиссару в штаб-квартиру в Харрисбург. Ее попросили подождать. У нее не было времени. Она не могла допустить, чтобы разговор не состоялся. Она переключила телефон на громкую связь, одолжила сотовый у начальника полиции Висенте и продолжила звонки.

К четырем тридцати комиссар смог ответить на ее звонок.

— Да, я знаю, насколько серьезна ситуация. Я вижу, что дело срочное. Вы мне это хотели сообщить? Я, кажется, чего-то не понимаю. Я вас послал туда поймать одного вампира, а вы говорите мне, что скоро у вас их будет сотня. Если это ошибка, если вы делаете из мухи слона...

— Не делаю, — заверила она.

Даже если бы она делала из мухи слона, даже если она и ошибалась, то, Кэкстон была уверена, вряд ли она проживет достаточно долго, чтобы расстроиться из-за потери работы.

— Вы должны мне поверить. У меня есть ряд свидетельств, буквально у меня в руках. У меня есть информация из достоверных источников, но у меня нет времени писать отчет и отправлять его вам. Мне нужно, чтобы вы просто делали то, что я говорю, и не задавали больше вопросов. Иначе погибнет множество народу. Сегодня.

¹ Популярный в США почтовый каталог одежды и спортивного снаряжения.

— Думаете, вам не удастся отыскать гробы до заката?

В последнем донесении от Глауэра говорилось: они обыскали сорок процентов города.

— Нет, — сказала она. — Думаю, нет. Я была бы рада сказать «да», но я не могу позволить себе ошибиться.

На линии повисла долгая пауза. Кэкстон слышала, как сопит комиссар, и только.

— Хорошо.

Кэкстон едва поверила своим ушам.

— То есть вы согласны?

— Согласен.

У нее слов не хватило для благодарности.

Потом ей позвонил губернатор. Извинился за то, что так долго был недоступен. Спросил, как она там держится, что ей нужно и чем он может помочь. Он немедленно мобилизует Национальную гвардию, отправит транспортные отряды, которые она просила, вертолеты, солдат, оружие. Так скоро, как только в человеческих силах.

— Сегодня до заката прибудет небольшой отряд. Остальных пришлем сразу, как только удастся собрать. Пожалуйста, офицер, я прошу вас защитить наш штат.

— Сэр, я вам крайне признательна, — честно ответила она. — Я просто... Я не ожидала от вас... Я не...

— У вас есть очень интересные друзья, патрульный, — сказал губернатор. — Поэтому... вам нужно еще что-нибудь?

— А танки прислать можете?

Губернатор добродушно рассмеялся.

Кэкстон закончила разговор. Набрала номер Аркли.

— Не знаю, что вы сделали, но...

Его голос прозвучал искаженно. Словно он находился в машине, двигавшейся на большой скорости, или же просто дождь создавал помехи. Она не знала, где он и что делает, не было времени спрашивать. Его ответ был как раз в точку:

— За последние двадцать лет я добился многих привилегий, ибо знал, что наступит день вроде сегодняшнего. Я использовал весь политический капитал, который у меня был.

Как представитель маршалской службы США, Аркли в свое время охранял многие суды и познакомился со многими судьями. Политики к судьям прислушивались.

— Спасибо, — сказала она. — Даже не знаю, что еще сказать.

— Этого достаточно. — Аркли замолчал на секунду. — Есть еще одна вещь, которую я могу для тебя сделать. Но это сильнодействующее средство.

— Времена наступили такие.

— Ладно. Мне пора вернуться к работе.

Она согласилась и выключила телефон.

Набрала свой домашний номер, подождала, когда Клара снимет трубку. Прошло шесть или семь гудков.

— Алло?

«Я должна сказать тебе, что происходит, — подумала Кэкстон. — Я должна сказать тебе, что может случиться, когда сядет солнце».

— Алло?

Слова застряли у нее на языке. Все до единого. «Я должна попрощаться», — подумала она.

— Лора? Я знаю, это ты... Твой номер определился. Что происходит?

Кэкстон открыла рот. Выдавила из себя:

— Я люблю тебя.

На другом конце воцарилась тишина. Потом раздался мягкий голос:

— Я тебя тоже.

Шепот такой тихий и такой нежный, словно это эхо на линии.

Кэкстон захлопнула телефон. Ничего больше она сказать не могла.

Страдая от дрожи и головокружения, от недостатка сна, еды и передозировки кофеина и страха, она выбралась из машины в первый раз за несколько часов. Прошла полквартала до почтового отделения, где в большой белый броневомобиль сажали перепуганных жителей Геттисберга. Бойцы Национальной гвардии в полном обмундировании помогали им забираться через расположенные сзади люки, улыбались им, говорили, что все будет хорошо.

Она посмотрела на часы: шесть двадцать три.

66

Сразу по прибытии я бросился в штаб-квартиру генерала Хукера, и меня направили в кабинет на втором этаже. Там я обнаружил женщину, откинувшуюся на подушки в удобной кровати. За шелковой ширмой горела единственная свеча, оставляя комнату в густом сумраке. Больше света причинило бы ей физическую боль, мне так сказали. Ее снабжали письменными принадлежностями и большим количеством чернил, и она уже заполнила несколько страниц изящным легким почерком. Когда она обратила на меня свой единственный глаз, меня пронзило холодом, словно костный мозг превратился в лед, и все же я почти не колебался, когда приблизился к кровати и поцеловал ее гнилую руку. Как мне сказали, теперь она шпионила для Союза, предоставляла много полезной информации и была почетной гостьей генерала. Мне также сказали, что она может пить мою кровь, когда только захочет. Тем не менее она заверила меня, что не голодна и что я могу расслабиться. Я не стал выяснять, из чьих вен она получила сегодняшнее пропитание.

Она многое рассказала мне про себя: про то, как в прошлом веке ее привезли в Америку (и в довольно разложившемся состоянии, думается мне), про то, как все это время она была украшением дома семьи Чесс, неспособная выбраться из золоченого гроба. Она рассказала мне, как познакомилась с Обидаей Чессом, когда он был еще ребенком, которому запрещали приближаться к ней, но который не мог следовать добрым советам своего родителя. Тем не менее только после того, как начались боевые действия, она склонила юношу присоединиться к ней в бессмертном существовании. Он почитал ее как вторую мать (первую унесла лихорадка, когда он был еще младенцем). Сначала он кормил ее собственной кровью, потом стал приносить ей жизненную влагу других, получив власть и приняв на себя ее проклятие. Он обнаружил, сказала она, что в военное время добывать необходимую субстанцию было довольно легко: люди свободно могли пропасть без вести, особенно рабы, про которых думали, будто они сбежали в суматохе. Она с удовольствием рассказывала о тех временах, как некоторые рассказывают о мирном времени, процветании и изобилии, когда-то воспринимавшимися нами как должное.

Я узнал наконец ее имя — звали ее Жюстина.

Из записок Уильяма Питтенгера

67

К шести тридцати город был свободен от гражданских. Оружие и войска прибыли, их разместили на площади Линкольна. Приблизительно шестьдесят процентов городских зданий были обысканы. Ни единого гроба, сердца или вампира не найдено. Солнце желтым пятном висело за облаками, видимое лишь частично через темную путаницу веток, которые закрывали горизонт на западе. Пора было прекращать поиски гробов и начинать бой против вампиров.

На площади собрались отряды. Они стояли небольшими группами, курили, сидели на дорожках, изучали исторические здания, экономя силы перед предстоящей схваткой. Кэкстон насчитала семьдесят пять человек. Этого мало, совсем мало, но это был максимум, который

удалось собрать. Они все были обучены держать оружие. Это уже кое-что. Офицеры антиалкогольного подразделения в голубых ветровках и бейсболках. Местные полицейские и знакомые спецназовцы из Харрисбурга и Национальной гвардии в камуфляже, бронежилетах и с приборами ночного видения, болтающимися у шлемов. Многие пришли со своим оружием, чаще всего с пистолетами и дробовиками. Увидев последние, Кэкстон нахмурилась: дробовики против вампиров были практически бесполезны. К счастью, под рукой было оружие получше.

Винтовки и гранаты в больших ящиках, наспех сгруженные с грузовиков без спецмаркировки, лежали грудami на разоренной клумбе и прямо на тротуаре между парковочными счетчиками. Каждая граната была завернута в пластиковую оболочку и засунута в упаковочные гранулы. Винтовки лежали в коробках аккуратными рядами, закрепленные разделителями из пенополистирола. Она взяла одну из них и проверила механизм, убедившись, что модифицированный ствол прочно соединяется со ствольной коробкой. Пластиковый приклад лег на сгиб локтя, а пламегаситель смотрел прямо вверх.

— Слушайте, ребята, — прогудел Глауэр так громко, что она вздрогнула. — Кое-кто здесь меня знает, но большинство, вероятно, нет. Кто эта женщина, полагаю, знают все.

— Да, — ответил один из солдат Национальной гвардии, радостно кивая. — Это та цыпочка из «Зубов».

Кэкстон уставилась на него. Ему было не больше девятнадцати.

— Это наш начальник, — ответил полицейский из антиалкогольного подразделения, с седой бородкой, но без усов. — Назначенный полевой командир.

Она никогда не слышала этого термина прежде. Он прозвучал так, словно полицейский вычитал его в Интернете или в журнале «Солдат удачи».

— Я офицер Кэкстон, и хватит этого. Уверена, вы все в курсе того, почему оказались здесь, поэтому буду краткой.

Она оглянулась, убедившись, что завладела их вниманием. Несколько человек все еще болтали друг с другом, но большая часть этих людей были профессионалами. Они знали, когда надо слушать.

— Через несколько минут наступит полная темнота. И тогда появятся они, и, надеюсь, наша поддержка с воздуха заметит откуда. Нам нужно быть готовыми к действию, как только получим сообщение. Когда мы вступим в схватку с противником, жизненно важно, чтобы вы обладали правильным пониманием ситуации. Это не облава. Брать под арест мы никого не собираемся. Вы должны стрелять на поражение, с первого выстрела, без колебаний. Ни один вампир не должен сбежать сегодня ночью.

Она подняла винтовку, показывая ее остальным.

— Все знают, что это такое?

— Это полицейская винтовка, — ответил один из знакомых ей патрульных, поднимая указательный палец. — Вон тот конец вы направляете на мишень и делаете бабах.

Остальные заржали.

Кэкстон оглянулась и нашла гвардейца.

— Дайте мне свой бронежилет, — велела она.

Солдат заколебался, но она схватилась за ремни на его куртке и принялась их расстегивать.

— Кстати говоря, толку от него никакого, — сказала она. — Вампиры в нас стрелять не будут. Бронежилет будет лишь замедлять движения.

Она хотела было приказать всем солдатам Национальной гвардии снять бронежилеты, но передумала.

Они могли обеспечивать им некоторый психологический комфорт. Гвардеец, в которого она вцепилась, снял жилет, и она забрала его у него, потом оглянулась снова и обнаружила большую оранжевую тыкву, выставленную в качестве осеннего украшения отеля. Она обернула тыкву жилетом и выставила бронированный овощ на асфальт, заставив всех отойти футов на двадцать.

— Да, это полицейская винтовка. «Кольт AP-6520». Немного тяжелее, чем вы, наверное, рассчитывали. Ствол переделан под пули пятидесятого калибра для пулемета Браунинга. Вместимость магазина — двадцать патронов, помните об этом. И вот еще что запомните... — Она осторожно прицелилась в бронежилет, сняла предохранитель и послала пулю сквозь керамическую пластину брони и тыкву.

Волокнистая оранжевая мякоть взорвалась внутри бронежилета, заляпав парочку соседних автомобилей.

— Вам лучше не стрелять друг в друга.

Толпа мужчин разразилась хохотом. Она даже не ожидала. Впрочем, это было хорошо. Смех мог объединить их в команду. Он помогал снять тревогу. Лора поняла, что может этим воспользоваться.

Впрочем, упускать момент она и не собиралась.

— Я даю вам именно этот вид огнестрельного оружия, ибо единственный способ убить вампира, это выстрелить ему прямо в сердце.

Она положила руку на левую половину груди.

— Но даже тогда вы не можете быть уверены, что убили его наверняка. Когда они появятся, то будут выглядеть практически как покойники, очень тощие и бледные. Пули пятидесятого калибра как раз хватит, чтобы прикончить их. Но стоит им только выпить крови, как они станут практически пуленепробиваемыми. Вот это, — сказала она, щелкнув предохранителем и вскинув винтовку вверх, — все еще может помочь. А может, и нет.

Она открыла еще один ящик и жестом показала солдатам, что пора вооружаться.

— Они быстрее нас. И намного, намного сильнее. И без сожаления оторвут вам голову или выпустят кишки. Кто из вас был прежде на охоте?

Как она и предполагала, множество рук взлетело вверх. Это были пенсильванцы, большинство из которых родились и выросли между двумя отрогами гор. Скорее всего, они учились стрелять, глядя сквозь оптический прицел винтовки 22-го калибра на белохвостого оленя.

— Стрелять четко и метко. Каждый раз в сердце, чуть левее середины корпуса. У вас по двадцать пуль. Не тратьте ни одной на выстрелы в голову или ноги. Вас наверняка учили обезвреживать жертву, не причиняя смертельного вреда. Забудьте об этом.

Она оглядела людей, бывших под ее началом. Национальные гвардейцы, многие из которых воевали в Ираке, им долго рассказывать не требовалось. Тем не менее их было меньше трети отряда. Остальные принадлежали к тому типу полицейских, которые бесконечно тренировались для того, чтобы не убивать людей и даже не стрелять, если вдруг выстрел мог привести к летальному исходу. И потребуется нечто большее, чем просто строгое предупреждение, чтобы сбить их с этого настроения. Наверное, подумалось ей, когда они увидят противника, когда вампиры с воем придут за их кровью, они сами это поймут.

Но наверное, многие погибнут прежде, чем поймут это.

Аркли без раздумий принял бы это допущение. Он сознавал бы важность того, что они делали, и пожертвовал бы кем угодно, включая себя, чтобы остановить сотню вампиров от вторжения в Геттисберг. Пришло время требовать от этих людей той же отдачи, решила она. Пришло время требовать ее от самой себя.

— Ладно, слушайте меня, — сказала она.

Быстрыми, схематичными линиями она набросала свой план.

— У них масса преимуществ, но мы можем победить их, если будем держаться вместе.

Она взяла карту города и парка.

— Я не знаю, где мы столкнемся с ними, но, независимо от этого, план таков. Мы вступаем в первичный контакт и наносим максимум возможного ущерба. Они попытаются окружить нас: чтобы причинить вред, им нужно находиться в непосредственной близости, но мы им этого не позволим. Когда они станут наступать, мы разобьемся на группы и отойдем к ближайшим крупным зданиям. Командиры ваших групп будут знать, куда отступать. Будем защищать эти здания так долго, насколько это возможно, потом снова отступим, и все время

будем двигаться к центру города. Затем перегруппируемся, окружим врага и убьем всех, кто останется. Вопросы есть?

Вопросов не было.

68

Когда она закончила писать свои показания, у меня было достаточно фактов, чтобы раздавить сброд Симонона и навсегда положить конец большинству разбойничьих отрядов южан. Я поблагодарил ее со всей признательностью и сказал, что она оказалась большим другом моей страны. Именно ради этого я пришел сюда, и теперь все было кончено. Я собирался уехать на рассвете и до окончания дня вернуться со своим рапортом в Вашингтон.

«Всегда пожалуйста, — написала она. — Но где моя награда?»

Я притворился равнодушным, поняв ее просьбу.

— Вас хорошо покормили сытной кровью. Вы хотите что-нибудь еще?

«Только немного душевного спокойствия, — ответила она. — Что станется теперь со мной, с другом вашей страны, коим я являюсь в настоящий момент? Я не могу передвигаться и не могу освободиться. Какова будет моя судьба?»

То, что должно было произойти с ней потом, было не в моей компетенции, впрочем, мне казалось, я догадывался: быстрая и безболезненная казнь, которая будет милостью для нее, а для нас и тем более.

— Это уж не мне решать, — заверил я ее и приготовился раскланяться.

И все же ей было что мне сказать. Весьма и весьма много. Своим изящным почерком она набросала широкими штрихами мою будущую судьбу, буква за буквой:

«Возможно, я смогу помогать вам и дальше, добрый сэр. Я мало знаю о войне, хотя войны происходили не раз за мою долгую жизнь. Мне кажется, во время самых значительных конфликтов возникает нужда не в военных способностях, не в желании воевать, но в солдатах, которые будут сражаться. Говоря кратко, не нуждается ли вы в людях?»

Моим долгом было передать предложение Жюстины, что бы я о нем ни думал. Я немедленно отправился в повозку, где у нас был телеграф. Я составил свое сообщение, зашифровал его и отправил, думая, что теперь-то покончил с этим. Телеграфист ругался и боролся со своим аппаратом, затрудняясь отправить сообщение. И тем не менее ответ пришел практически мгновенно, и, когда его расшифровали, в нем было только одно слово: *«Продолжайте»*.

Из записок Уильяма Питтенгера

69

Больше никаких ошибок. Лора так часто думала об этом, что слова эти, казалось, были выбиты изнутри ее черепа. Больше никаких ошибок. Повесив свою винтовку на плечо, она сжала спиральный медальон в ладони и привязала его к руке порванной ленточкой.

Последний желтый отблеск исчез с неба. Несколько звезд мигали из-за облаков, плывущих с востока на запад, и Кэкстон следила за ними взглядом. Она слышала вертолеты, патрулирующие город, поисковиков с инфракрасными камерами и приборами ночного видения, выискивающих малейшие признаки врага.

«Сейчас, — думала она, нервничая. — Сейчас будет вызов».

Звонка не было. Радио тихонько потрескивало, но ничего не сообщало, кроме периодических докладов о местоположении, когда пилоты вертолетов отслеживали перемещение друг друга. Кэкстон вздохнула.

«Вампиры, — думала она, — могут разделиться и...»

Она тряхнула головой, чтобы отогнать эту мысль, но шея заболела от внезапного

движения. Она так устала, так долго не спала. Периодически в течение дня она начинала клевать носом, но старалась не терять драгоценного времени. Теперь она просто ждала и хотела услышать хоть что-нибудь.

Они могли разделиться, двинуться по открытой местности. Избегая дорожных патрулей на шоссе, просто растворившись в темноте.

Нет. Нет, этого не произойдет, не может произойти. Если это случится, она всю свою жизнь будет преследовать их. Каждая ночь будет кровавой баней, каждый день — безумными поисками, и ни единого часа для сна. Этого не могло произойти.

Она посмотрела на людей, бывших у нее в подчинении, выискивая признаки потери самоконтроля. Большинство из них были крутыми ребятами. Все пришли добровольно. Офицеры антиалкогольного подразделения всю свою жизнь работали в неблагополучных местах, им приходилось иметь дело с сомнительными типами, которые часто располагали кучей оружия. Полицейские из отдела по борьбе с наркотиками были во многом похожи на них, это были ветераны бесконечных антинаркотических рейдов и захватов метамфетаминовых лабораторий. Они выглядели немного напуганными. Именно поэтому она и могла назвать их крутыми, ибо они выглядели испуганными. Она вспомнила, какой ужас испытывала сама, когда ей впервые пришлось схватиться с вампиром, а теперь она смотрела вокруг и на каждом лице видела страх. Они знали, что каждый день их могут ранить. Могут убить.

Гвардейцев, солдат, было немного сложнее понять. Некоторые новобранцы сидели кучками по четыре-шесть человек, держа винтовки между коленями. Они вскидывали головы каждый раз, когда раздавался чей-то смех или радио шипело белым шумом. Ветераны Ирака выглядели более обыденно. Большинство гвардейцев, отслуживших в Ираке, были из Пенсильвании, и их потери там также были велики. О том, как нужно выживать, эти люди знали больше, чем она могла рассказать им. Они стояли, прислонившись к грузовикам, не делая лишних движений. Лора видела, как они смотрят на четыре дороги, которые вели от площади, не столько встревоженные, сколько насторожившиеся, внимательно следившие за окружающей обстановкой.

«Сейчас», — подумала она, посмотрев на радио.

Тишина.

К ней подошел Глауэр с огромным термосом горячего кофе и горой вставленных один в другой пластиковых стаканчиков в полиэтиленовой пленке. Он разорвал обертку и протянул ей стаканчик, налив кофе.

— Как ваши ребята? — спросила она.

Он надул щеки, выпустил воздух.

— Мы в порядке, в порядке, — ответил он ей.

Он оглянулся через плечо. Из двадцати офицеров геттисбергского полицейского отделения восемнадцать были расставлены по площади в ожидании приказов. Все двадцать человек пришли добровольно. Это был их город — они хотели остаться здесь, хотели защитить свои дома. Двоих она отправила домой. Один был единственной поддержкой для своего аутичного брата, который не мог сам о себе позаботиться. Другой был болен.

Начальник полиции Висенте перебрался в безопасное место.

Глауэр почесал усы.

— Послушайте, офицер, — сказал он, но тут вдруг словно забыл, что хотел сказать.

Он неловко улыбнулся, опустил руку.

— Они отлично справятся, — сказала она, ибо решила, что именно это сказал бы Аркли. — Их учили стрелять. Они прекрасно справятся.

Он коротко кивнул, но, судя по виду, его это не убедило.

— Ага. В тире. Некоторые из них, правда, охотники. Я всегда рыбалку предпочитал. Если б я знал, что произойдет, что тут случится, я бы прошел один из предлагавшихся ФБР контртеррористических курсов. Мне бы и счет в отеле оплатили, и все такое. Я всегда думал, понимаете, мол, в Геттисберге это не понадобится. То есть никто из нас не проходил их. Мы

думали, это глупо.

— Они прекрасно справятся.

— Ладно, — сказал он и пожевал губу. — Я... гм... я никогда еще не стрелял в живое существо. Ни разу за свою жизнь.

— И сегодня не придется, — ответила она. — Вампиры уже мертвы.

Он рассмеялся, но не тем дружелюбным смехом, которого она ожидала, а громко, неловко фыркнув, так что несколько гвардейцев удивленно обернулись. Он снова кивнул и отошел, протягивая кофе всем, кто пожелает.

Эти люди справятся, убеждала она себя. Она поведет их против вампиров, и тогда все, что нужно будет сделать, — это только стрелять. Вампиры собьются вместе, они не станут дробиться. Ей не придется гоняться за ними. Она покончит с этим сегодня ночью, живая или мертвая, но она покончит с этим, и тогда...

— Противник в зоне видимости, — закашляло радио.

Это прозвучало чуть ли не виновато.

— Подтвердить можете? — спросил пилот вертолета.

Обращался он не к Кэкстон.

— Положительно. Вижу противника.

Пилот скороговоркой передал координаты. Кэкстон обратилась к своей карте, положив ее на капот машины, и внезапно вокруг нее столпились семьдесят пять мужчин, протискиваясь, пытаясь что-нибудь разглядеть. Вампиров видели к югу от города, на поле сражения. Это идеально соответствовало ее плану.

— Хорошо, — сказала она.

Сердце прыгало у нее в груди, но она не показывала этого.

— Давайте действовать без ошибок, — предупредила она. — Выдвигаться будем быстро, чтобы они не успели разделиться. Никому не отставать.

Она нырнула сквозь строй людей, направляясь к югу. Старинные здания Геттисберга, красный кирпич с белым кантом, желтый кирпич с черным кантом, проносились мимо нее. Шум всех этих людей, двигавшихся вместе, напоминал громкий скрип парусов, поймавших ветер. Слух у вампиров был безупречный. Они услышат, что они идут. Они увидят человеческую кровь, пылающую в темноте.

Она на ходу проверила винтовку, проверила обойму, затвор. Услышала позади себя, как шелкнули семьдесят пять предохранителей.

Городское кладбище находилось слева от нее, темнота наплывала оттуда, куда не доставали уличные фонари. Здания справа от нее теперь располагались с большими интервалами. Окна их были темны. Улица впереди поднималась на невысокий холм. Она увидела старинную расписную пушку, памятник батальонам и полкам, сражавшимся в Геттисберге. Открытые участки газона, ряды деревьев, и вот Лора уже стояла на вершине холма, глядя вниз, на долину — открытое пространство между двумя поросшими деревьями горными хребтами, которые ограничивали поле сражения: Семинарийская гряда — к западу и Могильная гряда — к востоку.

Во всей туристической литературе поле называли Долиной Смерти. В брошюрах, проспектах и путеводителях. Сотни тысяч людей сражались тут в течение трех дней, и многие из них погибли. Кэкстон наклонила голову вперед, напрягая зрение в попытке хоть что-нибудь увидеть. Уловить движение, тень. Луны не было, и только несколько звезд освещали поле сквозь просветы в облаках. Пусто... она ничего не видела...

...и тут она заметила. Что-то белое, бледнее, чем темное поле. Движущееся, практически извивающееся. Словно масса личинок ползла по траве, медленно приближаясь к ней, нарастая, превращаясь в отдельные фигуры.

Она подняла винтовку к плечу, глянула в прицел.

«Вот и хорошо, — подумала она, — началось».

Мне сказали, Билл, что ты отомщен, ибо Чесс побежден и уничтожен. Но все же я скучаю по тебе. И хоть правосудие осуществлено, но память не успокаивается.

Сколько раз я мечтал о том, как мы вернемся в старый добрый штат Мэн, где нас встретит праздник в кругу семьи и друзей, таких же, как и мы. Как часто снилось нам с тобой это возвращение? Но ни ты, ни я не увидим этого благословенного дня.

Я пришел сегодня посидеть возле НЕЕ, думая, что только ненависть будет в сердце моем. В конце своей жизни ты служил ей как раб. Я сказал, что ты сбежал от нее, но она ответила мне, написав на бумаге, мол, твое тело уже мертво и в течение семи дней твоя душа освободится. Тяжесть в груди поразила меня, и я дал знак, что хотел бы уйти. Мои проводники шагнули вперед, чтобы подхватить меня. Но прежде чем они успели унести меня, я попросил их задержаться.

Она изменилась, Билл, ее лицо превратилось в твое.

Это была чистой воды иллюзия, легко узнаваемая, и все же я понимал, что пожелай я этого, и она заговорила бы твоим голосом, взяв меня за руку, как это некогда делал ты. Сначала меня захлестнуло отвращение, но ненадолго. В этот самый миг я понял, что она делает мне какой-то подарок, какое-то одолжение, и я подчинился, ибо видеть тебя снова было так хорошо.

И потом... она обратилась ко мне напрямую, используя мысли вместо слов.

Письмо Алвы Гриста (неотправленное)

71

Вампиры приближались прямоугольником, выстроившись плечом к плечу как минимум в дюжину рядов. На них не было ничего, кроме лохмотьев, обрывков старой униформы, просторных штанов, оборванных понизу. Некоторые были в мундирах, не различимых по цвету в темноте. Их кожу было легче заметить, бледную даже во мраке. Их лица были безволосы и измождены, щеки впали.

Они были огромны. Они были стремительны и опасны. Они двигались в жутком безупречном порядке, словно были единым существом со множеством тел. Кэкстон смогла различить их зубы, мерцающие в свете звезд, она могла видеть их огромные мощные руки.

Любой вампир мог прикончить ее. Это было проще простого. Тот вампир едва не задушил ее. С такой же легкостью он мог разорвать ее на кусочки. А теперь перед ней была целая армия.

«Я не смогу», — подумала Кэкстон.

«Я умру здесь», — заключила она.

Она не могла шевельнуться, не могла вздохнуть. Она чувствовала себя одурманенной.

А они всё надвигались. Их ноги двигались ритмично: левой, правой.левой. Правой. Армия... не просто кучка, не просто толпа. А армия в буквальном смысле.

Ну да. Ведь именно армией они и были, когда были живы.

— Это солдаты, — сказала Кэкстон, и заклятие спало.

Она вдохнула полные легкие кислорода.

— Они идут маршем.

Аркли бы не колебался. Аркли был бы смелее. Она мысленно обратилась к нему, заставляя себя думать, как думал бы он. Вампиры были смертельно опасны, они были сильны, но неуязвимыми они не были. Кэкстон прицелилась для первого выстрела, затаилась. Вампир из первого ряда, слева от центра. Она поискала взглядом своего вампира, но не смогла найти. Она ждала, что он окажется впереди, возглавляя атаку, но он, должно быть, спрятался среди других.

Они были тощими, болезненно, ужасающе тощими. Они выглядели оголодавшими и грязными.

Однако глаза их горели. В темноте казалось, будто они светятся. Кэкстон попридержала свой выстрел.

— Целиться в сердце, — громко приказала она, так, чтобы остальные услышали ее. — Каждый раз.

Патрульные вокруг нее и полицейские из антиалкогольного подразделения, солдаты Национальной гвардии и местные полицейские вскинули свои винтовки. Некоторые опустили на колено, уперев локти в бедро, чтобы зафиксировать прицел. Остальные целились от плеча, готовые к бою.

Вампиры надвигались очень быстро, их ноги едва касались земли. Руки болтались по сторонам, а глаза продолжали смотреть вперед, не отклоняясь в сторону. Если они и заметили Кэкстон и ее отряд, они ничем этого не показали. И конечно же, они не выказывали никакого страха.

Лора боялась, что они разделятся. Боялась, что они направятся в разные стороны и тогда ей никогда будет не переловить их. Такой проблемы не возникло. Вампиры были солдатами, обученными военной тактике девятнадцатого века. Это означало держаться вместе и двигаться навстречу огню. Такой порядок плохо показал себя в ходе Гражданской войны, когда люди шли вперед на пушечный огонь.

Ближе... все ближе. Это было так похоже на сон, так неправильно и сюрреалистично, что Кэкстон не могла понять, как далеко они находятся. Она удержалась, чтобы не выстрелить. Подправила руку. Вампиры были всё ближе, исполненные ярости.

— Открыть беглый огонь! — выкрикнула она, и ночь взорвалась.

Винтовки рывкнули и подскочили в руках стрелков. Кэкстон выстрелила сама, ощутив отдачу винтовки в плечо. Удар был не так силен, как она ожидала. Она не сводила взгляда со своей мишени, наблюдая, как темная дыра появляется в его груди. Рука вампира взлетела вверх, и он повернулся, ткнувшись подбородком в плечо.

Строй замер на месте. Вампиры стояли неподвижно, абсолютно неподвижно, словно удивившись. Глаза их горели.

Тот, которого она подстрелила, рухнул на землю. Глаза его перестали гореть, глядя вверх, в небо. То там, то здесь из первого ряда выпали и другие. Два, нет, три вампира. Другие уставились на их тела, на дыры, которые пронизывали их грудные клетки, животы и лица, оглядываясь по сторонам, осматривали то одного, то другого.

Те трое, которые упали, так и остались лежать. Лица остальных исказились гримасами боли, когда плоть стала заполнять пулевые отверстия, пока их тела исцелялись. Это не могло длиться дольше секунды-другой.

— Продолжать огонь! — крикнула Кэкстон.

Винтовки с грохотом стали плеваться огнем. Упал еще один вампир, потом, в конце одного ряда, какой-то вампир развернулся и схватился за соседа. Винтовки рывкнули, и вампиры запрыгали, отступая назад, сдвигаясь в сторону, пропуская вперед идущих за собой.

Они снова наступали. Приближались. Очень стремительно.

— Держать позиции, — крикнула Кэкстон, когда люди за ней качнулись вперед и назад, следя за попаданиями, некоторые отходили назад, пытаясь сохранить дистанцию.

— Держать! — крикнула она, перекрывая грохот винтовок.

Вампиры в первом ряду корчились, но остальные двигались вперед, их было большинство. Их было так много, и они были так близко, и так быстро двигались.

— Держать! — крикнула она снова.

Она выстрелила опять, и ржавые медные пуговицы отлетели с темного мундира. Крови не было; в них совсем не было крови, которая могла бы течь из ран. Сказать, попал ты или промахнулся, было невозможно. Некоторые из вампиров, которые падали на траву, неуклюже разбросав конечности, начали подниматься.

Приближались они быстро. Они были ближе, чем этого хотелось Кэкстон. Она схватила пару защитных наушников, висевших на шее, и натянула их на голову, глянула, убедившись, что у остальных они тоже были. Потом вытащила из кармана гранату и сорвала пластиковую

оболочку.

Та лежала в руке скорее как банка с лимонадом, чем миниатюрная бомба. Снаряд был покрыт черной матовой краской, тяжелый цилиндр с расположенными по всей длине отверстиями. Лора никогда не видела таких прежде, но знала, как они работают.

— Береги глаза! — крикнула Кэкстон и рванула чеку.

Она швырнула гранату, словно мяч для софтбола, и та ударила вампира в плечо, не причинив ему вреда. Вампир повернулся, следя за тем, как она упала на траву.

И как только Лора вернула винтовку в положение для стрельбы, она зажмурила глаза. Тем не менее, когда граната взорвалась, у Кэкстон искры из глаз посыпались.

Обычные осколочные гранаты были бы против вампиров бесполезны. Взрыв шрапнели мог на секунду-другую притормозить их, но металлические осколки никогда бы не достигли надежно защищенного вампирского сердца. Когда в Национальной гвардии спрашивали, какое вооружение будет наиболее эффективным, она тут же испытала настоящее воодушевление. Она вспомнила, как фонарик Гарольда, ночного сторожа, неприятно поразил вампира, и попросила светозумовые гранаты — другими словами, гранаты временного поражения. Гвардейцы называли их «икс-эм-84».

В брошенной ею гранате было всего четыре с половиной грамма магния и перхлората аммония. И этого было более чем достаточно. Когда снаряд взорвался, он выбросил больше света, чем миллион горящих свечей, и шум выше ста восьмидесяти децибел. Подобной мощности хватало, чтобы ослепить и дезориентировать незащищенного человека. Даже в наушниках Кэкстон показалось, что граната взорвалась прямо возле ее лица.

Когда вспышка и грохот прошли, она снова осторожно открыла глаза, молясь, чтобы граната оказалась эффективной. И едва не заулыбалась от увиденного зрелища.

Вампиры были ночными тварями, не способными выносить яркий свет. Кроме того, они были хищниками с исключительно тонким слухом. К тому же им было больше ста лет, и вряд ли они могли понять, что именно она кинула в их гущу. Многие из них повернулись, чтобы взглянуть на гранату. Все услышали звук взрыва. Наступление прекратилось, и большая часть вампиров упала, перекатываясь по траве, зажимая свои треугольные уши. Глаза их засияли намного ярче, пока не стали похожи на красные угли, мучительно сжигающие их глазницы. Лора видела, как один вампир тянулся к небу, словно пытаясь прикрыться от невидимого удара. Другой упал на колени, схватившись за глаза когтистыми пальцами.

Они были не более чем в десяти ярдах от отряда. Если она промедлит еще секунду, они навалятся на нее все вместе, уничтожая ее отряд.

— Окружайте, — прокричала Кэкстон, оглядываясь на людей, срывавших защитные наушники.

Она потянулась и сняла свои.

— Берите в кольцо, живей, лучшего шанса у нас не будет!

В кармане у нее была еще одна граната, но она прекрасно понимала, что не стоит недооценивать вампиров. Они будут знать, чего им ждать, если она снова попытается проделать этот трюк.

Ноги заскользили, когда Лора бросилась бежать по высокой траве, но она не упала. Она забежала в тыл вампирам и вскинула винтовку. Это едва ли напоминало охоту, но Кэкстон на это было плевать. Выстрелила, потом прицелилась снова, приканчивая чудовищ, простреливая их сердца. Они извивались и стонали у нее под ногами, белые тела светились во тьме. Нелепая убийственная считалка крутилась у нее в голове синхронно выстрелам:

«Раз вампирчик, два вампирчик, три, четыре, пять...»

Она не останавливалась, не сбавляла темпа, пока Глауэр не схватил ее за руку.

— Что? — спросила она. — Что еще?

Он показал, и она увидела одного из оглушенных вампиров, быстро мигающего глазами. Он садился, медленно приходя в чувство.

— Черт, — выругалась она.

Она знала, что они придут в себя после вспышки. Но искренне надеялась, что на это

уйдет больше времени.

72

Я думал, добровольцев будет сложно найти. И снова я ошибался. Я был поражен, как и любой человек, который не видел эту войну в непосредственной близости, узнав, сколько здесь, в Мэриленде, было умирающих солдат, раненных в бою, жертв ужасного мора или просто сломленных духом и разумом. Сколько было тех, кому просто не для чего было жить, кто бы с радостью согласился использовать последний шанс прославиться, прежде чем уйти, обретя покой.

Натиск добровольцев меня не остановил. На самом деле мне пришлось многим отказать — людям, в которых еще оставалась какая-то искра жизни, и здоровым солдатам, чьим единственным недугом было отчаяние. И хотя я не мог никому рассказать деталей, хотя слово «вампир» ни разу не сорвалось с моих губ, все же их было очень много. Очень, очень много.

Обеспечение необходимых припасов было тоже делом несложным. Несколько стеклянных, в оплетке, бутылей с синильной кислотой были изъяты и готовы к употреблению, поскольку в армии ее использовали в лагерях для борьбы с крысами. Гробы необходимого качества и крепости можно было достать с легкостью. Нынешнее правительство убеждало нас в том, что недостатка в гробах не будет. Железнодорожный вагон, приготовленный для перевозки мертвых солдат, ждал меня в Хагерстауне. И самый необходимый предмет, мисс Жюстину Малверн, я тоже получил. Она была сама сговорчивость и услужливость, поскольку каждую ночь получала свою порцию крови. И не один раз я добывал ее из своих вен.

Из записок Уильяма Питтенгера

73

— Черт подери! Назад, назад! — закричала Кэкстон.

Некоторые из солдат у нее за спиной немедленно подчинились, отступая, кто-то даже бегом. Другие остались на месте, продолжая стрелять в вампиров; дула винтовок смотрели вниз, пламя с отрывистым грохотом вырывалось из стволов.

Все больше вампиров стало подниматься, вставать на ноги. Тех, кто катался по земле, пристреливали, но чудовищ все еще было слишком много.

— Назад!

Единственным преимуществом людей была дистанция. Если вампиры восстановятся слишком быстро, они прикончат патрульных, офицеров антиалкогольных подразделений и гвардейцев.

— Отступаем! — снова закричала Кэкстон.

Большая часть ее отряда отступила и бросилась в темноту. Но все же было немало тех, кто, кажется, вовсе ее не слышал. Может быть, наушники не защитили их от взрыва. Может, они оглохли... а может, просто были так напуганы, что не понимали ее слов.

На дальнем фланге отряда вампиров один из монстров поднялся с травы и набросился на патрульного, разорвал его форменную рубашку и содрал большую часть кожи с груди. Кэкстон вскинула винтовку и попыталась пристрелить вампира, но точно попасть не смогла. Винтовочная пуля пятидесятого калибра, пробивавшая автомобильный двигатель, прошла бы и сквозь вампира, и сквозь патрульного. Лора ничем не могла помочь этому человеку.

Справа от Кэкстон дергалась и подсакивала чья-то винтовка, выплевывая пули. Офицер включил автоматический огонь и выкашивал вампиров пятидесятым калибром. Он напрасно тратил снаряды: вампиры, в которых он попадал, дергались на месте, словно марионетки, но полицейский стрелял вслепую, и шанс попасть в сердце был или мал, или вообще отсутствовал. Кэкстон закричала на него, не слыша себя из-за шума и почти ничего

не видя из-за вспышек. Она схватила его за плечо, пытаясь оторвать руку от курка, но, как только ей это удалось, магазин был уже пуст.

— Я отхожу! — закричал он и повернулся, чтобы ретироваться, то ли чтобы взять новые боеприпасы, то ли просто сбежать.

Она выхватила запасную обойму из кармана и показала ему, но тут услышала с другой стороны от себя крик одного из полицейских.

Когда она повернулась и увидела волну белесых тел и гнилых отрепьев, смыкающихся над ее головой, сердце замерло у нее в груди.

Как быстро... Как быстро они двигались, даже проведя полторы сотни лет в земле... и они... они были повсюду.

Люди закричали и открыли бешеный огонь, стволы смотрели в разные стороны, метались, пытаясь поймать мишени. Кэкстон низко пригнулась, когда над головой у нее пронесся горячий пламегаситель. Звуки выстрелов оглушили ее, но она глянула вверх и увидела в десяти дюймах от своего лица вампира, увидела его светящиеся красные глаза. Его бледные руки ударили по ее рубашке, по плечу, но силы в них уже не было.

— Давай, — сказал Глауэр возле нее.

Вокруг гибли люди. Намного быстрее, чем вампиры. Она увидела солдата-гвардейца, разорванного пополам, увидела белое лицо, зарывающееся в алую плоть. Она видела выкручиваемые шеи, вампирские зубы, вонзающиеся в плоть сквозь голубые ветровки, врезающиеся сквозь кевларовые бронежилеты. Она слышала вопли вокруг себя.

Она услышала чью-то молитву, оборвавшуюся внезапно.

Глауэр схватил ее за руку, и она чуть не выронила винтовку.

— Перестроиться! Перестроиться! — заорала она, едва успев отскочить от вампира, несущегося прямо на нее, пригнув плечи, щелкнув челюстями в воздухе там, где она только что была. Она умудрилась поднять винтовку и выстрелить трижды, не целясь, ему в лицо, в грудь, в пах. Вампир судорожно дернулся и рухнул, запутавшись в собственных ногах. Она прицелилась ему в спину, выстрелила и увидела, как он подскочил и упал лицом в холодную траву.

— Отступай! — закричала она, не уверенная в том, слушает ли ее кто-нибудь. Поле превратилось в скопление тел, хаотично дравшихся во тьме.

— Расступись! — выкрикнул один из гвардейцев. — Дорогу!

Пальцы вампира вцепились в ремни его бронежилета. Солдат развернулся, пытаясь освободиться, и вампир другой рукой сорвал с него шлем. Кровь фонтаном хлынула из шеи, и Кэкстон увидела, как голова солдата свесилась вперед, болтаясь только на обрывках кожи. Вампир наклонился, чтобы глотнуть его крови.

— Помогите! — крикнул кто-то.

Лора повернулась и увидела офицера антиалкогольного подразделения, окруженного тремя вампирами. Он от бедра отстреливался из своей винтовки, держа в другой большой блестящий нож «пустынный орел». Он выстрелил одному из вампиров в глаз, и тот гаденько улыбнулся, потом схватил его в медвежьих объятия с такой силой, что Кэкстон услышала, как под ветровкой хрустнул позвоночник офицера.

Она попыталась прийти ему на помощь, когда вдруг холодная рука вцепилась ей в ногу и опрокинула навзничь. Это был тот самый вампир, которому она выстрелила в спину, перекатившийся и смотревший на нее. Выстрел был идеально точен, но... Лора тут же поняла свою ошибку. Оказавшись сзади вампира, она перепутала левую и правую стороны. Максимум — она прострелила ему легкое, в котором он больше не нуждался.

Вампир широко разинул свою огромную пасть, проворно потащил Кэкстон к себе. Его глаза сверкали, и Лора почувствовала, как спиральный медальон нагревается в руке. Он пытался гипнотизировать ее.

Вампир прыгнул у нее над головой, склоняясь для нападения. Лора оглянулась, увидев две белые костлявые руки, вздернувшие ее лодыжки по направлению к разинутой пасти. Она попыталась вывернуться, вскинуть винтовку. Зажав пламегаситель между коленей, она

ударила им вампира, как штыком, в тот самый момент, когда его зубы беспрепятственно вонзились в ее икру.

Кэкстон нажала на курок, и вампир закричал, выпуская ее ногу. Она перекатилась прочь от него, встала на колени, направляя свое оружие прямо ему в грудь, напротив сердца. Он был уже мертв. И это было не важно.

Вампиров вокруг было намного больше.

Двое напали на нее с разных сторон. Их руки буквально взлетели вверх, готовые разорвать ее. Лора выстрелила одному в грудь, но другой набросился на нее, его пальцы схватились за ее галстук и рубашку. Он дернул, и ее горло сжал ее собственный галстук. Кэкстон попыталась развернуть винтовку, но вампир был уже на ней сверху. Она чувствовала холод его кожи, его гнилостный запах. Она попыталась закричать, но звук не мог вырваться из горла. Белые пятна поплыли перед глазами.

Кэкстон слышала выстрелы. Они звучали как будто издалека. Она едва могла связать их с тем фактом, что голова вампира взорвалась белым мягким месивом, разбрасывая куски мозга и костей. Вампир отпустил ее, и Лора выскользнула из-под него. Но едва она попыталась подняться на ноги, вампир уже восстановился, его голова обрела прежнюю форму, а глаза горели неприкрытой яростью.

Глауэр схватил Лору за руку и помог ей подняться. Он вскинул винтовку на изготовку, прицелился и выстрелил прямо в сердце вампиру.

74

Энто письменная присяга Рудольфа Сторроу из 1-го снайперского полка и все это чистая правда. 27 июня я прибыл в Мэриленд встретить со старым приятелем Алвай Гристом прикованным к постели больным. Палковник Питингер послал за мной.

Алве выделили малинькую комнатку в гарнизоне чистую и светлую с окошками, висьма уютную и все ж там было зело вонюче потому што его рана обернулась гангреной так мне сказали. Я про запах ничего не сказал потому што мы с Алвай были старыми друзьями.

Мы сели и пагаварили четверь часа о том што видели и делали в Виржинии в доме вампира, што я рассказывал уже палковнику Питингеру. Мы даже посмьялись нимнога. Потом я спросил Алву уверен ли он и хочит ли исчо покончить с энтим всем, и он сказал што хочит.

Он сказал мне што все равно жить ему осталась немнога с его ранами и вообще, и што он хочит помочь своей стране сколько смоет и што он готов. Он миня спросил не думаю ли я што энто грех, а я сказал нет не думаю. Я сказал што многа других людей дабравольна вызвались на энто дело, а палковник миня убедил, што они патом отправяца в хорошее место, а ни в Ад. Так што Армия гаварит што все в порядке.

Алва сказал што ему энто в самый раз.

У миня с собой была фляшка куда я нолил синильной кислоты, которую я взял у палковника и я нолил Алве стаканчик. Бурда энта сильно пахла миндалем если хотите знать, и пить ее совсем нихателось.

Алва сказал што устал и скучает по своему другу Биллу. Потом выпил все а там немнога было. Через пару минут он помер. Потом я написал энто как мне велели и теперича все кончена, и я налью и себе стаканчик, штоб покончить все. Бох храни Америку и мистира Линкальна и всех наших ребят.

Письменная присяга Рудольфа Сторроу

75

Глауэр поднял Кэкстон на ноги, и они помчались. Времени говорить не было, не было времени благодарить его за то, что он спас ей жизнь. Они бежали быстро, низко пригибаясь, направляясь к большому круглому зданию, еле видневшемуся в темноте. Вампиры позади них пировали, пили кровь мертвых и умирающих и не спешили преследовать их. Лора бросила мимолетный взгляд через плечо и увидела тела, распростертые по полю. Некоторые были бледными при свете звезд, с безволосыми головами и темными глазами. Но многие, слишком многие из этих тел принадлежали членам ее отряда.

Чувствовать вину она будет утром, если доживет. Кэкстон продолжала бежать.

Когда они убежали достаточно далеко, Лора отважилась заговорить:

— Мне казалось, раньше вы ни в кого еще не стреляли.

— Тренировка в рабочих условиях творит чудеса. — Глауэр послал ей короткую ухмылку, которая превратилась в гримасу боли.

Он был ранен? Кэкстон не могла понять. Даже если и был, это не замедлило его движений. Сколько вампиров он убил? Она не знала.

При всей сложности плана, при всей выдержке, которая у нее была, Лора очень мало следила за тем, что происходило на поле. Она сражалась сама, слишком сосредоточившись, чтобы следить за кем-либо еще. Она и понятия не имела, сколько еще человек из отряда осталось в живых.

Впереди заслоняла звезды высокая, четко обрисованная махина здания «Панорамы». Кэкстон нужно было добраться до него как можно скорее. Держась за рукав куртки Глауэра, она выжала из своих ног еще большую скорость. Вампир мог находиться как раз позади нее, следуя за ней по пятам. Они могли двигаться намного быстрее, окружая ее, перерезая дорогу...

Если все это так, то она, конечно же, уже покойник. И она ничего не могла с этим поделать. Кэкстон поднажала еще. Каблуки застучали по асфальту, и Кэкстон с облегчением выдохнула, ворвавшись на пандус для инвалидов колясок перед зданием «Панорамы».

Передние двери распахнулись, и пара гвардейцев шагнули наружу, вскинув винтовки и взяв ее на прицел. Она подняла свою винтовку, и они остановились.

— Вы, — выдохнула она, показывая на одного из гвардейцев.

У него был прибор ночного видения, болтающийся перед лицом, пара блестящих линз, глядящих на нее.

— Что вы заметили? За нами кто-то бежит?

— Никак нет, — ответил он ей.

— Отлично. Как только войдем, закрыть эти двери.

Как бы плохо ни прошла первая часть сражения, сколько бы людей ни погибло, ее план все еще действовал. Она провела Глауэра внутрь здания, где было тепло и светло от множества электрических лампочек.

Центр «Панорама» был одним из самых главных туристических развлечений в военном парке — по крайней мере, прежде. Уже больше года он был закрыт для публики на реставрацию. Полицейские открыли его, чтобы использовать для отступления. Это было круглое здание без окон, поэтому ни один вампир не мог ворваться с фланга. Внутри было в основном открытое пространство и посетители могли видеть всю панораму: выполненное маслом полотно высотой двадцать семь футов и сотню футов в окружности, 360-градусный обзор поля битвы в момент бесславной атаки Пикетта. Картина сильно выцвела, но реставрационные работы уже начались, и дым, пушки и орды дерущихся людей были выписаны с жутким реализмом. Тема картины была исключительно близка тому, от чего Кэкстон только что сбежала, чтобы перевести дух.

Кое-кто из отряда Кэкстон, в основном гвардейцы в камуфляжной форме, собрались внутри, держась близко друг к другу. Они сжимали в руках винтовки, готовые в любой момент начать отбиваться. Никто не разговаривал, не курил, никто даже не взглянул на нее лишний раз. Они знали, что все еще оставалось там, в темноте. Отступление дало им несколько минут передышки, но никто не назвал бы это мирной передышкой.

Посреди помещения стоял стол на козлах. Половину столешницы занимала большая переносная радиостанция, а остальное пространство закрывали карты парка и города. Женщина-гвардеец с шевронами на форме пыталась выйти на связь, склонившись над рацией и ожесточенно выкрикивая вопросы в микрофон.

— Лейтенант Петерс, — воскликнула Кэкстон, бросаясь к женщине. — Вам удалось!

— Клянусь задницей, патрульный, — ответила гвардеец.

Она была одной из трех женщин-добровольцев в наскоро собранной армии Кэкстон, но еще она была самым старшим офицером гвардейского контингента. Она была немного старше Кэкстон, наверное лет тридцати, но в ее темных волосах уже виднелась проседь. Она была в Ираке и вернулась оттуда живой. Кэкстон мимолетно подумала, переживет ли она эту ночь. Если у кого-нибудь из них и есть шанс спастись, то пускай это будет лейтенант.

— Есть сведения из центра помощи туристам?

Петерс нахмурилась и посмотрела на рацию.

— Там есть несколько человек. Судя по всему, организованы они неважно. Крупные силы противника отравились за ними.

— Пока они держат свою позицию, — отозвалась Кэкстон.

Она подтянула к себе одну из больших карт. Центр помощи туристам был как раз за Тэйнитаун-роуд, всего в сотне ярдов отсюда и немногим севернее здания «Панорамы». Силы Кэкстон разделились на группы, занимая близлежащие здания, как она и планировала. У каждого отряда был приказ покинуть свои позиции, если дело будет слишком жарким, и передвинуться в следующие пункты далее по дороге. План заключался в том, чтобы все дальше и дальше заманивать вампиров на север, в город, где будет проще навалиться на них. Если вместо этого они двинутся на юг, то могут и сбежать. На этот случай Кэкстон оставила там засаду — вертолеты могли погнать вампиров обратно по направлению к городу мощными прожекторами. Но Кэкстон не знала, сработает ли это на самом деле.

— Будь я на их месте, я бы бросила эту затею и сбежала, — сказала Петерс, словно прочитала мысли Кэкстон.

Лейтенант указала на три места на карте.

— Блокпосты на дорогах, которые мы поставили, не смогут задержать этих уродов дольше чем на пару минут. Если там произойдет столкновение...

— Не произойдет, — сказала Кэкстон, внезапно почувствовать уверенность в собственных словах. — Сначала они придут за нами.

— Но, господи боже, почему? Мы атаковали их. Они атаковали нас еще сильнее, но и понесли некоторые потери.

Кэкстон кивнула.

— Я бы тоже на это надеялась. Нет, они придут за нами. Им нужна наша кровь. Они так долго голодали впотьмах, мечтая о крови. Они придут к ближайшему источнику. То есть к нам.

Она посмотрела на главный выход из здания.

— Ваши люди готовы? Они будут здесь через несколько минут.

— Я видела, как быстро они двигаются. Мои люди готовы, — ответила Петерс, глядя Кэкстон в глаза.

Кэкстон отвела взгляд, но лейтенант не спускала с нее глаз. Она просто стояла, изучая Лору, не мигая.

— Что-то не так?

— Мы не ожидали подобного сопротивления. Тогда, в пустыне, — сказала Петерс, слегка меняя опору, прислоняясь к столу, — когда мы оказались по уши в дерьме, наш старший офицер приказал отступить. Выжить, чтобы сразаться завтра. Так нас учили.

«Вот почему я и не могу просто переложить эту работу на вас», — подумала Кэкстон.

Она бы с радостью переложила на солдат ответственность за Геттисберг. Она бы уехала куда-нибудь и выпалась. Впрочем, в этом она сомневалась... Аркли хорошо вымуштровал ее. Солдаты не стоят на месте, ожидая, когда на них нападут. Они передвигаются с учетом

стратегии и только удерживают позиции, которые можно адекватно защищать. Они работают именно так, ибо знают, что их враги придерживаются такой же модели нападения.

Но вампиры так не сражаются. Они слишком наглы... они никогда не отступают.

— Лейтенант, если мы просто отступим сейчас, вампиры смогут делать все, что им заблагорассудится. Как вы и сказали, блокпосты их не удержат. Вы видели, что они сделали с хорошо вооруженными солдатами. Вы хотите, чтобы подобная угроза коснулась гражданского населения?

Петерс поморщилась, но покачала головой. Вот и прекрасно. Аркли никогда никого не просил одобрять его приказы. Просто надо соглашаться с ними.

76

Процедура создания нового отряда сама по себе была простой и осуществлялась без препятствий и отсрочек. Человека вносили, вкатывали или приводили в комнату, где на кровати возлежала мисс Малверн. Она не говорила с ними, не писала любезностей или нежных заверений. Она сказала мне, что ее работа должна осуществляться в полной тишине. Вместо этого она смотрела добровольцу в глаза. В некоторых случаях приходилось поддерживать их головы, чтобы она могла их хорошо видеть. Потом проходило немного времени, во время которого кто знает, какая связь устанавливались между этими двумя. Потом человека переносили в другую комнату, где его ждала чаша с ядом. И только некоторые из них отказывались на этот раз. Только двое отказались от яда, но оба вскоре вернулись и попросили его. У меня было несколько человек в подчинении, крепких сердцем ребят, которые брали тела и переносили их в ожидавшие гробы. Гробы были сгружены на похоронные дроги. А потом все закончилось, — пока не наступила ночь.

Я ждал, сидя у повозки, ждал заката. Не пил вина, не играл в карты, не делал ничего, чтобы убить время. Я просто сидел на походном стуле и ждал в полном одиночестве. Только я и моя совесть. Когда наступила ночь, я услышал, как они заскреблись и заворочались там. Я услышал, как они принялись разговаривать между собой низкими, лишенными эмоций голосами. Потом я услышал стук в железную дверь позади повозки. Я встал и распахнул узкое, немногим крупнее замочной скважины, дверное окошко и увидел красные глаза, множество красных глаз, уставившихся на меня.

Из записок Уильяма Питтенгера

77

У них была короткая передышка, но, наверное, не более того. И все же нужно было еще подумать над вещами первоочередной важности. Кэкстон положила винтовку на пол и закатала штанину. Дюжины красных угловатых отметан покрывала ее икру в том месте, где зубы вампира добрались до нее. Раны были неглубокими, но, хотя онемение все же чувствовалось, нагрузку нога выдерживала прекрасно. Лоре повезло — повезло невероятно.

Когда Глауэр снял форменную куртку, то, что она увидела, было намного хуже. Он был мощным парнем и мог вынести многое, но рана выглядела очень плохо. На бицепсе не хватало большого куска, и левой рукой он мог двигать, только преодолевая боль. Удивительно, но немного крови в ране было.

Кэкстон знала, что это означает. Тяжелое дыхание, жалобы на растущую жажду, бледное лицо... симптомы анемии. Вампир, укусивший его за руку, высосал некоторое количество крови. Похоже, слишком много. Кто-то передал Глауэру флягу, и он жадно припал к ней. Кэкстон сняла свой галстук и сделала жгут над раной. Это поможет сохранить оставшуюся в теле кровь, а еще остановит распространение инфекции. Но настоящей

помощи, которая ему требовалась, она не могла оказать. Ему нужен врач, причем в больнице.

Но этого невозможно было сделать. По крайней мере сейчас.

Он не был в шоке, и Лора хоть за это благодарила судьбу. У одного из гвардейцев нашелся бинт и немного хирургического скотча. Она обмотала руку Глауэра, а потом помогла ему снова надеть куртку. Сохранить тепло — принципиально важно в случае кровопотери.

Когда Кэкстон закончила, она взглянула ему в глаза.

— Тот, кто это сделал...

— Я его прикончил, — отрезал Глауэр.

Кэкстон закусила губу и кивнула. Впрочем, будут и другие. Другие вампиры, напившиеся горячей человеческой крови. Это не просто подкармливало их. Это делало их сильнее и быстрее. Она передала это остальным через лейтенанта Петерс. Следующую волну, с которой они столкнутся, будет тяжелее убить. Одного выстрела в сердце, похоже, будет недостаточно, чтобы завалить сытого вампира.

— Господи, — вздохнул один из гвардейцев, — какой сегодня день? Мой день рождения? Мне это не нравится! Мне нравятся пони.

Несколько солдат — совсем немного — рассмеялись. Напряжение в панорамном центре было гуще, чем дорожная смола. Все знали, что вампиры приближаются, но пытались отсрочить этот проклятый момент.

Рация Кэкстон крикнула, но прежде, чем она успела ответить, лейтенант Петерс сама схватила трубку, и все взгляды в помещении повернулись к ней. Женщина-гвардеец дотронулась до наушника еерации.

— Докладывайте, — приказала она.

Кэкстон сообразила, что Петерс обращается к пилоту одного из вертолетов. В здании «Панорамы» не было окон, и это был единственный способ узнать, что происходило снаружи, не высовывая головы за дверь. Никто бы не рискнул это сделать.

— Хорошо, вас поняла, — сказала лейтенант секундой спустя.

Она повернулась, глядя на Кэкстон.

— Определенные признаки движения. Под воздействием прожекторов эти твари чудно порезвились, и...

Двери панорамного центра распахнулись прежде, чем Петерс успела закончить свою мысль. Единственный вампир вошел в них, раскинув руки и распахнув рот в мерзкой усмешке. Рубашки на нем не было, и Кэкстон смогла увидеть его ребра под плотной белой кожей, но щеки светились румянцем. Должно быть, он поел несколько минут назад.

Гвардейцы были наготове с того самого момента, как оказались в здании. Они начали с одиночных выстрелов, изрешечивая обе стороны его груди. Белое мясо отлетало от выстрелов, и тонкие черные струйки крови потекли из раны на его щеке. Он сделал шаг вперед, и новые раны покрыли его тело, но старые ранения моментально затягивались.

Еще шаг вперед... и тут из-за него вырвались белые тени, мелькая слева и справа, — новые вампиры, пришедшие за ним.

«Нет», — подумала Кэкстон, но тем не менее они оказались очень хорошо организованы. Они спланировали эту атаку: поделились с одним из своих некоторым количеством крови, пока он не стал практически пуленепробиваемым, а потом послали его вперед. Пока он принимал огонь на себя, более слабые вампиры проползли, не встретив сопротивления.

Странная акустика круглого помещения заставляла каждый винтовочный выстрел отражаться эхом, и вспышки от выстрелов рассредоточивали зрение вскочившей на ноги Кэкстон. Она схватила Глауэра и толкнула его к дальнему пожарному выходу на северной стороне здания. Она почувствовала холодное дыхание на своей шее сзади и развернулась. Казалось, «беретта» сама прыгнула ей в руку. Прежде чем она сама заметила белую тень, нависшую у нее над плечом, Лора вскинула пистолет и трижды быстро выстрелила. Вампир согнулся, обхватывая себя тощими конечностями, и рухнул ей под ноги. Она попала ему в сердце? Кэкстон сомневалась: она стреляла вслепую. Она торопливо вскинула винтовку,

упирая приклад в локтевой сгиб. Вампир порывался встать на колени, потом на ноги. Она подождала, сдерживаясь как можно дольше, до тех пор, пока его бледное тело не нависло над ней снова.

Потом уперлась стволом ему в грудь и выстрелила пятидесятым калибром прямо ему в сердце. Он умер раньше, чем успел удивиться.

В безопасности... на секунду... Она развернулась, чтобы посмотреть, что происходит.

Гвардейцы гибли быстрее, чем успевали прицелиться. Она увидела, как один закричал и упал на пол, когда вампир впился ему в спину острыми как бритвы зубами. Другой вампир вырвал ему ноги. Она видела лейтенанта Петерс, схватившуюся с вампиром, который опрокинул ее на стол, колотящую монстра по голове кожухом охлаждения своей патрульной винтовки.

— Оторваться от противника! — прокричала Кэкстон, и несколько гвардейцев услышали ее и бросились к пожарному выходу.

Она попыталась прицелиться в вампира, который боролся с Петерс, но попасть в него, не задев лейтенанта, было невозможно. Мгновение спустя это уже не имело значения. Вампир прижался лицом к ее горлу. Женщина попыталась выкрикнуть последнее проклятие, но оно прозвучало булькающим, жалобным стоном. Спустя несколько секунд она была мертва, а напавший на нее вампир стал намного сильнее.

78

Я полагал, у нас будет время для тренировок и разработки специальной тактики для использования вампиров в военное время. Его не оказалось.

Никто не ожидал того, что случится в Геттисберге. Ни одна из сторон не была готова. Как бы то ни было, сражение началось, словно пожар на заброшенной пашне, остановить его было невозможно.

Я был возле Хагерстауна со своим вагончиком в то время, когда пришли первые известия. Я направлялся к Пайп-крик, на соединение с армией Мида; там была расставлена ловушка, чтобы снова оттянуть Ли на юг. Очевидно, Ли не заглотил наживку. Мои обязанности переменились в один миг, и я связался с армейским поездом, чтобы нас перевезли через границу. Я был не готов. Мои люди, какими бы они ни были, не были готовы.

Но это не имело значения. Ничего не имело значения. Как только армейский поезд двинулся полным ходом, я пошел по вагонам и увидел молящихся людей; некоторые стонали, обращаясь к небесам. Они были убеждены, что наступил конец света. Солдаты знали, что сражение будет «доброй рубкой», последней отчаянной схваткой в попытке остановить Ли, прежде чем он захватит Филадельфию и вынудит заключить мир. Люди пели песни, «Марш Джона Брауна», которого я не слышал со времен великого сбора, когда весь Вашингтон превратился в вооруженный лагерь, или «Боевой марш Республики». Ей-богу, это было волнующе.

Когда мы приблизились к небольшому торговому городку Геттисбергу, пение внезапно оборвалось. Раздался другой звук — гнусный звук, невыносимый звук, — от которого трянуло вагону меня за спиной, качнув стоявшие на козлах гробы. Я никогда раньше не слышал настоящего звука артиллерийской стрельбы. Я не слышал оружия, звеневшего как колокола, и рева разрывающейся земли. В двадцати милях от нас звук все еще был таким громким, что у меня перехватывало дыхание. Говорили, будто эти пушки были слышны в Питсбурге.

Из записок Уильяма Питтенгера

79

— Давай шевелись, — сказала Кэкстон, хватая гвардейца за руку и толкая его в сторону выхода.

Он пошел. Дверь качалась на пружинных петлях, когда то один, то другой человек из ее отряда протискивался наружу. Кэкстон огляделась в поисках других уцелевших, но все, что она видела, это рваные и окровавленные трупы... и вампиров.

Двадцать вампиров, или около того, пролезли в просторное круглое помещение. Они стояли посередине зала, глядя на нее. Их рваная униформа — на одном даже были остатки сгнившей фуражки — была словно отражением нарисованных на стенах солдат. Они были стары, эти вампиры. Очень стары... и очень голодны. Кэкстон могла только представлять себе, какими голодными они были после стасорокалетней спячки в земле.

Кэкстон обругала себя. Аркли никогда бы даже не дал этой мысли сформироваться. Они не люди, эти вампиры. Уже. Они стали убийцами, дикими зверями, которых нужно уничтожить.

Один из них шагнул к ней с поднятыми руками, прося, умоляя ее крови. Остальные за его спиной начали двигаться.

Она идеально точно прицелилась. Вампир сделал еще один шаг. Он уже успел поесть — Лора видела легкий оттенок розового на его щеках, видела грудь, из которой уже не так выпирали ребра, как у остальных. Первый выстрел только разорвал его кожу и раздробил несколько костей. Второй заставил его развернуться, так что она видела только его руку и бок. Она подождала, пока он повернется обратно, лицом к ней, прежде чем выстрелила снова, в третий раз, и пуля вынесла из отверстия в спине куски его черного сердца.

Остальные продолжали двигаться, продолжали приближаться. Некоторые пытались поймать ее взгляд, но Кэкстон хватало сил избегать зрительного контакта. Она чувствовала, как чешется кожа, как все тело содрогается от отвращения. Всеми фибрами своей души она хотела только повернуться и бежать, уносить ноги. Но она почему-то продолжала стоять.

Кэкстон не могла одолеть их всех. Это было бы самоубийством. Но она могла выиграть несколько секунд для своего отряда. Они уходили туда, в темноту, бежали к центру помощи туристам. Чем дольше она сдерживала вампиров внутри «Панорамы», тем больше шансов было у гвардейцев и Глауэра сделать это. Ей хотелось, чтобы Глауэр добежал. Она дарила ему этот шанс.

— Кто следующий? — спросила она, поднимая винтовку в положение для выстрела.

Вампиры рванулись вперед, все вместе, одновременно. Словно рыхлый белый туман, они понеслись на нее так быстро, что казались самой смертью, ринувшейся на нее. Кэкстон этого ожидала. Они были слишком умны, чтобы попытаться нападать на нее поодиночке.

Она бросила винтовку, та повисла сзади на ремне, и сунула руку в карман, вытаскивая вторую и последнюю световую гранату. Пластиковую оболочку она уже сорвала, осталось только рвануть чеку и дать ей выпасть из кармана. Времени бросать ее у Лоры не было...

Она отпрянула назад, зажмурился глаза. Спина ударилась в ручку-толкатель пожарной двери, в этот самый момент граната разорвалась, и вампиры взвыли от боли. Времени надевать защиту для ушей у нее не было, и звук взрыва резанул ее по барабанным перепонкам, оглушая, заполняя голову высоким звоном, таким громким, что от него заболели зубы и задрожали внутренности.

Она не могла думать, не могла дышать. Ее тело было оглушено этим шумом, все чувства полностью смешались. Краем сознания она чувствовала, что падает, падает на спину, потом ощутила новую волну боли, когда тяжело упала на траву, руки автоматически взлетели вверх, пытаясь прикрыть голову. Она открыла глаза, но все, что увидела, — только темноту. Она выскочила из хорошо освещенного здания «Панорамы» в почти кромешную тьму безлунной ночи, и глаза еще не привыкли к ней.

И тут вампир схватил ее за руку. Она в ужасе лягнула его ногой, боясь, что вампир в ответ просто разорвет ее на куски, пока она ослеплена и оглушена... но рука просто держала ее, и внезапно она поняла, что это теплая человеческая рука. Она быстро моргнула, пытаясь заставить зрачки расшириться. Наконец Кэкстон увидела серое пятно, появившееся над ней в

темноте, серое пятно, разделенное пополам более темной полосой. Лицо... лицо с темными усами. Это был Глауэр.

— ...слышишь меня? Через... дверь... бежать... как?

Его голос был как далекий рокот, низкий шум, пытающийся прорваться сквозь звон в ушах. То, что он говорил, она слышала только урывками. Ощущение усталости и бесплодности усилий затопило ее, она села, потом поднялась на ноги. Теперь она видела Глауэра немного лучше, и тут она заметила, что он показывает указательным пальцем куда-то ей за спину.

Она развернулась и увидела дверь пожарного выхода, через которую она только что выбежала. Та захлопнулась автоматически, но теперь сотрясалась всей своей массой. Словно вампиры внутри пытались открыть ее, но не знали, как работает рычаг аварийного открывания двери. Наверное, это так и было... вероятно, подобного они никогда раньше не видели. Но так или иначе, на то, чтобы разобраться с дверью, у них уйдет всего несколько секунд.

Глауэр спрашивал ее, есть ли какая-нибудь возможность запереть дверь. Пока Кэкстон приходила в себя, она теряла драгоценное время. Она поспешно метнулась назад, ища замок, ища что-нибудь, чтобы подпереть дверь. Снаружи на двери не было ни одной ручки — дверь предполагалось использовать только в аварийных случаях и чтобы препятствовать правонарушителям, которые могли забраться внутрь. Была только небольшая пластинка замка с узкой скважиной, видимо, чтобы запирать на ключ. Впрочем, ключа у них не было. Глауэр провел пальцами по пластине, отстраняясь каждый раз, когда дверь подсакивала в раме. Если какой-нибудь вампир просто приналяжет на дверь, если он упрется бедром в горизонтальный рычаг, она в любой момент вылетит наружу. Времени у них больше не было. Кэкстон схватила Глауэра за рукав, попыталась оттащить его, но он был занят замковой пластиной.

— ...В кино. Открыть... и может быть... замок... — сказал он, глядя на нее.

Она могла только покачать головой. О чем он там говорил?

Посмотрев так, словно она исчерпала все его терпение, Глауэр наконец наставил прицел винтовки на пластину, располагавшуюся у края двери. Сморщившись, он нажал на курок прежде, чем Лора успела его остановить. Огромная пуля отскочила от замка, и Кэкстон почувствовала колебание воздуха от срикошетившей мимо ее щеки пули. Она могла убить ее, могла вышибить ей мозги.

— Ты идиот! — закричала она и удивилась, услышав сама себя.

Потом посмотрела на замок. Пуля, врезавшаяся в замочную скважину, полностью разбила механизм замка. И, что более важно, дверь перестала прыгать.

Наверное, глупая выходка Глауэра действительно заклинила замок. Или, быть может, вампиры испугались выстрелов через дверь. Это уже не имело значения.

Лора покачала головой и толкнула Глауэра по направлению к Тэйнитаун-роуд, которая шла мимо здания «Панорамы». Он выиграл для них еще несколько секунд, но это было все, на что они могли рассчитывать.

Это было первое сражение, свидетелем которого я стал лично. Кажется, я представлял себе людей, затянутых в синие мундиры, размахивающих саблями в воздухе, призывающих других в славную атаку. Но ничего подобного не было. В Геттисберге я увидел солдат, которых гнали прямо на опустошительный огонь, треск и хлопки ружей, наступающих людей, не знавших, куда им бежать. Я видел пушки, перемалывающие землю, расшвыривающие трупы, бросающие их в воздух. Я видел море крови и множество погибших, намного больше, чем я мог осознать. Они лежали горами или валялись по полю, как оловянные солдатики, отброшенные в сторону заскучавшим нетерпеливым ребенком. Если это было

возможно, их вытаскивали за линию фронта и сваливали как дрова, но это случалось редко. Раненых было намного больше, но вид их был значительно страшнее. Огромное множество их умоляли дать воды, позвать хирурга, и только немногие отправлялись в бой. Были и те, кто кричал, что им конец, и тогда кто-то другой просил их заткнуться и лежать тихо.

Это был второй день сражения, оказавшийся жарким на всем протяжении фронта. Ли держал северо-запад и всю Семинарийскую грядку, в то время как мы стояли напротив него, перегородив разбитую дорогу, шедшую с вершины Могильной гряды. Мятежники с ревом поднимались по откосу, высоко вскинув оружие, их отряды перемешивались, их выкашивали, словно спелую пшеницу. Набегая, они визжали, кричали и были самым ужасным образом. Это был знаменитый «Клич мятежников», придуманный для того, чтобы вселять ужас в наши сердца. На меня он действовал прекрасно.

Из записок Уильяма Питтенгера

81

Слух вернулся, но не до конца. Тупое заунывное жужжание наполняло ее голову и никак не проходило. Повторное оглушение взрывом светошумовой гранаты могло навсегда оставить человека глухим. Лоре это было известно, и она тревожилась, что оказалась уже на полпути к этому.

Но она могла слышать шорох своей одежды, а это уже был хороший знак. Вдалеке она могла различить звуки выстрелов винтовок, некоторые разряжались короткими, осторожными очередями, другие, словно обезумев, посылали бесцельный автоматический огонь.

Она забежала за дерево и дала знак Глауэру подобраться к ней.

— Кое-кто из наших все еще здесь, — сказала она. — Наверное, они попали в капкан и не могут перебраться на новую точку отступления.

— Мы можем пойти к ним, попробоваться помочь, — предложил Глауэр.

Его голос звучал так, словно он кричал ей с дальнего расстояния, хотя был в нескольких футах от нее.

— Иначе их там вырежут.

Лора покачала головой. Ей приходилось мыслить как Аркли, делать то, что сделал бы Аркли. Старый федерал не стал бы слепо рваться в темноту в надежде спасти свой отряд. Он решил бы пожертвовать ими. Для Аркли значение имело только одно: смерть вампира.

Лора не могла примирить с этим свою совесть, но в данный момент рациональнее было согласиться с этим.

— Мы должны придерживаться плана, — ответила она.

Она посмотрела на Глауэра.

— Вы должны были придерживаться плана. Вы не должны были дожидаться меня тут, без прикрытия.

Он пожал плечами.

— Но мы же напарники, так? Вы бы не бросили напарника посреди перестрелки?

Кэкстон поморщилась и посмотрела на дорогу. Напарники. Прошлый напарник Глауэра, Гэррити, погиб от рук вампира. Глауэр отказался преследовать его, оставшись вместо этого с Гэррити, несмотря на то что тот был уже мертв.

Когда-то Кэкстон была напарницей Аркли. По крайней мере, сама она так считала. Аркли же только раз упомянул, что использовал ее в качестве наживки.

— Верно, — сказала она и бросилась к дороге.

Уличные фонари освещали темный асфальт, но не проникали за границу дороги. Они свели на нет ночное зрение, но Лора все еще присматривалась к теням, готовая встретиться с любой угрозой.

Но когда опасность возникла, ее заметил Глауэр.

— Вижу движение, — сказал он, поднимая руку и указывая на пушку, стоявшую возле дороги.

Свет уличного фонаря отражался от одной из спиц ее колес.

— Вот, — повторил он намного громче.

Из-за пушки метнулся вампир. На секунду Кэкстон показалось, что она видит его красные глаза. Она вскинула винтовку и трижды выстрелила, хотя знала, что не попадет в вампира. Это был просто сдерживающий огонь.

— Беги! — закричала она и кинулась по дороге, бешено вскидывая колени.

Центр помощи туристам, их следующий опорный пункт, находился прямо перед ней, низкий и массивный. Это было вытянутое здание из желтого кирпича с многочисленными дверями, значительно менее приспособленное для обороны, чем здание «Панорамы». Она бросилась к главному входу, ряду стеклянных дверей, и протиснулась внутрь. Глауэр шел за ней по пятам. За стеклянными дверями располагался узкий вестибюль, а за ним открывался основной вход в здание. Лора присела на корточки и вгляделась через стеклянную дверь, пытаясь увидеть вампира, в которого она стреляла. Она выждала несколько исполненных ужаса секунд, стараясь не шевелиться, не дышать.

Но видимо, вампир был слишком умен, чтобы нападать открыто. Или, может, он просто принялся за кого-то другого.

— Ладно, — сказала она наконец, — пошли внутрь.

Глауэр двинулся первым, покачивая винтовку в здоровой руке. Он пнул входную дверь и вбежал в нее, потом выскочил обратно, когда пули разорвали темноту. Шум в замкнутом вестибюле был подобен звону огромных стальных колоколов, а вспышки выстрелов ослепили Кэкстон. Впрочем, она сразу же поняла, что произошло.

— Стоять! Свои! — прокричала она, хватая Глауэра за пояс и оттаскивая его назад.

Из двери высунулась испуганная физиономия. Это был один из гвардейцев, один из отряда, который они видели в здании «Панорамы». Тот самый, который хотел пони.

— Черт, — выругался он, глядя на Кэкстон и Глауэра. Он закусил нижнюю губу. — Мы думали, вы...

— Вампиры. Ага, — ответила Кэкстон.

Она кляла себя за то, что чуть не позволила прикончить Глауэра.

— Нет, мы не вампиры. Войти можно?

Гвардеец шагнул от двери, и она прошла мимо него в главный вестибюль туристического центра, загроможденное стендами и рекламными указателями пространство. Билетные кассы тянулись вдоль правой стены, а слева от них стояла мрачная сувенирная лавка. На дальнем конце холла в темные коридоры вели двери с наклеенной на них рекламой туристических поездок и печально знаменитой электронной картой.¹

Трое гвардейцев сидели на полу, держа оружие на коленях. Они смотрели на нее полными ужаса глазами. Гвардеец, который стрелял в них, прислонился к билетной кассе, глядя в темноту, специально, чтобы не встречаться с Кэкстон взглядом. На форме у него был значок капрала и табличка с именем, на которой значилось: «Хауэлл».

— Четверо, — констатировала Лора. — Это все, кто выбрался?

— Я пытался связаться с остальными по рации, — ответил Хауэлл. — Ни хрена не вышло.

Кэкстон тяжело вздохнула. Четверо... это ужасно. Осталось только четверо? Ей пришло в голову, что удивляться тут нечему. Она видела, как в здании «Панорамы» умирали другие солдаты. Она видела, как погибла лейтенант Петерс. Контингент Национальной гвардии был хорошо натренирован, тяжеловооружен и грамотно организован.

¹ Электронная карта Геттисберга была создана в 1937–1938 годах Дж. Розенстилом, занимала площадь около 30 кв. футов, изображая передвижения войск в ходе Геттисбергского сражения. Одна из туристических достопримечательностей Геттисберга, закрыта руководством парка в апреле 2008 года, несмотря на развернутую общественностью кампанию.

Аркли тысячу раз говорил ей, что нельзя недооценивать вампиров.

— Как насчет остальных? — спросила она.

Ее план заключался в том, чтобы собрать многочисленные группы ее отряда вместе, чем больше, тем лучше. Гвардейцы были ответственны за «Панораму». Офицерам антиалкогольного подразделения было приказано отступать к туристическому центру и удерживать его, пока все остальные отряды не перегруппируются здесь.

— Вы связывались с антиалкогольным подразделением?

Тут капрал Хауэлл посмотрел прямо на нее, и она поняла, что ей не понравится его ответ.

— По крайней мере, мы их нашли, — ответил он и показал на сувенирную лавку.

Кэкстон сделала несколько шагов к магазинчику, но, чтобы понять, что он имел в виду, дальше идти не пришлось. Среди перевернутых ярусов книжных полок и сувенирных стендов лежало множество человеческих тел. Сколько их было всего, она не поняла; они лежали горой, как сломанные игрушки. На них были голубые ветровки, изорванные в клочья.

82

Мои гробы проходили как ящики с винтовками и были тщательно спрятаны в подходящем пороховом погребе за линией фронта. Я оставался с ними в течение всего дня, даже когда пушки конфедератов рвали землю вокруг, несмотря на то, что каждую секунду боялся за свою жизнь. Я чувствовал, как мне сдавливает голову, словно на ней затягивают какой-то железный обруч и хитроумный механизм позволяет медленно сужать его, практически незаметно. К тому времени, как артиллерийский огонь стих, в ушах у меня звенело, а голова, казалось, готова была расколоться. Я не чувствовал никаких запахов, кроме пороховой гари и трупной вони, от которых слезились глаза, сильно раздраженные от дыма.

На закате сражение стихло до следующего дня. Были разбиты палатки, тьма-тьмущая палаток. Я не мог видеть далеко, несмотря на то что находился на вершине холма, ведь дым застилал все перед моими глазами. И все же белую парусину было видно среди этой тьмы, и я впервые увидел, сколько же вокруг меня людей. Ну да, на этом поле было население целого города, и практически все люди были вооружены. Мне не забыть за всю мою жизнь вида этого моря белой парусины и чувства, что все это не закончится никогда.

Из записок Уильяма Питтенгера

83

— Вы обязаны были сообщить нам, — процедил Хауэлл. Его лицо исказила ненависть. — Вы не говорили нам, что все будет настолько плохо.

Кэкстон присела на корточки, дотронулась до плеча одного из погибших офицеров антиалкогольного подразделения. Оно было холодным, а кисть — очень бледной. Лора перекатила его на бок и испытала шок. Головы у человека не было.

Отшатнувшись назад, не в состоянии видеть ничего, кроме грубого, лишенного крови обрубка шеи, она практически не слышала жалующегося Хауэлла.

— Надо кинуть дымовуху, вертушку вызвать, прямо сейчас, — сказал он.

— Что? — переспросил Глауэр.

Солдат уставился на него, глядя во все глаза.

— Вызвать вертушку. Сваливать. Нам нужно сваливать!

Лора посмотрела на него с такой внезапно нахлынувшей злостью, что сама себе удивилась. Полицейские антиалкогольного подразделения отдали свои жизни, чтобы остановить вампиров. А теперь этот идиот хотел просто смыться, не закончив работу? Именно это почувствовал бы Аркли.

«Не стесняйся, пошел вон, дверь открыта, — подумала она, мутная ярость клубилась у нее в груди. — Поглядим, далеко ли ты уйдешь».

Ей удалось сдержаться, не высказав это.

— Нам просто нужно выстоять, — произнесла она вместо этого. — Гвардия пришлет новые отряды.

— О господи, сколько раз я это уже слышал! — Хауэлл взял свою рацию, нажав большим пальцем на кнопку приема.

Раздалось только шуршание помех.

— Никто не придет нас спасать! Мы последние, кто остался в вашей оперативной группе, леди. Вы что, этого еще не поняли? Они нас на куски разорвут!

— Снаружи мы слышали и других, тех, кто выжил.

— Ненадолго, — отрезал Хауэлл.

Кэкстон стиснула зубы и бросила на него свой лучший профессиональный взгляд.

— Да, погибло много людей, — призналась она. — Но их жертва оказалась не напрасной. Мы убили много вампиров. И остались еще другие...

— Ну уж ни хрена! — заорал Хауэлл.

Она заспорила с ним, но Глауэр схватил ее за руку. Поднял к губам указательный палец.

— Возможно ли, чтобы один из монстров, — прошептал он, показывая на мертвых полицейских, — все еще оставался здесь?

Хауэлл немедленно заткнулся. Он принялся озираться на темные коридоры, ведущие в глубь здания, и поднял винтовку в положение для выстрела. Кэкстон могла видеть, как дрожит в воздухе пламегаситель.

Она вытащила свою винтовку, прицелилась. Она уже ждала, что сей же час из темноты на них бросится орда вампиров. Но когда после долгой напряженной паузы ничего не произошло, направила ствол в потолок.

Хауэлл развернулся, бледный, с выпученными глазами. На этот раз умничать он не стал.

Кэкстон хотелось посмеяться над ним, но она сдержалась. Он просто был напуган. Она прекрасно его понимала. Она знала, что Глауэр может оказаться прав, так же как и она сама. Ей нужно было взять себя в руки. Нужно было смолчать, так же как молчал теперь Хауэлл.

— Хорошо соображаешь, — сказала она Глауэру, почти не слыша собственного голоса.

— Что вы хотите, чтобы мы сделали, патрульный? — тихо спросил один из гвардейцев.

Его звали Сэдлер. Медленно, осторожно, стараясь не слишком шуметь, он поднялся на ноги. Остальные последовали его примеру.

Здесь было два коридора, один — для экскурсионных туров, а другой вел к электрической карте. Что один, что другой, разницы не было. Но какой бы она ни выбрала, он мог оказаться пустым. Если она приведет людей в экскурсионный зал, вампир сможет проскользнуть за ними и прикончить прежде, чем они поймут, что он здесь. Это если допустить, что в центре вообще остались вампиры. Они могли выпить кровь полицейских и уйти.

Ей нужно было подумать.

— Нам необходимо оборонять это место. Мы разделимся, но только совсем ненадолго. Хауэлл, поведешь своих левым коридором. Я и Глауэр пойдем правым. Если вступите в контакт с противником, не ждите нас, просто начинайте биться.

Она посмотрела на напарника. Он был бледен и дышал с трудом, но все еще мог двигаться, и его правая рука — та, которой он стрелял, — была в порядке. Глауэр заметил, что она оценивающе смотрит на него, и успокаивающе кивнул.

— Ладно, — ответил Хауэлл.

Он оглядел своих солдат.

— Поднимайте задницы, парни.

С Глауэром за спиной Кэкстон двинулась по тускло освещенному коридору к электрической карте. Коридор несколько раз свернул, практически сразу скрыв солдат из виду. Коридор шел вдоль стеклянных витрин, заполненных экспонатами с поля сражения:

пушками, рядами старинных ружей; мимо стены, сплошь усыпанной покрытыми белой патиной пулями и черными ржавыми форменными пуговицами. Лора еще раз свернула за угол и дернула винтовкой, задохнувшись от страха. Но прежде чем успела выстрелить, она рассмотрела то, что так ужасно ее напугало, — группу картинно расставленных манекенов, одетых в голубые и серые мундиры. Лица манекенов были белы, как гипс.

— Иисусе, — сказал у нее за спиной Глауэр. — Не пугай меня так.

— Честное слово, постараюсь, — пообещала она.

Чуть дальше коридор переходил в зал ожидания. Там стояли турникеты и сиденье билетного контролера и было несколько широких двойных дверей, которые вели в зал за ними. Пока они смотрели, одна из двойных дверей медленно качнулась внутрь, на дюйм-другой.

Кровь застыла у Кэкстон в жилах. Она нагнулась, приняв позу для выстрела, и вытянула руку, задерживая Глауэра у себя за спиной. Она ждала, что двери распахнутся, выпуская десятки вампиров, но ничего подобного не произошло.

Двери как двери, только слегка приоткрытые. Наверное, ничего и не было. Наверное, это внезапно включилась отопительная система здания и выброс теплого воздуха заставил их приоткрыться.

«Сомнительно», — подумала Кэкстон.

— Прикрой меня, — сказал Глауэр, выдвигаясь вперед.

Лора осталась сидеть на корточках, держа оружие на изготовку. Глауэр прижался спиной к стене, как раз со стороны чуть приоткрытой двери, и заглянул в щель.

— Ничего не вижу, — сообщил он.

Он вытянул винтовку и воспользовался ею как палкой, чтобы толкнуть одну из дверей.

Кэкстон смогла увидеть кое-что из внутренней обстановки помещения за дверями — большой просторный зал с рядами кресел. Двери открывались на верхнем ярусе квадратного амфитеатра. Внизу, скрытый от глаз, ее мог ждать кто угодно.

Двинувшись вперед на корточках, Кэкстон переместилась поближе к дверям. Глауэр шагнул в них, водя винтовкой слева направо и держа зал под контролем.

— Чисто, — объявил он, и Кэкстон снова выпрямилась и вошла, держа свою винтовку наготове, на случай, если напарник что-нибудь пропустил.

Она осмотрела голубые кресла и ступени, которые шли между ними, заметила все аварийные выходы, потом посмотрела вниз. Электрическая карта лежала на самом дне амфитеатра, большущее, топографически верное изображение Геттисберга и поля битвы к югу от города. Оператор мог включать группы лампочек, показывая, где в каждый из дней битвы стояли различные полки и батальоны. Как бы то ни было, большую часть карты Кэкстон разглядеть не удалось, ибо она была заставлена гробами.

Кучей гробов. Некоторые были сломаны, но большинство остались целыми. Они лежали без всякого порядка поверх карты и на полу вокруг нее. Многие громоздились поверх кресел или возвышались, опираясь на ступени. Пересчитывать их, чтобы понять, что всего их было девяносто девять, Кэкстон было не нужно.

Она наконец отыскала гробы. Слишком поздно, чтобы извлечь из этого хоть какую-нибудь пользу.

Пока я был на войне, многое произошло в месте моего предыдущего квартирования. Мне еще только предстояло узнать, как сильно я недооценил своего нового друга. Я смог восстановить многое из того, что произошло. Сведения о последующих событиях я взял из официального рапорта рядового Джека Бичема, записанного с его слов, для специального военного суда:

«Сразу после полуночи, как раз после того, как ее покормили, это и произошло.»

У меня действительно нет этому объяснений, сэр, которые показались бы правильными. У пришедшего тогда человека было сильно изранено лицо, и он выглядел больным, но мы просто подумали, мол, это какой-нибудь раненый горемыка, назначенный на службу к интенданту из-за того, что воевать он больше не мог. У некоторых парней, которые работали поварами, были раны да болячки посильнее, это, я уверен, вам известно. Этот парень сказал, что его зовут Билл, или как-то так. Он был солдатом-янки, и он сослался на полковника Питтенгера, сказал, якобы, тот приказал взять гроб и увезти его для похорон, вот все, что мне известно. Нет, сэр, никаких бумаг него не было, но в военное время не редкость, когда дела ведутся без надлежащей пунктуальности. У него была повозка с черным пологом, ну, знаете, похоронный катафалк и команда. А как взвились лошади, когда мы вынесли гроб, будто на них напала целая стая шершней! Можете себе представить, как все мы были рады, когда он уехал, лишь бы избавиться от обезумевших животных.

Честно сказать, все выглядело прилично. Я не знал, что мисс Малверн была в этом гробу, иначе бы я затеял настоящую драку. Он говорил, будто собирается отвезти ее домой и похоронить, как положено, но кто его знает, куда он действительно делся.

Я готов понести наказание, если возможно, прямо сейчас».

На рассвете рядового Бичема заставили проехать задом наперед на осле вокруг всего лагеря, с бумажным колпаком, нахлобученным, на глаза. Потом его высекли (получил он шесть ударов) и лишили недельного жалованья. К счастью для него, я был очень далеко; я бы наказал его намного строже. Возможно, я представил бы его своим новым знакомцам.

Из записок Уильяма Питтенгера

85

Глауэр спустился вниз по ступенькам, которые вели к карте. Лора обошла амфитеатр по верхнему ярусу, осматривая двери аварийного выхода. Она проверила одну, та оказалась закрыта. Подошла к другой. Это была опасная игра, и Кэкстон это знала. Чтобы проверить двери, нужно было опустить винтовку, поставив себя в уязвимое положение. Ей нужно было делать так, как ее учили, а это означало, что ей нужна помощь. Нужен был Глауэр, чтобы прикрывать ее, пока она будет осматривать двери.

— Глауэр, давай держаться вместе, лады? — крикнула она.

Большой коп уже спустился к карте и стоял среди гробов. И хотя Лора была уверена, что они пусты, ей не хотелось, чтобы он оставался там один.

— Глауэр?

Но он ее даже не услышал. Его винтовка смотрела в пол, но голова была поднята вверх, остановившийся взгляд уперся в стеклянный кабинет у нее над головой, где положено было сидеть оператору карты.

Челюсть его отпала, словно ей не на чем было держаться. Могучие руки безжизненно повисли по сторонам.

— Глауэр! — закричала Кэкстон, но он даже не шелохнулся.

«Ох, черт», — мысленно выругалась она в тот самый момент, когда он поднял винтовку, когда кистью раненой руки взялся за кожух охлаждения. Она отлично узнала выражение его лица — такое же выражение частенько бывало у нее самой. Глауэр смотрел в глаза вампиру, и тот теперь гипнотизировал его. Лора бросилась к напарнику, веря, что сможет вырвать его из этого состояния.

Потом она заметила, что его винтовка направлена прямо на нее. Но Глауэр все еще смотрел вверх, словно пораженный каким-то видением. Он не целился в нее. Вероятно, он даже не подозревал, что делают его руки. Лора заметила, как его палец скользнул на пусковую скобу, и едва успела рухнуть на пол, когда винтовка выплюнула пули в стену у нее

за спиной.

— Офицер?... — Лора услышала, как Глауэр зовет ее бесцветным голосом. — Где вы? Я вас... я вас не вижу.

Кэкстон поползла вперед по-пластунски, прикрытая только рядом кресел между Глауэром и собой.

Он выстрелил снова, очередь разорвала обивку кресел, взметая в воздух клубы пыли.

Что делать дальше, она совершенно не знала. Он держал ее пригвожденной к полу... Стоит подняться, и Глауэр ее застрелит. Если она отползет вперед или назад слишком далеко, то окажется на одном из двух ступенчатых проходов, которые вели к карте. Сбоку от них были две двери: закрытый аварийный выход, который она только что осмотрела, и дверь, которую лишь собиралась проверить, — неизвестно, открыта ли она. А может, Кэкстон за ней будут ждать пять десятков вампиров. Но это не имело особого значения, ибо, пока она туда доберется, она будет изрешечена пулями.

— Офицер... вы что-то... сказали? — спросил Глауэр.

Его голос зазвучал по-другому, и Кэкстон поняла, что он передвигается. Идет к ней, поднимается по ступенькам.

Кэкстон не могла двигаться; но если она не пошевелится, он просто подойдет и пристрелит ее там, где она есть. Единственным выходом было попробовать таинственную дверь. У Глауэра была куча времени, чтобы пристрелить ее, пока она будет пытаться дотянуться до дверной ручки, но выбора у нее не было.

Нет... выбор был. Она могла застрелить его первой. Аркли наверняка сделал бы именно так, но Кэкстон не знала, хватит ли у нее духу.

Вместо этого Кэкстон подождала нового выстрела: на этот раз только две пули, одна из которых выбила из стены над ее головой осколки штукатурки, — и тут же вскочила и помчалась со всех ног к двери. Она оглянулась на бегу и в шести футах от себя увидела Глауэра, направлявшего ствол своей винтовки прямо на нее. Лицо по-прежнему было обращено к стеклянной кабине. Лора ударилась в дверь бедром, надеясь, что сработает аварийный толкатель и она вырвется из зала. Проблема была только одна: толкателя здесь не было.

Дверь была уже, чем аварийные выходы, и выкрашена в тот же цвет, что и стены. Висевшая на уровне глаз табличка гласила:

**«ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА
ЭЛЕКТРОННОЙ КАРТЫ».**

Вместо рычага-толкателя на ней была только бронзовая ручка. Лора схватилась за нее, попыталась повернуть, но оказалось, что та заблокирована.

Кэкстон поняла: в следующее мгновение ее застрелят. Она выхватила «беретту» и попыталась прицелиться в Глауэра, но не успела.

Глауэр шагнул ближе и нажал на курок. Винтовка щелкнула, но патронов в магазине уже не осталось. Он потратил всю обойму. Чтобы перезарядить оружие, потребуется всего несколько секунд — несколько секунд, за которые она все еще могла его застрелить. Кэкстон подняла пистолет. Если она выстрелит ему по рукам, это помешает ему стрелять. Но он уже потерял много крови. Не было никакой гарантии, что от новых ран он не впадет в шоковое состояние и не умрет. Но или он ее, или она его...

Его руки теребили винтовку, бессмысленно передвигая взад-вперед переключатель режимов автоматического огня. Он держал винтовку за кожух охлаждения, заглядывая прямо в ствол.

Какого черта он делает? И тут она поняла. Глауэр мог вынуть пустую обойму и вставить, не глядя, новую. Но не Глауэр контролировал это тело, а невидимый вампир, который знал, как заряжать капсюльную винтовку-мушкет, и даже винтовку Шарпа, наверное, но, конечно же, не «кольт AR-6520».

— Кэкстон? — спросил он. — Ты... ты бросишь меня тут одного?

Не обращая на него внимания, Лора врезалась в дверь бедром и плечом. Если удастся открыть ее, она сможет войти в кабину оператора. Она сможет добраться до вампира, который загипнотизировал Глауэра. Она сможет убить этого монстра и разрушить заклятие.

Полицейский за спиной Кэкстон сделал еще шаг к ней. Он отбросил в сторону винтовку, та с лязгом упала на пол. Потянувшись к поясу, он взял телескопическую дубинку и вытянул ее на полную длину.

— Лора? — позвал он.

Дверь не поддавалась, несмотря на все старания Кэкстон. Когда Глауэр поднял дубинку, чтобы ударить ее, он стал похож на медведя.

— Да отвали ты! — выпалила Лора и сильно толкнула его прямо в грудь. Он упал назад, ударившись о пол, словно здоровый куль с песком.

Она повернулась обратно к двери... и в это мгновение свет погас.

86

Генерал Хэнкок, который формально был моим начальником и отдавал мне приказы, пришел ко мне в то время, когда тьма сражения сменилась ночной тьмой. Я занимал довольно большую палатку, внутри которой на козлах лежали гробы. Я уже слышал, как мои солдаты возились внутри их, готовые к крещению огнем.

— Иуда Искарот! — выдохнул генерал.

Это был молодой человек, не старше сорока лет, с длинной окладистой бородой, но чисто выбритыми щеками. Он махнул шляпой на Гриста и отшатнулся назад. Кто бы смог винить его? Первая встреча с вампиром — тяжелое испытание для любого. Никто не ожидает увидеть ни выступающие зубы, ни красные глаза. Любой немедленно почувствует подозрительный озноб, мурашки, бегущие по рукам. Я бросился к генералу, чтобы успокоить его.

— Министр Стэнтон¹ шлет свои самые теплые поздравления, сэр, — сказал я. — Сражение идет удачно?

Глаза Хэнкока загорелись.

— Мы еще не проиграли, а Ли на поле, поэтому я считаю это уже победой. Я пришел сказать, чтобы ночью вы оставались здесь.

Грист переменился в лице. Я видел, что он хочет высказаться, но он все еще был капралом, хотя уже и не был человеком. Я заговорил вместо него.

— Люди готовы сражаться, сэр. Они принесли огромную жертву, все они, чтобы быть здесь.

— Я прекрасно это понимаю. И все же я не могу выпустить их сегодня на мятежников. Я рассчитываю, что ваши парни могут преподнести большой сюрприз нашим врагам, но я не смею выпустить их раньше времени. Ждите здесь, полковник, но будьте наготове.

Казалось, он так и торопится уйти поскорее.

Из записок Уильяма Питтенгера

87

Было темно... ужасающе темно. Света не было нигде, ни единой звездочки. В зале электронной карты не было окон, и свет не мог просочиться даже через щели аварийных дверей.

Лора оказалась заперта в темноте с вампиром и загипнотизированным напарником, пытавшимся прикончить ее.

Кэкстон попятилась назад, напуганная до смерти. Она задушила в себе крик и сунула

¹ Эдвин Стэнтон (1814–1869) — военный министр при правительстве Авраама Линкольна.

руку в карман, ища фонарик, «Беретту» она держала высоко, стволом вверх: без света стрелять было нельзя.

Дверь, к которой она прижималась мгновением раньше, распахнулась, и что-то холодное и нечеловеческое пронеслось мимо нее в темноту. Вампир вырвался из кабины.

Глауэр все еще лежал на полу, сообразила Кэкстон. Он был легкой добычей. Чтобы спуститься вниз, вампиру пришлось разорвать контакт с человеком, но, скорее всего, Глауэр был все еще одурманен и неспособен себя защитить.

Но она не могла помочь ему, поскольку ничего не видела. А если она погибнет, то тем более не поможет. Она нашла фонарик и включила его, еще не успев достать из кармана. Свет задрожал у нее в руке, и Кэкстон поняла, как же сильно она напугана. Пытаясь собраться с духом, она посветила фонарем вниз, на электронную карту. Свет едва отражался от сломанных гробов внизу, не высвечивая ничего полезного. Она медленно осветила пол у себя под ногами, там, где она оставила Глауэра. Его — или свое местонахождение — она выдать не боялась. Она знала, что вампир мог видеть в темноте мерцание ее крови, сложную вязь красного там, где все быстрее и быстрее пульсировали артерии и вены.

Вампир захохотал, издав животный звук, достойный гиены. Холодный и жуткий рык. Кэкстон передернуло, она тряслась от страха. Потом она стала спускаться, ища Глауэра.

Она нашла его телескопическую дубинку, брошенную на полу. Ни малейших признаков полицейского тут не было. Лора хотела позвать его по имени, но не могла справиться с голосом.

Это было уже слишком. В нее стреляли, душили, даже кусали. Она не спала два дня и почти ничего не ела, и вампиры были повсюду, вампиры, которые уже перебили большую часть ее армии. И теперь они шли за ней.

И тут какой-то звук, похожий на жалобный вой, вырвался у нее из горла.

«Прекрати, — велела она себе. — Ты — полицейский штата Пенсильвания, и ты убила больше вампиров, чем этот придурок — людей».

Усилием воли она заставила руку перестать дрожать. Грудь ее бурно вздымалась, впуская все больше и больше кислорода в легкие. Вскоре наступит гипервентиляция. Ей нужно будет справиться и с этим, но сначала необходимо справиться с руками. Луч фонаря выровнялся, медленно передвигаясь по металлическим спинкам кресел. Ей нужно было разыскать вампира.

Кэкстон была увешана оружием, но она не думала, что его это напугает. В темноте он обладал явным преимуществом. Он уже мог прикончить ее несколько раз. Если же он до сих пор не напал, значит, он играет с ней. Играет, как кошка с мышью. Вампирам это нравилось... настоящие придурки. Кэкстон сосредоточилась на том, что она еще жива. Это было хорошо и похвально. Это означало, что она все еще могла спастись. О Глауэре она позаботится позже.

Луч фонаря выхватил новый ряд кресел, а потом ударил в белое лицо. Она увидела красные глаза, зубастую ухмылку и взвизгнула от страха.

Вампир выскользнул из круга света, едва она вскинула пистолет, чтобы подстрелить его. Он двигался с ужасающей грацией, его конечности сгибались и выпрямлялись, словно идеально отлаженные пружины. Она услышала, как он с тихим стуком приземляется где-то слева от нее. Она развернулась, попыталась проследить за ним фонариком, но упустила его.

И снова услышала его смех совсем рядом с собой.

Лора отчаянно пыталась вспомнить, чему ее учили. Ей нужно было контролировать пространство. Именно этому ее учили в полицейской академии практически на всех занятиях. Нельзя бежать в темную аллею, не зная, что тебя там ждет. Если кто-то стреляет в тебя, ты должна не стрелять в ответ, а попытаться найти укрытие.

Аркли учил ее, что, когда ты сражаешься с вампирами, эти правила не работают, но в этот момент ей хотелось довериться проверенному временем полицейскому методу. Она прижалась спиной к стене и начала медленно двигаться влево, к двери операторской кабины. Если она сумеет создать барьер между собой и вампиром, это значительно повысит ее шансы

на выживание.

Она выставила ногу, опустила ее на пол. Потом другую, еще шаг. Правую руку с пистолетом Кэкстон вытянула вперед и поводила стволом в пустом пространстве. Дверь все еще была открыта. Это... это было хорошо. Она слегка повернулась и начала проскальзывать в проем.

Внезапно холодные руки опустились ей на плечи и потащили назад. Она в ужасе закричала, когда вампир швырнул ее в воздух. Она полетела в темноту, чувствуя, как проносятся под ней ряды кресел, колотя руками и ногами, пытаясь найти что-нибудь, за что можно зацепиться.

Приземлилась она животом на кучу гробов и немедленно прекратила кричать. Весь воздух из легких вышел, словно ее ударила огромная рука. Живот сводило болью, а ноги, судя по ощущениям, были сломаны.

В отчаянии, в панике, она перекатилась на спину и посветила фонарем туда, откуда она упала: назад, на верхний ярус амфитеатра. Вампир был там, он мчался к ней, воздев руки, будто собирался прыгнуть на нее сверху. Лора вскинула правую руку, но обнаружила, что та пуста — во время падения «беретта» выпала. Лора автоматически вскинула руку к лицу, хотя прекрасно знала: рука не защитит ее от вампира. Она ждала, когда кончится это бесконечное мгновение, когда он прыгнет на нее, убьет, ждала, не чувствуя ничего, кроме страха, все ждала... ждала...

И тут сверху она услышала удивленный рев. Потом звук, похожий на разрывающуюся кожу. Вампир взревел, но все еще не набрасывался на нее, и она все еще была жива. Кэкстон рискнула взглянуть в ту сторону.

Наверху, в проходе, за самым дальним рядом кресел, вампир бешено размахивал руками. Выглядело это так, словно он звал ее на помощь.

Его грудная клетка была разорвана. Кожа свисала лоскутами с выпирающих ребер, которые блестели от запекшейся крови. Лора посветила фонарем прямо ему в грудную полость и увидела, что его сердце вырвано. Она не понимала, как это случилось.

Вампир свалился с мяукающим звуком, показавшимся Кэкстон едва ли не жалобным.

И ни следа той силы или того существа, которое уничтожило его.

88

Я так изменился. Отчего-то все это кажется неправильным, даже перо, которое я держу своей новой белой рукой. Перо — инструмент живых, а я оставил жизнь у себя за спиной. Сегодня ночью мы отдыхаем, хоть это и неприятно, и неожиданно. Завтра наверняка мы станем свободны. Здесь тихо, хотя, говорят, яростная битва шла весь день. Я спал и ничего не слышал. Сейчас я чувствую запах дыма.

Сердце просит выйти в ночь, сражаться, снова служить. Я обрел новую силу, хотя и думал, что это невозможно, — силу тела и силу разума. Я теперь замечаю призраков, Билл, повсюду возле себя, но они не пугают меня. Как и я, они прошли долиной слез, и мы теперь вроде как товарищи...

Одна из сил, которой я теперь обладаю, это сила превращать мертвых в мертвых. Точно также, как это сотворили с тобой. Но я не буду этого делать. Да, если даже мне прикажут. Я не смогу вынести вид порванных лиц и изломанных тел, таких, как твое.

Но больше я не обещаю никакого милосердия ни единому человеку, которого я встречу.

Завтра будет кровь. Прежде я не знал, что стану мечтать о ней, о ее количестве, о ее вкусе.

Письмо Алвы Гриста (неотправленное)

Все было кончено. В один миг Кэкстон снова была одна и жива. Она лежала на груди сломанного дерева, которое прежде было гробом какого-то вампира.

Она понятия не имела, был Глауэр еще в зале или нет. В поисках его она осветила углы фонариком, но ничего не нашла.

Она полежала немного, хотя лежать было очень неудобно, но шевелиться не хотелось. Тело бунтовало каждый раз, когда она двигала рукой или ногой или даже слишком резко вращала глазами. Наверное, я умираю, подумала Кэкстон. Падение на грудь гробов было болезненным... очень... и, скорей всего, у нее были повреждены внутренние органы. Возможно, она получила прокол легкого или кровоизлияние в мозг и могла истечь кровью, если попытается сесть.

«Ты в порядке», — уверяла она себя.

Именно так сказал бы Аркли. Он бы даже не потрудился взглянуть на нее. В мире Аркли, если ты был в состоянии подняться, значит, ты мог продолжать схватку. И если у тебя не хлестала кровь из главной артерии и ты не видел осложненного перелома собственного бедра, значит, ты был в состоянии встать.

Кэкстон медленно села, решив насладиться хотя бы еще парой секунд без непосредственной угрозы смерти. Страхнула с плечей щепки и пыль, потом оперлась на ладони и колени, перекаtilась и встала. У нее болело все, но ни переломов, ни даже растяжений не было. Она устала сверх всякой меры, но адреналин поможет продержаться еще некоторое время.

Она одна, в темноте, кругом враги... но по сравнению с болью все это слишком абстрактно, чтобы задумываться об этом.

Она посветила фонариком на пол, отыскивала свою «беретту». На вид пистолет был в порядке. Лора проверила обойму и нашла в ней четыре пули. В кармане куртки у нее была запасная обойма. Патрульная винтовка лежала рядом на полу. В ее обойме было шесть патронов, больших, пятидесятого калибра, пуль, способных пробить блок автомобильных цилиндров. Эти шесть пуль были последние.

Вначале у нее были две световые гранаты, но их она уже использовала. У нее был баллончик перцового газа, большой, на четыре унции, — полицейская модель, но Лора, честно говоря, никогда не пробовала прыснуть им на вампира, ибо не знала, подействует ли он. Она не знала, сможет ли он вообще хоть как-то обезвредить вампира.

Что ей делать дальше, она не представляла.

И тут ей пришел в голову ответ, хоть она и не была уверена, стоит ли ему доверять. Над одной из аварийных дверей загорелся красный знак. Там было написано «Выход», и, когда она посмотрела на него, в глазах у Кэкстон зареяло.

Лора и раньше велась на их уловки. Она понимала, что единственно разумным было бы запереться в контрольной кабине и ждать до утра. Но она также знала, что так нельзя, не сейчас, когда у нее еще оставалось много работы.

Она подошла к двери с надписью «Выход». Красная гудящая лампа осветила весь зал, и, как только глаза Лоры привыкли к ее демоническому свету, она огляделась по сторонам. Глауэра нигде не было: ни в креслах, ни внизу, около карты, ни в темных закоулках. Она пару раз выкрикнула его имя, но ответа не дождалась. Поэтому Лора повернулась к выходу и положила руку на рычаг-толкатель.

Коридор за дверью был совершенно темным, но в дальнем его конце горел свет. Лора медленно двинулась вперед, пытаясь не создавать много шума. Она понимала: там могло быть все, что угодно. Приблизившись к источнику света, она увидела, что это еще одна надпись «Выход», горящая красным светом. Она двинулась туда, стараясь не торопиться, и на всякий случай подняла винтовку.

Лампа светила ровно, без мигания. Никакого другого освещения не было. Она наполняла коридор розоватым свечением, которое почти не рассеивало тени в углах.

Ее кто-то вел, и вел, наверное, в ловушку. И похоже, свернуть куда-либо еще ей не позволяют.

Темнота в коридоре медленно отступала перед тусклым светом. Лора прищурилась в полумраке и увидела высоко на стене над головой обыкновенную лампу аварийного освещения. В нее были вкручены две лампочки, отбрасывавшие свет за угол. Сразу за углом был знак в виде стрелы, указывающий на зал экскурсионного обслуживания.

Туда она направила Хауэлла и его гвардейцев. Кэкстон вздохнула, гадая, встретится ли она с ними, удастся ли перегруппироваться или, по крайней мере, просто оказаться наконец не одной.

Осторожно продвигаясь, держа винтовку наготове, Лора обошла угол и миновала короткий коридор, оканчивающийся закрытой аварийной дверью. Никаких знаков на ней не было, только облупившееся эмалевое покрытие. Краска вокруг рычага-толкателя была полностью стерта, и рычаг стал блестящим из-за многочисленных туристов, выходявших через эту дверь, толкая его. В двери было узкое прямоугольное окошко, затянутое мелкаячеистой проволочной сеткой. Лора заглянула внутрь, но увидела только тени.

Велев себе не трусить, она распахнула дверь. Сквозняк, ворвавшийся через открытую дверь, принес мерзкий запах, который она сразу распознала. Она шагнула в комнату, являющуюся чем-то вроде зала ожидания с множеством кресел и справочной стойкой.

На ковровом покрытии один возле другого лежали Хауэлл и его гвардейцы. Ясно, что их притащили сюда и уложили так, вероятно, чтобы она увидела их. Пустые лица смотрели в потолок. У одного из них — Сэдлера, вспомнила Кэкстон, — не было рук. Раны на его плечах были бледными и лишенными крови.

На лице Хауэлла осталось несколько порезов и четыре тонкие царапины, в которых Кэкстон узнала отметины от когтей. Края порезов были полупрозрачными, но она могла видеть разорванные розовые ткани под ними. И ни капли крови вокруг.

Еще у двоих признаков сильных ранений не осталось. Все четверо до сих пор были в полной боевой экипировке, включая шлемы, хотя патрульные винтовки и личное оружие отсутствовали.

У Хауэлла имелась единственная граната, свисавшая с ремня снаряжения. Лора осторожно сняла ее с металлического крепления и осмотрела. Зеленая, цилиндрическая, с углублениями сверху. Не светошумовая граната и не осколочная... должно быть, она из обязательного набора гвардейца Лора прочла коды, вытисненные сбоку. «М-18, зеленая», и поняла, что это дымовая граната. Если рвануть чеку, граната выбросит тысячи кубических футов дыма, который, если она ее швырнет, ни одному вампиру не причинит никакого вреда. Как бы то ни было, Кэкстон все равно сунула ее в карман, повинаясь принципу не бросать оружие, валяющееся на неохраемом месте преступления. Основное полицейское правило.

Она встала, но не смогла оторвать глаз от четырех мужчин. Все были моложе ее, но старше им никогда уже не стать. Однажды они уже послужили своей стране в Ираке. Теперь они вернулись домой, и меньше чем через год их снова послали на опасную работу, и на этот раз они не справились. Кэкстон сказала себе, что это солдаты, давшие, как и она, присягу защищать штат Пенсильвания. Она повторила это себе два или три раза, но это было не так убедительно, как она надеялась.

Ей нужно было двигаться. Если она остановится, если застынет на месте и представит, сколько погибло гвардейцев, где сейчас Глауэр или сколько ее отрядов все еще оставалось в живых, она сломается. Она потеряет решимость. Итак, кинув последний взгляд на покойников, она повернула прочь.

За справочной стойкой она обнаружила офис — небольшое помещение, загроможденное шкафами и ящиками картотек. На дальнем конце она нашла дверь, которая вела в темноту. Давно пора выбираться из туристического центра, решила Кэкстон. Усталость начала наваливаться на нее, и Лора понимала, что лучший выход — это уйти куда-нибудь подальше и немного передохнуть. Холодный воздух улицы мог помочь ей взбодриться.

За дверью Кэкстон увидела пустую автомобильную парковку, а позади нее — ряд

деревьев. Она достаточно долго изучала карты Геттисберга, чтобы понять, что за этими деревьями находится заправка и улица, полная аляповатых атрибутов туристической индустрии: магазины футболок, фотоателье, дешевые тематические ресторанчики. Место ее следующего опорного пункта — двухсотлетняя таверна-гостиница к северо-востоку отсюда. Это было далеко, слишком далеко, чтобы идти туда, имея вампиров на хвосте. Несмотря на это, Лора должна была придерживаться плана. Если был хоть какой-нибудь шанс встретиться с другими солдатами, значит, нужно было выполнять свои же собственные инструкции, и чем точнее, тем лучше.

Покачивая в руках винтовкой, приготовившись при малейшей провокации вскинуть ее для выстрела, Кэкстон бросилась к деревьям, а потом — из-под их укрытия, пересекла открытую бетонированную площадку автозаправки. Никто на нее не прыгнул, никто, бледный и стремительный, не бросился за ней. Но Лора могла только догадываться, следит ли за ней кто-нибудь или нет. Ветер в вышине сдул большую часть облаков, и в свете звезд она почувствовала себя незащищенной. Она подбодрила себя, подумав, что для нее это преимущество. Вампирам свет был не нужен, они могли видеть ее в кромешной темноте, поэтому звезды были на ее стороне.

Впрочем, каждая секунда без прикрытия, каждое мгновение, которое она проводила, не чувствуя стены у себя за спиной, пугало ее все сильнее. Она протиснулась в двери маленького магазинчика на автозаправке и присела за брошенной кассой, просто чтобы передохнуть. Она не слышала ничего, кроме жужжания холодильных камер, которые стояли по обе стороны от кассы. Лампочки в них были выключены, но содержимое все еще сохраняло идеально низкую температуру. Сидя в темноте, Лора дала себе окунуться в это жужжание, тягучий звук, успокаивавший ее нервы.

Она включила рацию и прошептала вызов всем, кто еще находился на основном канале. Она держала кнопку приема и ждала, не слыша ничего, кроме помех. Электронное жужжание в пустом эфире, безголосое, бессмысленное. Ее солдатам был дан строгий приказ отвечать на ее вызовы всегда, если только это было возможно. Отсутствие ответа означало, что они либо засели там, где создавать какой-либо шум было опасно... либо все мертвы.

То, что она осталась абсолютно одна, казалось невозможным. Под ее командованием было так много солдат. Они не могли все пропасть. Или могли?

— Борт-один, борт-два, прием, — сказала она в микрофон.

Она ждала ответа от пилотов вертолета. Те молчали.

Это и вовсе было ненормально. Вампиры летать не могли. Этой силы у них не было. Они не могли добраться до вертолетов. Это было просто невозможно.

— Борт-три, прием, — сказала она снова, на этот раз громче, поворачивая усилитель громкости на случай, если помехи заглушали ее вызов.

Радио затрещало громче, но с еще большей пустотой, чем раньше.

Лора бегом выбралась с автозаправки, низко пригибаясь. Винтовку она держала в руках, готовая выстрелить в первую шевельнувшуюся тень. Пересекать открытое пространство было глупо; она, скорее всего, или промахнется, или выстрелит в другого человека, в то время как сама она была прекрасной мишенью для вампиров. Но как бы то ни было, это было все, что она могла сделать, чтобы страх не захлестнул ее, и она не раздумывала долго.

Открывшееся перед ней пересечение Тэйнитаун-роуд и авеню Штейнвера было широким, просторным перекрестком, покрытым асфальтом и травой и хорошо просматриваемым. Лора бросилась через него, оставляя на лужайках темные мокрые следы, по которым мог пойти кто угодно. Перед собой она увидела старинные здания Геттисберга, включая самое старое, таверну «Доббин-хаус». Это была ее следующая остановка.

Вывеска на фасаде гласила, что таверна открыта в 1776 году, задолго до Геттисбергского сражения. Это было не единое здание, а скорее длинный, вытянутый комплекс построек, окруженный тремя стоянками, обрамленными деревьями. У главного здания были толстые, с виду надежные стены, прорезанные десятками окон с широкими белыми ставнями. Печные трубы из красного кирпича высились на черепичной крыше, и

забор из белого штакетника окружал все строение. Кэкстон стрелой бросилась к широкой красной двери, убежденная, что ей как можно скорее надо оказаться внутри, оставив позади себя перекресток.

90

Настал рассвет третьего июля, и снова загремели пушки, неся северянам смерть, а те старались уничтожить их. Все это время мой отряд спал в своих гробах, пока шла схватка в Логове Дьявола,¹ где люди падали мертвыми на тела своих соратников, и все безрезультатно. Я видел все это и начал завидовать им. У меня было чувство, словно моя голова засунута в невидимые тиски, и это продолжалось весь этот день, и боль жестоко измучила меня. Я пожаловался хирургу, у которого было так мало времени на мои недомогания, что он даже не удостоил меня взглядом. Когда я потребовал ответа, мне было сказано, что здесь все чувствуют то же самое. Всем прекрасно знакомо это ощущение. Кто-то считал, что это от шума: одного звука пушечных выстрелов было достаточно, чтобы причинить человеку физическую боль. Другие убеждали, якобы это от бессонницы.

Один человек, доброволец из Кентукки, предложил помолиться вместе со мной:

— Боль эта — глас Божий, который велит тебе бежать прямо сейчас, ибо времени на исправление дурных дел у тебя осталось не много!

Я оставляю другим описывать события третьего дня битвы, перечислять полки, которые сражались с такой доблестью, и воспевать хвалебные гимны тем генералам, которые наконец-то перехитрили мастера Ли. Я лишь мог с ужасом наблюдать, как орды южан набегают волнами, снова и снова, и мы отбрасываем их назад мушкетами, а кое-где и штыками. Мой разум был не в состоянии понять смысл этого всеобщего кошмара — гибели людей, шума и дыма. Дым, о дым! В моих воспоминаниях все это место было соткано из пепла, его хлопья на моих щеках, нос полон этим легким прахом, и все, что я вдыхаю, — это дым. Я чувствую его и теперь!

Из записок Уильяма Питтенгера

91

Как только она потянулась к двери, волосы у нее на затылке встали дыбом и Кэкстон замерла, словно парализованный страхом кролик.

Кто-то, какое-то существо, противоестественное существо было поблизости. Она достаточно долго сражалась с вампирами, чтобы узнать это ощущение. Вампир должен быть где-то рядом. Он мог скрываться в любой широкой тени вокруг нее. Он в пределах досягаемости, подумала она. Он будет ждать, когда она повернется к нему спиной, и тогда ударит.

Лора подняла винтовку и развернулась на одной ноге, целясь всюду и никуда конкретно, готовая стрелять во все, что только шелохнется.

И вдруг это чувство пропало так же быстро, как и появилось.

Вампир был поблизости. Кэкстон знала это наверняка. Он мог напасть на нее. Должно быть, он и собирался. Но по какой-то причине он передумал и оставил ее. Это казалось бессмысленным.

Но доискиваться до смысла нужды не было. Это хорошо, заверила себя Лора, она могла извлечь из этого некоторую пользу. Она вспомнила мертвого вампира у электрической карты. Кто-то вырвал его сердце. Кто-то защищал ее? Но вампир бы такого никогда не сделал. Они не воспринимали человеческую жизнь как нечто обладающее особенной ценностью. И уж

¹ Логово Дьявола — каменистый участок местности к югу от Геттисберга.

конечно, они не изменят своему пути, чтобы спасти человеческое существо. И все же кто-то именно так и поступил. Возможно, он вовсе и не защищал ее. Может, он просто заявлял свои права. Может, один из вампиров решил, что она — его личная добыча. Может, он убил вампира у электронной карты, чтобы сберечь ее для себя.

Но Кэкстон снова сказала себе, что это не важно. Она все еще была жива, и только это имело значение.

«Ну ладно», — сказала она себе, чтобы сосредоточиться.

Потом повернулась, нажала на ручку двери и шагнула в темноту дома.

Закрыв дверь за собой, она сделала вдох и выдох, восстанавливая дыхание. У нее было ощущение, словно ее ударили в живот. В таверне царил жуткий холод. Ни малейших признаков жизни внутри большого каменного здания не было.

«Ладно», — сказала она снова.

Ей хотелось немного отдохнуть. Ей хотелось хорошенько выспаться. Но времени на это у нее не было. Ничего не изменилось. Не важно, сколько вампиров шло за ней по пятам, не важно, чего они хотели, она должна следовать своему собственному плану. Ей нужно было соединиться с любыми уцелевшими из ее армии полицейских и гвардейцев. Ей нужно было зарядить свое оружие. Если этого не получится, ей надо перебраться в безопасное место, куда-нибудь, где она сможет обороняться и держаться как можно дольше. Оставалось надеяться, что прибудет подкрепление из Национальной гвардии.

Внутри таверны горел свет. Она этого не ожидала. На столе посреди зала стояла единственная свеча, от мигающего желтого огонька рябило в глазах.

Ее ждали, поняла она. Кто-то ждал ее здесь.

В свете единственной свечи комната казалась полной пляшущих теней. Это хуже, чем темнота, решила Кэкстон, поэтому она задула огонек, глядя, как оранжевая искра гаснет и наконец затухает. Она не стала сразу включать фонарь. Ей хотелось, чтобы глаза привыкли к темноте. Она прислушалась: во тьме раздавалось лишь ее дыхание. Некоторое время ничего не происходило.

А потом она услышала музыку.

Звук виолы. Она так естественно звучала в старинной таверне, что на мгновение Лоре показалось, будто она попала в прошлое.

«Если б это было так», — подумала она.

Она поднялась на ноги. Музыка раздавалась сверху, из какого-то помещения, расположенного на верхнем этаже. Она слышала и другой инструмент — флейту? Нет, это была дудочка. И где-то вдали выстукивал несложный ритм турецкий барабан.

Никто ее не вынуждал идти выяснять, что это за музыка. Но раз уж ей захотелось — а ей действительно захотелось, она была уверена, что это именно ее решение... Ведь можно же было остаться внизу до рассвета. Здесь, в таверне, она была в сравнительной безопасности. Она могла защищаться. Подстрелить любого, кто попытался бы войти в дверь. Прижаться спиной к каменной стене, через которую даже вампирам не прорваться.

Она могла просто сидеть здесь и всю ночь слушать музыку.

Была только одна проблема. Аркли захотел бы, чтобы она поднялась наверх. Она точно знала, что бы он сделал в подобной ситуации. Лора знала, что он прав. Вампиры обожали играть с твоим сознанием. Это было одним из их главных развлечений. И еще это была одна из их главных слабостей. Если ты шел напрямик в их ловушки, если ты игнорировал элементарную логику их иллюзий, то чаще всего ты мог поймать их.

Поэтому Кэкстон включила фонарик, отыскала ступеньки и направилась вверх.

В конце лестницы находился зал около пятидесяти футов в длину, с низким потолком и множеством окон.

Но ей не удалось понять, как он выглядел на самом деле. Ибо то, что она увидела, определенно не могло быть реальным.

Люди в синих, хорошо сшитых мундирах с рядами блестящих медных пуговиц стояли возле стен, держа глиняные кружки с пивом и бокалы с пуншем. Их лица светились

здоровьем и хорошим настроением. Несколько человек играли на тех самых, услышанных ею инструментах, было шумно и весело. Вдоль одной стены стоял стол, ломившийся от жареного мяса, пирогов и огромной чаши с пуншем. Со стены свисало знамя, полотнище золотистого цвета с выбитым на нем приветствием:

**«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, АЛВА!»
«Вернулся наш герой»**

Пол в зале был расчищен — толстый ковер скатали и сунули в угол. На голых половицах выплясывали два солдата, кружились, вдохновленные музыкой. Их лица блестели от пота и возбуждения, и они хохотали, кружась и отвешивая друг другу пинки.

Один был одет в рваный мундир из темно-синего сукна, а его лицо было изорванным и окровавленным, кожа висела на нем рваными полосками. Ему на это, похоже, было наплевать, судя по тому, как он смеялся и хлопал, отбивая ритм. Его партнер выглядел значительно лучше. Это был огромный человек, наверное, футов семи ростом. Он щеголял в зеленом сюртуке и узких серых брюках, ботинки его сияли, словно зеркало. Шевроны у него на рукаве были вышиты золотом. Лохматая грива волос и густая борода, в которой виднелись седые пряди, обрамляли загорелое узкое лицо. Его глаза были глубокими, пронизательными и очень темными.

Казалось, никто из находившихся в зале людей не замечает Кэкстон, поднимающуюся по последним ступенькам лестницы в квадратный зал. Они были слишком заняты, следя за дикой пляской, слишком поглощены едой и питьем. Даже когда она подняла винтовку и прицелилась в сердце одному из танцоров, никто не бросил на нее ни единого взгляда.

Потом она выстрелила... и все изменилось.

92

Они навалились на нас все вместе и одновременно. Теперь это зовется «атака Пикетта», но в то время мы не знали, кто отдал приказ идти в атаку. В один миг под нами оказалась только серая стена, навалившаяся на нас, словно прорвало какую-то дамбу и будто потоки воды хлынули к подножию холма перед нами. Они шли с криком и когда наши пушки рвали их на куски, и когда снайперы генерала Бердана снимали их одного за другим. Они все шли вперед, наши мушкеты палили, а они все шли, с развевающимися знаменами. Они атаковали нас, разворачивались и гибли, натыкаясь на наши штыки, но шли снова!

Они сломали наши ряды. Мы отбросили их назад, но они еще сильнее навалились на нас. Оружие говорило красноречивее любых слов, дым был таким густым, что внезапно я перестал что-либо видеть и бродил как в тумане. Мир потерял все цвета. Я врезался в бок лошади и пробормотал извинения. Наездник наклонился, чтобы взглянуть на меня. Это был генерал Хэнкок.

— Готовьте своих людей, сэр, — сказал он, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Готовьте их!

Он бросился в темноту, и мгновение спустя я услышал его крик. Неужели его задела вражеская пуля? Позднее оказалось, что так и случилось, но он отказался покинуть поле боя. Клянусь Богом, даже генералы в тот день не были в безопасности!

Я бросился назад, туда, где под присмотром небольшого отряда часовых из числа раненых лежали гробы. Я бы немедленно раскрыл их и приказал Гристу и его людям идти в бой и сражаться, но время было против меня. Несмотря на черную пелену в небе, ночь была еще далеко.

Из записок Уильяма Питтенгера

Она моментально поняла, в чем был фокус. Три выстрела, раздавшиеся в маленькой комнате, разрушили иллюзию. Знамя, праздничный стол и хорошо одетые кутилы разлетелись, словно стеклянная тарелка, когда пули пронеслись в воздухе, не оставив ничего, кроме холодной пустой комнаты. Облачка пыли выбились из белой оштукатуренной стены, но Лора ни в кого не попала. Солдаты тоже были частью иллюзии. И танцоров здесь никогда не было. Кэкстон находилась в комнате одна.

По крайней мере, так показалось в первый момент. Потом вампир, огромный, бледный, стремительный, накинулся на нее и с силой пригвоздил ее к дверной раме. Ствол винтовки взмыл вверх, едва не ударив ее по лицу. Вампир обхватил Кэкстон за талию, швырнул в воздух, и она врезалась в стену, увешанную фотографиями в рамках.

Лора не чувствовала ног, не могла вздохнуть. Она сползла на пол, не в состоянии собраться, не в состоянии думать.

Умно... очень умно. Кэкстон поняла, что именно так ей суждено погибнуть. Она упустила свой шанс, стреляя по фантомам, галлюцинациям, которые вампир создал у нее в голове.

— Хороший трюк, — умудрилась прошептать Кэкстон. — Музыка и все такое.

Вампир присел на корточки возле нее. Заглянул в ее глаза.

Кэкстон попыталась игнорировать его, сосредоточившись на том, чтобы выжить. Дыхание возвращалось, но дышать было больно. Неужели она сломала ребра? Повредила себе легкие? Судя по ощущениям, так оно и было.

— Я многому научился с тех пор, как Малверн сделала меня таким, — ответил вампир.

Он схватил ее винтовку обеими руками и попытался снять с нее. Нейлоновая лямка все еще была обернута вокруг руки, и, когда он потянул, Кэкстон дернулась, как сломанная кукла. Она почувствовала, как холодные руки скользнули по ее шее и плечу, пока он освобождал оружие. Она могла только наблюдать за тем, как он нагнулся, ломая ствол о колено. Винтовка больше не выстрелит никогда.

На боку у Кэкстон все еще оставалась ее «беретта». Заметил ли он ее? В комнате было довольно темно. Потом вампир наклонился ближе, и она хорошо разглядела его лицо. Его щеки были пунцовыми. Он поел, и недавно... это значит, он совершенно пуленепробиваем. От пистолета толку практически никакого.

Она заметила и кое-что еще. Она увидела знакомые глаза, определенный угол скул. Это был не просто вампир. Это был ее вампир, тот самый, за которым она гонялась по Геттисбергу и Филадельфии. Зачинщик. Она не видела его с тех пор, как он сбежал из музея Мюттера, но его лицо ей было не забыть.

— Ты... ты же тот самый. Почему? — спросила она, и от вопроса всю ее грудную клетку пронзило болью.

Боль была терпимая, а ей нужно было задать еще несколько вопросов.

— Почему ты разбудил остальных? Ты ненавидел то, во что превратился. Почему было не оставить их спать навсегда?

Он снова поднес руку с пальцами, изогнутыми, словно когти, к ее лицу. Он, наверное, был готов оторвать ей голову. Потом рука расслабилась, и вампир встретился с Кэкстон взглядом.

— Нужно уничтожить Малверн. Ты обещала мне. Я не могу сделать это сам. Отчасти это твоя вина. Если бы ты не схватила меня за руку...

— Чужь собачья, — оборвала его Кэкстон.

Его лицо исказилось яростью. Наверное, он не ожидал, что женщина будет так выражаться. Лора покачала головой.

— Отлично, тебе нужна была помощь. Зачем же было будить остальных?

Долгую минуту он просто смотрел на нее, опустив руки. Если бы он захотел, он мог бы сейчас убить ее. Они оба знали это. Вместо этого он сел на пятую точку. Лора готова была

поклониться, что ему хочется поговорить. Ему хотелось объясниться.

— Как я мог выбирать, кому жить, а кому нет? Когда они сложили нас в той пещере, нам обещали, что это всего на несколько дней. Что нам дадут возможность сражаться, и довольно скоро. Неужели вы думаете, что мы не чувствовали, как идет время? Чувствовали, мисс. О, мы мечтали рассчитаться за наш плен. Мечтали о крови. Эти люди, мои люди, заслужили, чтобы подняться снова. Они заслужили этот шанс, который никто не мог им дать.

Кэкстон скрипнула зубами. Шанс убивать, хотел он сказать. Шанс учинить резню.

— Шанс, которым лично вы не пожелали воспользоваться.

— Прошу прощения? — спросил он, хлопая глазами.

— Вас не было с ними, когда они явились сюда. Вы пробудили их, но вас не было, чтобы вести их. Вы прятались все это время тут?

— Они знали, где я был. Они должны были прийти за мной. Я знал, что они поднимутся, но обязательно встретят сопротивление.

— Так что, вы держались в стороне, подальше от опасности?

Вампир улыбнулся, показав многочисленные зубы.

— Любой хороший генерал ценится больше, находясь за линией огня, где он может отдавать приказы, а не там, где он станет лишь одним из многих. Вы не согласны? Я знаю, вы с самого начала возглавили своих людей. Как женщина, вы, признаюсь, доказали, что кишка у вас не тонка. Но теперь, будьте любезны, отдайте мне свое оружие, и мы покончим с этим.

— Я думала, вы другой, — сказала она пропустив мимо ушей его приказ. — Вы не такой, как другие вампиры, которых я знала.

Аркли, конечно же, так бы не подумал. Для него все вампиры были одинаковыми кровопийцами. Какими бы благородными принципами они ни обладали в жизни, в смерти они становились монстрами.

— Я сожалею, мисс, но час пробил. Ваше оружие, пожалуйста.

— Какое? Это? — спросила Кэкстон, не слишком ловко вытаскивая «беретту» из кобуры, к тому же она потеряла долю секунды, переключая предохранитель.

И тем не менее она начала стрелять прежде, чем он успел оторвать ей руку.

Он прыгнул вверх и назад, прочь от нее. Движением более стремительным и грациозным, чем то, которое мог сделать любой человек. Четыре пули, выпущенные прямо в ту самую точку, где мгновением раньше было его сердце, вошли в мягкие ткани его живота. Разрывные снаряды разлетелись внутри его тела, каждый осколок следовал по своей собственной траектории сквозь мышечные ткани и желудок. Кожа шла волнами, морщилась и рвалась, и вот уже Кэкстон увидела его холодные внутренности, с которых капали редкие капли чьей-то крови.

Рана была мерзкая и страшная, она свалила бы с ног обычного человека. Боль и шок от нее убили бы многих людей. Вампир же смотрел на свое тело с видом удивленным и... ироническим.

Как только его тело стало восстанавливаться и лоскуты кожи принялись затягивать разрыв, словно бледные пальцы, сплетающиеся между собой, вампир захохотал. Лора совершенно не задела его сердце, даже близко. И подобная рана не могла задержать его.

«Беретта» была пуста. Кэкстон потратила все пули. Левой рукой она потянулась в карман куртки за запасной обоймой, хоть и знала, что перезарядить она ни за что не успеет. Разговор с вампиром был окончен.

В отчаянии Лора сунула руку не в тот карман. Дополнительные боеприпасы были в правом кармане, а она потянулась в левый, в котором была пачка жевательной резинки, миниатюрный фонарик и граната, которую она сняла с тела мертвого Хауэлла.

«Граната», — шепнуло ей подсознание.

Она рванула чеку и вырвала снаряд из кармана. Это было оружие — вот все, о чем она подумала в этот момент. Она потянулась и сунула его прямо в вывороченные внутренности вампира. Белая кожа на его животе закрывала разрыв так быстро, что Лора едва успела выдернуть пальцы.

Все это заняло не больше десятой доли секунды. Намного больше времени потребовалось ее сознанию, чтобы сообразить, вспомнить, что граната, которую она засунула в тело вампира, была не осколочная, не объемного взрыва и даже не светошумовая. Это была дымовая граната «М-18». С таким же успехом Кэкстон могла сунуть в него ключи от машины.

94

Я не мог ничего делать, я лишь съежился среди своих деревянных ящиков, прислушиваясь к приближающимся выстрелам, и дрожал как осиновый лист каждый раз, когда слышал поблизости боевой вопль мятежников. Я не мог думать ни о чем, кроме как о поражении. Если Ли займет мою позицию, если ящики захватят до заката, меня повесят, и я это знал. Когда южане поймут, что мы наделали, меня будет ждать виселица, если только меня не убьет артиллерийским снарядом или ружейным выстрелом! Голова раскалывалась, будто не могла выносить слишком большого давления. Я был уверен, что этот шум и дым прикончат меня!

А затем звон в моих ушах стал еще громче. Или, точнее, все звуки оборвались. Неужели я оглох? Я выполз и бросился сквозь дым, ища кого-нибудь, чтобы спросить, что случилось со мной. Я наткнулся на майора с черным от пороховых ожогов лицом.

— Что это? Что случилось? — потребовал я ответа.

— Ну, мы их отогнали, — ответил он.

Он сказал это так, словно сам едва мог поверить в это. И я чувствовал то же самое.

И все же, когда я бросился вперед, на самый верх холма, я увидел, что это правда. Серая волна катилась назад, прочь от нас. Ружья стреляли им в спину, и много солдат в строю все еще разряжали свои мушкеты, выбирая случайные мишени. Но трубили горны, и массовое бегство серых ясно это подтверждало.

Всюду царило всеобщее смятение, было заметно передвижение войск, слышались перестрелки. Но все уже было кончено. К четверем часам битва была прекращена. И выиграна.

Мои вампиры так и не вступили в бой. Потом состоялась дискуссия с генералом Хэнкоком о том, не послать ли вампиров вслед за убегающим Ли, чтобы ударить ему в тыл. Но генерал Мид, который одобрил мою операцию, прислал личный приказ: контратаки не будет.

Битва за Геттисберг была окончена. Мои люди, мои чудовища, которые должны были стать героями, остались невостребованными и голодными.

Из записок Уильяма Питтенгера

95

Вампир выпрямился легким движением, словно расправляющая конечности фигурка-оригами. Кэкстон прижалась к стене позади себя, встала рывком, куда менее грациозно. «Беретта» бесполезно болталась в руке. Она чувствовала, как ее подмывает ударить его пистолетом, чтобы вырваться на свободу, но сдерживалась. Она не могла сбежать от него, только не сейчас.

Вампир положил руки на плечи Кэкстон и продавил ее к стене. Она почувствовала, как он вминает ее в камни. Вампир наклонился ближе, словно хотел поцеловать ее, и Лора отвернулась в сторону, но не могла отвести глаз от его зубов — острых, треугольных, блестящих. Он широко распахнул челюсти, качнув головой вбок. Он собирался вырвать ей горло.

Но вместо этого он кашлянул. Тихо и сухо кашлянул посреди темной комнаты. Его глаза

немного расширились, и хватка ослабла, но совсем чуть-чуть. Он кашлянул снова, уже сильнее, всей грудью, и из носа у него выполз язычок зеленого дыма.

Кэкстон повернулась, чтобы взглянуть на него в упор, и обнаружила на его лице то же замешательство, которое чувствовала сама. Потом он выкашлял большой клуб дыма, слюны и крови прямо ей в глаза, и Кэкстон дернулась в сторону, моментально ослепленная. Вампир выпустил ее плечи, и Лора ушла в сторону, нырнув у него под рукой. Он не пытался поймать ее, хотя это было ему нетрудно.

Она утерла глаза, развернулась, рука принялась доставать запасную обойму из кармана. Кэкстон в страхе следила за ним, не имея ни малейшего понятия, почему он ее отпустил. Дым, это она, конечно, могла понять, — от гранаты, которая разорвалась у него в животе. Дым набухал внутри его, сотни и сотни кубических футов, бурлящих у него в желудке. Он вырывался через любое подходящее отверстие, которое в данном случае оказалось ртом. Но этого наверняка было недостаточно, чтобы травмировать его. Он только что шутя отделался от четырех девятимиллиметровых пуль, полученных в живот.

По его лицу Кэкстон прочитала, что произойдет сейчас на самом деле. Его глаза были такими огромными, что она видела белки вокруг розовых зрачков. Ему не было больно, просто его охватило замешательство. Он совершенно не понимал, что с ним происходит, но чувствовал, что это плохо. Он схватился руками за живот, разрывая собственную кожу. Пока Лора следила за ним, ее руки все еще возились, вставляя обойму в пистолет, вампир же согнулся пополам и изрыгнул огромный столб темно-зеленого дыма, который затянул потолок маленькой комнаты. Он попытался закрыть рот, сглотнуть то, что так настойчиво рвалось наружу, но дым снова вылез из его челюстей, и он выкашлял еще одно большущее облако. Его руки сжимали живот, словно его пучило и раздувало.

Все его тело содрогнулось, когда вампира вырвало в третий раз. Кэкстон ладонью вогнала обойму в пистолет. Вампир взглянул на нее то ли с выражением мольбы на лице, то ли просто удивленно.

Это было не важно. Кэкстон выстрелила, и его живот тут же разорвало, повалил зеленый дым, его руки бешено забились. Лора шагнула ближе, держа пистолет в вытянутой руке. Стрелять от плеча означало пожертвовать меткостью, но она не могла рисковать: вдохнув полные легкие дыма, она потеряла бы инициативу. Лора выстрелила в грудь вампира, подправила прицел, потом еще раз; ей показалось, будто она увидела освещенное вспышкой черное сердце, и она выстрелила в третий раз.

Он упал, ударив ногой в стену, дым все еще валил из его разорванных внутренностей. Он умер? Лора не была уверена. Терять пули ей не хотелось, но, пока она не поймет, что он мертв, продолжать действовать нельзя. Она низко пригнулась — комната от уровня плеч и выше была полна дыма, и только в нижней половине оставался воздух, которым можно было дышать, — и наклонилась, чтобы увидеть его глаза, целясь пистолетом прямо в его сердце. Розовые глаза не выражали ничего. Кэкстон заглянула ему в грудную клетку. Сердце было порвано в клочья. Вот и хорошо.

Она испустила долгий вздох и подумала о том, что делать дальше. Ей хотелось отосидеться. По правде говоря, ей хотелось лечь и выспаться наконец. Дым был слишком густым, и вскоре в маленькой комнате будет нечем дышать. Лора двинулась назад, вниз по лестнице, в темный зал таверны на первом этаже. Но не успела она спуститься, как рация крикнула, требуя ее внимания.

— Это Кэкстон, слушаю вас, — сказала она облегченно.

Наконец-то она получила сигнал.

— Борт-два на связи, где вы находитесь? — Голос был далекий и заглушаемый помехами, но звучал вполне реально.

— Я в третьем опорном пункте, в... как его... «Доббин-хаусе».

— Вас понял, — ответила рация. — В вашем районе замечена активность. Мы преследуем нескольких подозреваемых. Примерно девять, максимум двенадцать. Они идут пешком. Прием.

Кэкстон прикусила губу. Подозреваемые в данном случае означали вампиров. Максимум двенадцать. Лора подумала, что она знает, что они собираются сделать.

— Вас поняла. Направление движения?

— Направляются прямо к вам, Кэкстон. Они стягиваются к пункту вашего нахождения. Они просто появились из ниоткуда около минуты назад и двинулись к вам. Сведений о причине этого пока нет.

— У меня есть версия, — сказала она, но времени на объяснения не было.

Лора поняла, что вампир, которого она только что убила, должно быть, послал что-то вроде телепатического сигнала бедствия. Созывая отряды на помощь или на месть.

Максимум двенадцать вампиров, направлявшихся к ней. Она прикончила их вожака. На этом, пожалуй, можно было бы и остановиться. Но похоже, ее ночь еще не кончилась. Пока не кончилась.

— Группа два, вы заметили другие объекты? — уточнила она.

— В настоящий момент нет, Кэкстон. Прием.

Лора попробовала прикинуть. Означало ли это, что ее армия прикончила всех оставшихся? И эти двенадцать — все, что осталось от батальона вампиров? Она сомневалась, что ей настолько повезло.

— Что с нашими ребятами? Вы связались с кем-либо еще?

Пилот вертолета надолго замолчал.

— Как слышите? Прием! — крикнула Кэкстон.

— Вас слышу. Свежих известий от наших нет, — ответил борт-два.

Он сказал это, будто извиняясь.

— Отбой, — произнесла Кэкстон.

И начала действовать.

96

Девяносто девять сердец на девяносто девять гробов. Я лично похоронил их в естественной пещере Семинарийской гряды. Отправил в отставку девяносто девять человек, и они не сопротивлялись. На другом конце пещеры, напротив меня, сотым и последним стоял Алва Грист. Он выглядел тощим, таким тощим я его еще не видел: его щеки впали, глаза ввалились от усталости. И все же он говорил очень оживленно.

— Сделайте нас партизанами, — сказал он, резко жестикулируя в мерцающем свете. — Пошлите нас в тыл южанам. Мы там такую бойню устроим, что они вынуждены будут сдаться. К Рождеству Джефф Дэвис будет на цепи, мы протащим его вдоль всей авеню Пенсильвании. Или просто пошлите меня, и я сам приведу его. Вы должны дать нам хоть что-нибудь.

— Алва, — тихо ответил я. — Капрал. Это бесполезно. Министр отдал мне приказ. Но это еще не конец. Мы поднимем вас, когда вы понадобится снова.

— А пока мы будем спать. Вы это называете сном.

Я покачал головой.

— Лучшего слова у меня нет.

Я обвел рукой людей, спавших в гробах.

— Что еще можно сделать? Мы не можем оставить вас бодрствовать, ведь ваша жажда растет с каждой ночью. Ты понимаешь? Тебе не придется страдать, мечтая о запретной крови. Для тебя это будет покоем. Как я завидую тебе!

И тут Грист встал надо мной. Он двигался так быстро, словно это было колебание огня. И все же я чувствовал холод его тела, могильный холод, совсем близко. Его руки шевелились перед моим лицом, словно он хотел схватить меня за шею и придушить до смерти.

— Ты ничего не понимаешь! Нам нужна кровь!

Мне понадобилась вся моя смелость, чтобы повернуть голову и посмотреть

прямо ему в глаза.

— Кровь южан, ты хочешь сказать.

Огонь в его красных глазах заметно поблек. Он уронил руки.

— Да, — ответил он, — конечно.

— Твое время придет, — пообещал я.

Так, как обещал ему прежде.

Из записок Уильяма Питтенгера

97

Что бы на ее месте сделал Аркли? Он бы бросился бежать. Кэкстон двигалась по темной таверне настолько быстро, насколько хватало смелости, луч фонарика прыгал перед ней. Снаружи, возле главного входа, она услышала звук бьющегося стекла и треск дерева. Она не снижала скорости.

Снаружи «Доббин-хаус» казался растянутым вширь. Изнутри он оказался лабиринтом. Лора маневрировала между столами и стульями, ныряла в низкие двери, проскальзывала мимо нагромождений ящиков с алкоголем и консервами в поисках выхода. Выходить наружу было страшно: там не было никакого прикрытия; там она окажется один на один с вампирами; но если она застрянет в дальней комнатке, где нет выхода, то ее наверняка ждет быстрая и неприятная смерть.

Вниз по короткой лестнице. И тут тупик. Кругом окна, но все они закрыты, а шуметь, разбивая и открывая одно из них, ей не хотелось. Она была весьма благодарна звездам, свет которых лился через них косыми серебристыми лучами.

Сколько вампиров отправилось за ней? Максимум двенадцать, так сказал ей пилот вертолета. Если только не было тех, кого он не заметил, что весьма возможно. Свою патрульную винтовку она потеряла; в любом случае, та была пуста. Сколько пуль осталось в «беретте»? На этот вопрос существовал только один точный ответ.

Недостаточно.

Выйдя из большого обеденного зала, Лора оказалась в некотором подобии сувенирной лавки. Узкие проходы вились между стеллажами с книгами по истории Гражданской войны, памятными сувенирами, ароматическими связками сухих цветов и трав, суповыми смесями, основанными на оригинальных рецептах, подававшихся в таверне. Кэкстон больно врезалась бедром в стол, заваленный плюшевыми зверушками, одетыми в фуражки и вооруженными маленькими плюшевыми ружьями. Игрушки шуршащей лавиной посыпались на пол. Боль была достаточно сильной, и Кэкстон остановилась на секунду, закатив глаза, сморщившись, стараясь не взвыть.

Честно говоря, ей повезло, что она ничего не сломала. Учитывая то, с какой скоростью она двигалась в темноте, она уже по меньшей мере должна была сломать лодыжку.

Но вампиры двигались быстрее. Пока она стояла там, стараясь не топнуть от боли, она услышала движение позади себя. Она моментально забыла о боли, направив все свое внимание в том направлении, отчаянно пытаясь что-нибудь разобрать.

Если вампиры уже там, они себя не выдадут. Что же она услышала? Скрипнувшую дверь?

Давай шевелись, сказала она себе. Не жди тут, не жди, когда они придут и прикончат тебя. Она побежала, стараясь не переносить тяжесть тела на ушибленную ногу. Аркли бы над таким повреждением только посмеялся. Для него времени на болячки не было, пока они позволяли держаться на ногах. Но даже тогда он бы сказал: мол, даже сидя в кресле, ты все еще можешь стрелять.

В дальнем конце сувенирного магазина Лора нашла пожарный выход. Когда она вырвалась наружу, сигнализация не включилась. Кэкстон выбежала на стоянку. Что дальше? Что дальше?

Кусок грубого, источенного непогодой дерева проехал по крыше, соскользнул и

грохнулся на асфальт.

Лора взглянула вверх, увидела бледные тени, растянувшиеся на черепичной крыше таверны. Нет, только не сейчас, подумала она. Они были практически над ней. Она подняла пистолет, выстрелила в кучу вампиров. Тени бросились в стороны, словно испуганные птички, но Лора не была уверена, что задела хоть кого-нибудь из них. Она повернулась и побежала... бросилась во весь опор... на улицу.

Она очень хорошо помнила, как ее вампир едва не перегнал патрульную машину. Сбежать от преследователей не было никакой возможности. Наверное, будет лучше развернуться и встретить их лицом к лицу, попробовать сражаться. Она замедлила бег, больная нога заныла. Кэкстон выпрямилась в полный рост и повернулась.

Они стояли полукругом, вдевятером, с таким видом, будто все это время ждали ее. На одном из них была фуражка. Большинство были обнажены или одеты только в измазанные грязью штаны. Грудные клетки были как у скелетов, каждое ребро отчетливо виднелось в призрачном свете. Изможденные лица, щеки и глаза ввалились.

Ей захотелось кричать. Вместо этого Кэкстон вскинула пистолет и выстрелила одному из них прямо в сердце. Он с криком упал. Остальные напряглись, но остались стоять. Лора развернулась, ища новую жертву. Выстрелила опять. Вампир крутнулся на пятках, но она, должно быть, промахнулась, ибо он не упал. Словно в замедленном кино, он повернулся, глядя на нее, лицо его разъехалось в широкой ухмылке.

— Еще не навеселилась, дорогуша? — спросил один из вампиров.

Он был значительно выше остальных и вовсе не такой изможденный. Он повернулся, глядя на вампира рядом с собой.

— Зови остальных. Не стоит им упускать такой кусочек.

Тот, к кому он обращался, на секунду прикрыл глаза и откинул назад голову. Потом он взглянул на нее снова, с лицом, светящимся злобой.

Кэкстон выстрелила снова, но вампир, в которого она целилась, уклонился в сторону в тот самый миг, когда она нажимала на курок. Пуля прошла мимо. Остальные сделали шаг вперед, к ней. Никому не хотелось быть следующим подстреленным, но они знали, что пуля у нее не много.

Кэкстон не могла сделать ничего, чтобы покончить с этим по-хорошему. Она принялась палить вслепую, даже не отслеживая, куда попадают пули. Тогда вампиры отступили, но только на несколько шагов. Еще один из них упал, прежде чем пистолет окончательно опустел. Больше запасных обойм у нее не было. Она взяла только две. И похоже, за это ей придется поплатиться жизнью.

Кэкстон закрыла глаза и выронила пистолет на землю.

В зажмуренные веки ударил свет, ослепляя ее. Спустя мгновение она услышала трескучую какофонию вертолетного пропеллера прямо над головой. Она прижала руку к глазам и медленно открыла их.

Вампиры перед ней стояли на коленях или катались по земле. Они хватались за глаза, выцарапывая их, словно те горели огнем. Один из вертолетов завис в воздухе над Кэкстон, и прожектор мощностью в тридцать миллионов свечей бил вниз, прямо ей на голову, словно луч солнца из самого рая.

Сама она практически ничего не видела. Свет резал ее привыкшие к темноте глаза. Она могла различать только некоторые детали — например, она заметила, что высокий вампир медленно поднимается на ноги. Глаза на его лице превратились в темные дыры, уже заполнявшиеся белым туманом, вращаясь обратно. Мог ли он видеть без глаз? Мог ли он видеть ее кровь?

И, словно прочитав ее мысли, вампир заговорил, слова были еле различимы за ревом вертолета:

— Я все еще чую тебя, девчонка.

О боже. Ей нужно бежать. Она бросилась на улицу, прочь от вампиров. Куда именно бежать, было все равно. Она услышала, как изменилась громкость вертолетного воя, и

поняла, что тот следует за ней. Проектор светил прямо на нее, ослепляя, но и обеспечивая какое-то минимальное прикрытие.

Впереди был центр города. Дома по обе стороны улицы были все выше и все теснее выстраивались друг возле друга. Прийти сюда было ошибкой: здесь ее легко можно было взять в кольцо, если вампирам хватит ума обойти ее с разных сторон. Они были солдатами. Что, если военные маневры стали их второй натурой?

Лора забежала за угол, намереваясь, по крайней мере, добраться до каменного здания, хоть сколько-нибудь пригодного к обороне. На вопрос, как она будет обороняться, она ответит позже, когда найдет место. Старинное здание мэрии выросло перед ней, и она стала ломиться в двери, пытаясь попасть внутрь и запереть их за собой.

Потом до нее дошло, что она опоздала, они уже были закрыты.

— О нет! — воскликнула Лора.

Она снова и снова налегала на дверной замок. Ничего не произошло. Она повернулась, посмотрела слева направо. Потом снова налево.

И в этот самый миг он догнал ее.

— Какая радостная встреча, мисс! — воскликнул высокий вампир.

Он остановился менее чем в пяти футах от нее. И низко, в пояс поклонился.

— Я многим обязан Алве, — сказал он.

Это имя ничего не говорило ей.

— Но я никогда не испытывал такого удовольствия, выполняя свой долг.

Вампир потянулся к ней, и его пальцы погрузились в ее тело, словно оно было из воды. Лора чувствовала, как рвутся жилы и связки ее плеча, она чувствовала свою кровь, горячую и мокрую, текущую по груди. Она чувствовала, как выгибаются кости, и знала, что сейчас он вырвет ее руку из плеча и станет пить кровь из раны.

Ей хотелось закрыть глаза. Сдаться, просто отключиться. Но боль мешала ей это сделать. В голове звенел крик, отчаянный крик дикого животного, пойманного и запертого в ее черепе. Она не видела ничего, кроме белого лица вампира, склоняющегося к ней, готового выпить из нее жизнь.

Время, казалось, замедлилось... а потом оно и вовсе остановилось. И повернуло вспять. Кэкстон увидела вампира, поплывшего назад, прочь от нее. Лора растерялась. Так это, значит, и есть смерть? Но дело было не во времени, обратившемся вспять. Вампира оттащили назад, подальше от нее. Кто-то заломил ему руку за спину и скрутил его, схватил за подбородок, рванув его из стороны в сторону. Кэкстон услышала, как позвоночник треснул со звуком выстрела. Потом белая рука потянулась вниз и разодрала вампиру грудь. Кожа, мышечные ткани, ребра отделились и полетели прочь. Белая рука потянулась внутрь и вырвала черное сердце, все еще жесткое от смолы и остатков промасленной тряпки. Сердце полетело вперед и упало к ее ногам.

Времени понять, что происходит, у нее не было. Кто-то спас ее, но были вещи и поважнее. Лора потянулась и ощупала рану на плече. Оно было скользким от крови.

Спаситель подошел к ней, подергивая лицом. Он смотрел как раз туда, где были ее пальцы. На рану.

— Пожалуйста, патрульный. Прикройте ее.

Она нахмурилась. Натянула куртку поверх раны.

— Вы один из них, — сказала она.

И все же он был совершенно не похож на других. Он был мускулист, его тело было крепким, здоровым и сильным. Щеки почти горели от румянца, жара и здоровья. Он был одет в брюки и белую рубашку, застегнутую почти до самого верха. Ни ботинок, ни галстука.

— Кто...

— Малверн, — ответил он. — Это была идея Малверн.

Он вытянул левую руку. На ней не было пальцев.

— Не может быть! — выдавила она.

Это не могло быть правдой. Этого не могло произойти. Лицо было совершенно другим,

и то, как он стоял, его поза была просто... просто...

— Я говорил тебе, что могу кое-что сделать, но это было радикальное решение.

— Вы не говорили, что оно будет естественным!

Она шагнула вперед и с силой ударила его по лицу. Это было все равно что ударить по одной из мраморных колонн здания мэрии: ее руке было намного больнее, чем его ледяной коже.

— Это извращение. Это просто мерзость.

— Да.

Он глянул вверх, словно прижимался к ветру.

— Вы... вы спасли меня. У электрической карты. И потом, у дверей «Доббин-хауса». Вы... были там.

— Да.

Ярость рванулась у нее в груди.

— Я вас не просила!

Он отвернулся.

— Здесь, поблизости, есть и другие. Мы можем стоять тут и спорить, пока я не опьянею от запаха твоей крови, или же я могу прикончить их. Всех, до единого.

— И что потом? — спросила она.

— Потом я вернусь сюда. И ты выстрелишь мне прямо в сердце.

Его лицо изменилось.

Она не могла сказать, что оно смягчилось, но, с другой стороны, она никогда не видела нежности в этом лице, ни до, ни после того, как смерть изменила его.

— Раньше я был тебе бесполезен. Мое тело было бесполезно. Что, черт подери, толку от охотника за вампирами, который даже одеться сам не может? А так я, по крайней мере, могу быть полезен, пусть даже на одну только ночь. Другого выхода не было.

Она бы поспорила с ним. Она бы сказала ему кучу всего, если б только он захотел ее выслушать.

98

На следующий день я завалил пещеру, взорвав выход. Запечатав ее. И даже тогда, когда рванул порох и содрогнулась земля, я верил в то, что сказал Грису. Что я скоро вернусь за ним.

Потом случилась донельзя странная вещь, которая казалась в тот момент невероятной: война закончилась. Не было необходимости в этом жутком кладе, не было смысла раскапывать старые тайны. Я не вернулся. Не могу сказать, что я забыл то, что я похоронил, ибо это будет ложью.

Долгие годы я вспоминал ту пещеру, но, впрочем, все реже и реже. Даже тайны имеют обыкновение блекнуть.

Передо мной лежат собранные мной бумаги. Свидетельство Гриста, рассказанное им от первого лица, и мои собственные записи. Даже полуразборчивая «письменная» присяга Рудольфа Сторроу тоже здесь. У меня есть все до единого доказательства, все мельчайшие улики, которые подтверждают мою причастность к тому, что было сделано. Чтобы собрать их все, мне потребовалось двадцать лет, но теперь я не уверен, к чему было все это беспокойство. Должен ли я последовать совету генерала Хэнкока и сжечь все это? Или поместить их в какой-нибудь пыльный вашингтонский архив со строжайшим наказом, чтобы к ним не прикасались более пятидесяти лет? Или отправить их редактору «Харперс уикли»? И пусть вся Америка узнает, что было сделано во имя нее?

Думаю, нет. Тайна принадлежит мне. И мой долг хранить молчание.

Через мгновение я положу перо. Потом я брошу этот листок и все остальные в огонь, как советовал генерал.

Алва Грист и его мертвые товарищи не проснутся до трубного гласа, и это

спасение для всех нас. Мир никогда не узнает, что я совершил, но Господь видел все. Он один будет мне судьей.

Из записок Уильяма Питтенгера

99

Взошло солнце, застав Кэкстон сидящей в одиночестве возле здания мэрии. Спустя полчаса прибыла Национальная гвардия, сотни мужчин и женщин в полном боевом обмундировании, грузовики, вертолеты. Даже небольшой танк, привязанный к прицепной платформе трейлера.

Они привезли множество медперсонала и оборудования. Разбили полевой госпиталь на площади Линкольна, с койками на две дюжины человек. Один за другим появлялись пациенты, мужчины с полицейскими винтовками за спиной и затравленным выражением на лицах. Некоторые из них залегли на дно, когда план операции пошел прахом. Некоторые заперлись на складах или в общественных уборных и прождали там всю ночь. Другие просто отделились от основной группы и бродили по полю сражения, выискивая вампиров, но находили только призраков. Кэкстон насчитала двадцать три выживших — почти треть от того числа, которое она бросила в бой. Эта цифра не могла вернуть ей сон, но, если честно, это было больше, чем она ожидала.

Все двадцать три солдата были ранены. Большинство из них потеряли много крови. Все имели порезы и контузии, которые нужно было лечить. К середине утра большинство из них были отпущены по домам. Потом стали приносить погибших. Гвардейцы с носилками притаскивали их из погребальных ям, в которые превратились «Панорама» и туристический центр, с окровавленного куска земли, где началась битва. Их было слишком много, и коек в полевом госпитале не хватало.

К этому времени Кэкстон была единственным пациентом, с которым еще возились медики.

Ей сказали, что некоторое время рука будет висеть на перевязи, а плечу потребуются ортопедическая операция. Велели принимать всевозможные лекарства и делать процедуры, которые она ненавидит. Но жить она будет.

Когда Кэкстон услышала это, она встала и пошла вон из палатки. У нее еще была куча дел.

Отряды гвардейцев прочесывали город в поисках вещественных доказательств. Найдя что-нибудь, они приносили ей. К полудню она насчитала семьдесят девять сердец, подходивших к семидесяти девяти скелетам. Сердца были обуглены, раздавлены или наполовину разорваны винтовочными выстрелами. Она клала каждое в сверхпрочный мешок для биологически опасных веществ, который собиралась лично бросить в печь крематория. Она решила проследить за тем, как они будут гореть, одно за другим, пока не останется ничего, кроме пепла. Скелеты были слишком неподатливы, чтобы сгореть полностью, поэтому кости отправились в дробилку для древесных отходов. Это была мерзкая работа, но большую ее часть Лора проделала сама, скармливая машине бедренную кость за тазовой, а тазовую за фалангой, пока сухая желтая пыль не покрыла ее одежду. Кто-то оказался настолько любезен, что выделил ей хирургическую маску и пылезащитные очки.

Ей хотелось спать. Хотелось увидеть Клару. Ей хотелось всего того, чего ей не видеть, пока она не насчитает ровно сто сердец и сто скелетов.

Наконец кто-то позвал ее к телефону. Позвонил комиссар из полицейского управления штата и поздравил ее с потрясающим успехом. Она не вполне понимала, что именно он имел в виду. Он сказал, что ее место в бюро криминальных расследований остается за ней, в чем он никогда и не сомневался. Кэкстон поблагодарила его и повесила трубку.

Большинство звонков она сбрасывала. Необходимость ответить на вызов она почувствовала, только когда позвонил губернатор, но она была краткой, сообщив, что

написала ему официальный отчет. Когда позвонила Клара, Кэкстон просто сказала, что скоро будет дома.

Около четырех часов дня к ней пришли двое гвардейцев с носилками, но без всяких костей. Вместо них на брезенте лежал человек, живой человек.

Она нахмурилась, раздраженная, что ей помешали, пока не поняла, что это Глауэр. Он был бледен, лицо перепачкано грязью, но он был жив.

— Не знаю, что произошло... я многого не помню, — сказал он ей. — Я проснулся на каком-то столе, заливая кровищей бумаги.

Тогда она улыбнулась, хотя смеяться у нее сил не было.

— Я рада, что тебе это удалось, — сказала она. — Ты мне очень помог.

— Слушайте, — сказал Глауэр, потянувшись к ней слабой рукой и схватив ее ладонь. — Я понимаю, сейчас все выглядит довольно мрачно. Но вы спасли мой город. Вы спасли семь с половиной тысяч человек. Могу я вас угостить пивом?

Еще улыбка.

— Может быть, — ответила она. — Наверное, завтра. Сейчас мне как минимум нужно дожидаться заката.

С того места, где она стояла, Кэкстон видела двери мэрии. Аркли не вернулся, несмотря на то что она прождала до рассвета. Она уверяла себя, что ему просто помешало солнце, что он не сумел вернуться к этому времени.

Она знала, что ошибается.

Все вампиры одинаковы, говорил он ей. Они могут начинать как благородные, полные сострадания люди или как отъявленные негодяи. Но когда они впервые попробуют вкус крови, это перестает иметь значение, они становятся бесчеловечными. Противными природе. Стоит им только попробовать крови, и они обретают желание жить, просто чтобы испробовать ее снова. Они хотят жить вечно.

Солнце село около семи часов вечера. К тому времени Кэкстон уничтожила ровно сто сердец. Она нашла их все, заранее зная наверняка, что так и будет. Аркли всегда был обстоятельным. Когда последний розовый отсвет погас в небе над Геттисбергом, она снова ждала у дверей мэрии, держа заряженную «беретту» в руке. Если он не явится, ей придется охотиться за ним. Но прежде чем начать погоню, она решила дать ему еще одну ночь.

Благодарности

Джон Гейстдорфер — реальный человек, который любит вампиров, но не слишком. Своим благородством он заработал место в этой книге, а хорошее чувство юмора обеспечило ему очень странное место в ней. «Развлекитесь по полной», — сказал он. Что я и сделал.

Я провел немало времени, исследуя материалы, касающиеся отрывков романа, действие которых происходит во время Гражданской войны. В этом мне помогало множество людей, отвечая на мои вопросы и не давая мне врать. Персонал и реконструкторы Геттисбергского национального военного парка исключительно щедро делились со мной своим временем и знаниями. А также Крэйг Янг, который составил полное описание действий, быта и амуниции Третьего добровольческого пехотного полка штата Мэн на протяжении всей войны. Своей работой он оказал неоценимую помощь в создании временной оси моего романа.

Также я должен поблагодарить Кэрри Торнтон, Джей Сонз и многих других сотрудников «Three Rivers Press», которые помогли сделать эту книгу состоявшейся.

Моя жена Элизабет всегда оказывала мне поддержку в ходе написания книги и засуживает намного большей благодарности, чем я могу здесь выразить.